

Игорь ОСИПОВ

Бабье царство

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Трудно быть богом, поэтому даже не пытайтесь — надорвётесь. И эльфом тоже быть нелегко, особенно в мире, где царит полнейший матриархат, где отважные рыцарши спасают из лап драконов прекрасных принцев, где судьбы народов решают королевы, а утонченные короли — лишь украшение тронного зала, где инквизиторши сжигают на кострах сельских ведьмунов, где мужчины стоят у плиты, воспитывают детей и ждут своих жён с работы. Вот и приходится прогрессору Юрию во имя науки исполнять роль не воителя, а странствующего эльфа, и приспосабливаться под гендерный реверс, мать его тудыть и растудыть.

- **Игорь Осипов**

- ☐ Глава 1
- ☐ Глава 2
- ☐ Глава 3
- ☐ Глава 4
- ☐ Глава 5
- ☐ Глава 6
- ☐ Глава 7
- ☐ Глава 8
- ☐ Глава 9
- ☐ Глава 10
- ☐ Глава 11
- ☐ Глава 12
- ☐ Глава 13
- ☐ Глава 14
- ☐ Глава 15
- ☐ Глава 16
- ☐ Глава 17
- ☐ Глава 18
- ☐ Глава 19
- ☐ Глава 20
- ☐ Глава 21
- ☐ Глава 22
- ☐ Глава 23
- ☐ Глава 24
- ☐ Глава 25
- ☐ Глава 26
- ☐ Глава 27
- ☐ Глава 28

Игорь Осипов

Бабье царство

Глава 1

Гендерный реверс, мать его

Я сидел в трактире за столиком и разглядывал посетителей. Как раз в это время в полутьму помещения, разгоняемую лишь тусклыми масляными светильниками и полупрогоревшими углями камина, ввалилась ватага тружениц каменоломни. Здоровенные, под два метра ростом, женщины густыми хриплыми голосами обсуждали курфюрстину, то есть, герцогиню, которая решила построить крепость в устье Морочки, но денег пожадничала.

Я вздохнул и чуть тут же не поперхнулся от вонючей гари ламп и едкого пота тружениц. Когда отправили, шеф боялся, что я со своими метр шестьдесят пять буду как тополь на плющихе среди местных. Но вроде бы ничего, справляюсь.

Да, я согласился пойти в прогрессоры, да ещё и колдовского мира. Кто-то скажет, мол, что ему дома не жилось? Но всё же... Там интернет, супермаркеты и жвачка для мозга из тв, а здесь свобода и неведомое. Каждый прогрессор — как Индиана Джонс. На всех приключений хватит. Вонючих, грязных, голодных, с разодранными в кровь руками и разбитым лицом.

— Эй, красавчик, — опустилась рядом на стул одна из этих

ватажнищ. Она говорила чистым басом, а тяжёлое лицо, хоть и не имело признаков растительности, не выглядело привлекательным.

Я снова вздохнул. Придётся строить недотрогу. Казалось бы, счастье мужику — баба сама подкатывает, да только сомнительное это счастье. Здесь и нравы неземные, и гигиена страдает.

В это же время встроенная для сохранности и невозможности потерять в мозг информационная система, состоящая из гель-процессора и пакета нейроконтроллеров, оценивая обстановку в фоновом режиме, выдала совет.

«Служебное сообщение: Угроза жизни и здоровья минимальна. Угроза срыва сроков выполнения задачи. Причина: незапланированное взаимодействие с местным населением. Согласно протоколу рекомендуется применить субличность книгочей. Выполнить?»

Я дал ментальное согласие. Лицо слегка похолодело из-за оттока крови, что придавало ему бледность. Зрачки, наоборот, расширились, а голосовые связки изменили голос на то, что в нашей среде называлось «уста невинности». Не любил я субгипнотические процедуры, но раз протокол требует, придётся. В моменты их применения даже восприятие окружающего мира меняется.

Не люблю я этот режим, но против протоколов лучше не переть, себе дороже.

— Время торопит, — опустив голову и избегая глядеть на бабищу, тихо ответил я. Обоняние начало улавливать растворенные в воздухе феромоны, источаемые этой особой. Она явно пребывала в приподнятом состоянии. Слух оценивал тембр и малейшие изменения интонации голоса, переводя эмпатию в овердрайв.

И о слове «Я». Мужчине здесь крайне невежливо его произносить. Я, мне, меня... Это привилегия женщин.

— Да чё. Успеешь. Ну-ка, глянь на меня.

— Пора иди, — ответил я, нарочито робко глядя на эту особу. И ведь не отвертись. Она одной рукой поднимет меня над землёй. Придётся тянуть время, уповая на режим книгочей. В субгипнотическом состоянии даже психосоматика меняется. — Пожалуйста, позвольте уйти.

— Ух ты, девки! У него глаза голубые, как льдинки, — заорала труженица на весь зал. — Трактирщица, большую кружку этому красавчику. Живым от меня не уйдёт.

Режим книгочей заставил держаться максимально отстранённо и не агрессивно. В случае конфликта это выставит

меня жертвой, создав повод для претензий и вмешательства.

На стол со стуком опустились две большие деревянные кружки. По два литра каждая. Я так живым точно не уползу. А у меня задание. Я дотронулся до кошелька, где лежала чугунная флешка. Я не шучу. Это для местных цехов книгопечатников, которых мы поддерживали и спонсировали. Книги — самое первое, что наша организация пытался распространить в новом мире. А сейчас прогрессоры, в моём лице, совершенно некстати столкнулись с упёртой озабоченной дурой.

Придётся рисковать и дальше эксплуатировать режим книгочея.

— Время, — тихо произнёс я и встал, чтоб двинуться к двери. На улице всё же спокойнее будет, а в случае перехода в режим берсеркера даст пространство для манёвра. Да и со спрятанным под жилетом кобуре самозарядным пистолетом сподручнее на свежем воздухе, чтоб нож или дубинку близко не подпустить.

— Да куда ты не пойдёшь, красавчик, — криво улыбнулась женщина. И в помещении возникла тишина. Все ждали развития событий.

— Пожалуйста, у меня обет воздержания, — тихо и сухо протянул я и поглядел на неугомонную бабищу взглядом кота из старой анимационной сказки, разве что не мурлыкал. Только бы система не выдала совет поддаться. Я лучше нарушу рекомендацию, чем полезу на эту потную бабенцию с гнилыми зубами. Пусть мне руку ломает. Потреплю.

А события тем временем приняли совсем уж плохой оборот. Бабища с жалобным скрипом стула подвинулась, перегораживая мне дорогу, ехидно улыбнулась и смерила меня взглядом с ног до головы.

— Не спеши.

Я внутренне скривился, ощущая себя неигровым персонажем в пошлой ролевой игре. Мужчинам здесь свободу воли не разрешали. А приличные мужчины сидят в светлице и не шарахаются по трактирам. И потому субличность книгочея максимально пыталась соответствовать этому моральному принципу.

Тишина затянулась, а потом я вздрогнул. В стол с грохотом вонзился здоровенный кинжал, а вслед за ним к нам подошла ещё одна женщина. Не из ватаги. В кольчуге и с серым шерстяным плащом в скатку на плечах, словно солдатская шинель.

— Он со мной, — произнесло новое действующее лицо.

Я улыбнулся. На шее у молодой высокой воительницы болталась цепочка с жетоном прогрессоров. Наёмница. Из местных. Работает на нас.

«Биометрические данные подтверждены. На имя субъекта зарегистрирован договор на оказание услуг».

Ватажница смерила пришлую взглядом, раздумывая, стоит ли ввязываться в драку. С одной стороны, тружениц каменоломни здесь почти десяток. С другой, кроме ножей, у них ничего не имелось, а наёмница вооружена лёгким фальшионом, висевшим в простых ножнах на перевязи, и парой топориков, заткнутых за широкую портупею. Из защиты — небольшой круглый щит, по размеру чуть крупнее кулачного баклера, и кольчуга длиной до колен поверх простёганной войлочной куртки.

Девушка не столь широкоплеча, как работница, но в росте не уступала. То есть, она возвышалась надо мной на добрых тридцать с лишним сантиметров. И надо признать, имелось в ней некое обаяние, которое не портил даже тонкий шрам, идущий от левой стороны рта к уху, словно кто-то пытался ей вырезать улыбку, но сделал работу наполовину. Сдох, наверное.

Около десятка каштановых кос спускались до поясницы. И в каждую вплетено по медной бляшке.

— Чё такая дерзкая? — нехотя начала ватажница, стараясь не уронить лицо во время отступления.

— Жрать захочешь, не так одерзеешь, — спокойно ответила наёмница, а потом вынула нож из столешницы и сунула в ножны, висящие на правом бедре. Она встала перед работницей, дождавшись, пока та с невероятно кислой и недовольной рожей не отодвинется с прохода, схватила меня за локоть и потащила к выходу. Спротивляться было бесполезно. Я вешу чуть меньше семидесяти с небольшим. Она под сотню. И жирка не видно, а это значило, что сил у неё тоже побольше будет. А режим берсеркера, с его имитацией боевого транса и впрыском убойной дозы адреналина, сейчас нецелесообразен. Не буду же я глушить своего же сотрудника. Хотя она и из местных.

Вскоре мы оказались на улице, где меня отпустили, но столь неожиданно, что я чуть не упал.

По подсохшей грязи у трактира с кудахтаньем бегали куры, ковыляли гуси и копошился в куче земли одинокий поросёнок.

«С вероятностью сорок процентов наёмная работница — осведомитель магистрата. Для снижения бдительности рекомендуется субличность олух», — прошептал внутренний голос, уловив мысленное подтверждение.

А, вообще-то, олух — моя любимая субличность. Он больше всего походил на меня прежнего. Разве что гормональный фон подразумевал немного большую эмоциональность и импульсивность. Но это даже прикольно.

— Весь обед испортили, — пробормотал я, глядя на тощего

мужичка, который стоя на табуретке снимал с верёвок серое, едва-едва отстиранное бельё. Химических отбеливателей в этом мире ещё не водилось, и что-то разок испачканное отстирать уже невозможно. Пришлось одёрнуть оранжевую льняную куртку с набивными рукавами из чёрно-жёлтых полос, а потом достать заткнутый за пояс малиновый берет с пышным белым пером на боку. Что поделать, местная мода такая. А ещё я по этой самой моде таскал начищенные до блеска медные колечки на пальцах и серьгу в правом ухе. Радует, что это здешняя мода нормальных, охочих до женских ласок, мужчин. Гендерный реверс, мать его.

— В другом месте поедим. Я тоже проголодалась, — смерив меня взглядом, произнесла наёмница.

— Ты меня по жетону халумари узнала? — спросил я.

— Угу. Но не только. Ты чем-то похож на главу своей гильдии. Вы, полупризраки, всё там немного не такие. Не знаю. Просто другие, — пожав плечами, ответила наёмница. — Странные.

— Хорошо. Тогда поедим и направимся в Галлипос. Туда необходимо доставить кое-что, — произнёс я, хлопнув ладонью по карману с чугунной флешкой.

— Там сейчас беспокойно. Соседние королевства воюют, и вокруг Галлипоса часто приходится отбиваться от мародёров, залётных рейдеров, банд дезертиров и просто разбойников.

— Знаю, но идти всё равно нужно. Кстати, меня Юрой зовут, а тебя? — жизнерадостно спросил я, поглядев на девушку снизу вверх.

— Катарина, — ответила она густым и низким, но в то же время приятным голосом и пошла вперёд, отчего мне пришлось чуть ли не вприпрыжку догонять её.

Люблю я режим раздолбая.

Глава 2

В путь

Мы шли по рынку. В животе урчало, а под ногами хлюпало. Вчерашний дождь разбил всю дорогу, заставляя людей обходить широкие мелкие лужи.

— Чёртова провинция, — пробурчал я, пытаюсь не запачкать остроносые ботинки с медными пряжками. Казённые, между прочим. Мне их перед заданием выдали вместе со всей одеждой. А она недешёвая. Дизайнерская. Ручной работы.

Наёмница не сбавляла шага, отчего мне пришлось порой переходить на бег. Она молчала, заставляя глядеть в спину. А ничё так, недурна собой. Наш кадровик, которого обязали ещё и с местными договоры о работе заключать, тот ещё эстет. В общем, не широкоплечая бычара с сиськами-бидонами на десять литров, а вполне нормальных пропорций. Подумаешь, почти два метра ростом. Буду считать, что это боевая волейболистка, а не трольчиха.

Я поправил перекинутую через плечо походную торбу из кожи, и проверил наброшенный как рюкзак чехол со спальником, состоящим из хорошей циновки и толстого шерстяного одеяла. Тоже дизайнеры поработали. Они как узнали, что их изделия пойдут в иной мир, как с цепи сорвались. Кузнецы, портные, кожевники, ювелиры и прочие кустарщики наперебой свои творения пихали в ведомство по прогрессорам. И всё в соцсетях выложено.

Хотели сперва всё в секретности держать, но как Штаты ринулись в безлюдный мир, заявив на весь свет, что они молодцы.

И наши, чтоб не отстать, рассекретили. Штатам карты в руки, делай что хочешь, лишь бы экология не пострадала, а у нас куча комиссий по правам человека, толпы профессоров во всех отраслях и обществ по защите попугайчиков из параллельного мира. Но это же оказалось нашим козырем. Экономически у конкурентов фора, а у нас настоящий обитаемый мир со средневековьем. И матриархатом. Запад аж на кипяток изошёл. Хайп не утихает ни на секунду.

— Мы жрать-то будем? — спросил я у Катарины, когда миновали рынок.

— Вечно вам, мужчинам лишь бы хныкать? Потерпеть не можешь? — огрызнулась она.

— Ну, я же должен знать.

— Скоро.

— Когда скоро?

— Саске, — зло пробурчала в ответ наёмница. На местном непереводаемом это было что-то вроде стервы. Только этим словом муже-тяночек звали, которые много говорят. А ещё по земной привычке вставляю местоимения «Я». А вот назло буду вставлять. Буду сучонком крашеным. Хотя нет, я русский от рождения.

Я поглядел на клинок Катарины. Уж не им ли с ней рассчитались? И ножны, и рукоять слишком хороши для этого мира. Про сам фальшион и говорить нечего, легированная сталь заводского проката с соблюдением всех технологий даже после ручнойковки на порядок превосходит местные изделия. После электрохимического травления узоров она превращалась в произведение искусства. Для местных это фактически аналог эльфийского клинка. А я сам типа эльфа. Ну, или эльфийки, если брать во внимание матриархат. Не старшей породы, но всё же. Длинных ушей не хватает. Зато голубые глаза, какие здесь бывают только у фольклорного северного народа, были фирменным знаком прогрессоров. Из-за этого на меня часто поглядывали с любопытством. Эксперты посчитали, что лучше быть эльфом, чем притворяться своим. Всё равно не получится. Хотя я точно знал о тайных агентах, в которые были набраны высокие спортсменки. Их долго-долго натаскивали на лингвистику и обычаи, а потом засылали как купцов.

— Долбанная провинция, — снова буркнул я, когда улочки между двухэтажными кирпичными домиками стали совсем узенькими, а грязь вперемешку с человеческими фекалиями никогда не высыхала. В такой тесноте, если три человека идут одной шеренгой, крайние локтями стен касаются.

Но к тесноте и грязи я привычен. По срочке мех-водом танка был. Из грязного комбеза почти не вылезал. Ботинки жалко. И портянки. Их же стирать надо, а стиральных машинок здесь нет, и ближайшие сто лет точно не будет. Разве что у лордесс и богатых купчих, но моя спутница ни то ни другое. Поэтому можно не надеяться.

— Вот, — произнесла Катарина, когда мы подошли к небольшой двери. Дом не выделялся среди прочих, и кто там жил, оставалось только догадываться. Разве что моя спутница сняла комнату по знакомству.

И опять под ногами грязь, вперемешку с золой, как обычно делают местные. Зола здесь вроде простейшего оберега. Я поморщился, а Катарина с силой постучала в дверь с большими щелями между досок.

Открыли почти сразу. На пороге встретила широкая бабища в

возрасте. В седые косы были вплетены многочисленные жетоны-амулеты, а в руках — серая тряпка, о которую она вытирала руки.

— С каких это пор ты с халумари связывалась? — недовольно пробасила бабища, брезгливо скосив на меня глаза, словно на элитную проститутку.

Халумари. Это они нас так называют. Дословно переводится как полупризрак, то есть наполовину выходец из мира духов. Не боятся, но и не сильно любят. Скорее, не понимают.

— Деньги, матрэ. Деньги виноваты.

Я удивлённо вскинул бровь. Оказывается, это её мать.

— Заходи уж, — ласково произнесла матрэ дочери, а потом повысила голос на меня, стоило ступить на порог. — Ноги, хмани!

Ещё одно обзывательство, но не такое обидное, как саске. Что-то вроде недотёпы. Пришлось вытереть ботинки о приколоченную к дощатой рамке циновку из прутьев. Аналог коврика у двери.

— Надолго, Катри? — продолжила расспрос мать наёмницы, подойдя к одному из столиков.

— Поем, соберу вещи в поход и выдвинусь.

— На ночь глядя?

— Переночуем на Карчиках, зато Гнилой Березняк минуем по полудню.

— Ну, смотри-и-и, — скривившись, протянула матрэ, мол, тебе видней, но всё равно это глупо.

Я положил у стены спальник и торбу, а потом сел на лавку у двери, согнав с неё рыжую ласку, заменявшую местным кошку, и начал оглядывать помещение. Глаза совершали зигзагообразные движения, создавая панораму и сохраняя ее в гель-процессоре. Это стандартная процедура для прогрессора, который оказался в новом месте, и при этом место может иметь некий интерес. Финальным действием внимательно оглядел мать наёмницы, внося ее биометрические данные в базу.

— Что будешь? — спросила бабища у Катарины, подходя к полкам с горшками и свёртками, занавешенными серыми холстинами. А с потолка свисали многочисленные вязанки сушёных корней, грибов и рыбы, создавая непередаваемый аромат.

— Мясо есть?

— Угу. А этому? — спросила матрэ, не догадываясь, что немного позже она на попадёт в соцмакет города.

— Я хочу омлет с ветчиной, — совсем не в вежливой форме произнёс я, заставив наёмницу сжать губы и потерять переносицу. Ей было стыдно за такую компанию, но ничего не поделаешь,

контракт заключён, аванс выдан, а впереди ждёт основная плата. Может, тканями, может, кованым железом, а может, и серебром. Что сама выберет.

Бабища с усмешкой поглядела в мою сторону и цокнула языком.

— Какой дерзкий красавчик, — усмехнулась она. — Дело точно в деньгах?

— Матрэ! — резко выкрикнула Катарина и зло уставилась на мать.

— Ай, глазки как льдинки. Жаль, что халумари.

Я усмехнулся, а бабища указала мне на стол, который по обычаю находился в западном углу. Тут уж пришлось соблюдать приличия и сесть на гостевое место, сняв с головы берет. На хозяйское без разрешения только лордесса или жрица одной из первых богинь могла сесть. Ну, или совсем уж дорогая гостья, но я к этим категориям не относился.

Готовясь к долгожданному обеду, я достал из внутреннего кармана свёрток с медными вилок и ложкой. И нож, который висел в ножнах на поясе. Он небольшой и годился только как кухонный, так как местных дев им можно разве что поцарапать и разозлить.

Да, экзотика. Но я уже привык к ней за прошедший месяц и теперь скучал о нормальной еде, нормальной кухне с микроволновкой, нормальной ванне и телевизоре. По плану через шесть лет мы должны представить первые радиовещатели, развешанные на столбах. О телевизорах рано говорить. Сейчас нужнее всего печатные книги. Без них ничего не получится. Сейчас огромные деньги выделены на примитивные типографии со свинцовыми буквами, где будут набираться учебники простейшим наукам, местные эпосы и комиксы. Да, раскрашенные вручную комиксы будут рулить этим миром.

Я вздохнул. Наш план тайного появления в этом мире рухнул в первый же день. Портал и выходящий оттуда спецназ заметили пастушки, сразу побежав в деревню с криками «Демоны! Демоны!». Благо, рядом была цитадель местного ордена магесс.

Маги они были настоящие, но колдовство так себе. Пафоса больше.

Испуганная лордесса послала двух рыцарш к магессам, а потом к portalу прибыла большая делегация с вилами и факелами. Вы представьте здорового десантника в полной экипировке, в то время как девы никогда не видели мужика выше метр шестьдесят пять. Но договориться удалось.

Орден сразу смекнул, чего мы хотим, и выставил условия, одновременно желая получить выгоду и обезопасить себя от

захвата власти. А хотели мы местные ресурсы. Тащить нефть, редкие металлы и прочие ценности порталом совершенно невыгодно, и потому нужно организовать производство здесь. А это невозможно без прогрессорства среди местных. Средневековые дуры попросту не поймут сути и начнут священный поход, и будут правы. Это их мир. Их богатства.

Тут же палки в колёса поставили Штаты, намеренно тормозя прогресс бесконечными комиссиями по целесообразности той или иной вещи. Им-то хорошо. Им динозавров не надо грамоте обучать. Они их вместо метеорита добьют.

На долгих переговорах было решено, что через перевал пройдут только мужчины. И не чудовища, а нормальные по их меркам муже-тяночки, ибо они не имеют юридических прав. В противном случае поднимется крик до столицы, что здесь действительно чудовища и само зло. Воевать со всем миром нашим не хотелось, так как куча наблюдателей сразу обвинит нашу страну в нарушении прав человека и всевозможной агрессии. Потому пообещали, что все чудеса науки будут проходить придирчивые досмотры совета магесс, и половина прибыли будет оседать тут же, а в мир пойдут невысолики.

Низкорослых и тощих спецназовцев не нашлось, а комнатных ботаников не решились отправить, поэтому начался срочный поиск среди прошедших службу коротышек. Но самым главным критерием стала совместимость с гель-процессором, который стоил, как истребитель, и изначально был именно военной разработкой. Так я и попал, впрочем, не слишком жалея о брошенной работе. Даже упоминать о ней не буду.

Перед попаданством, помимо основам выживания в дикой природе и физической подготовки, проходил долгое обучение языку, географии и основам обычаев, но лёгкий акцент всё равно не могу скрыть. Слишком чётко произносил «Р» и иногда «акал», когда нужно было говорить внятное безударное «О». Но это ничего. По-первости путался с падежами, которых здесь девять, а не шесть.

Вскоре, прервав мои размышления, передо мной на стол опустилась глиняная плошка с обычной яичницей с вкраплениями мяса и кружка с водой. В воду были брошены какие-то листья, которые по идее должны придавать аромат, но запах базилика, на который это походило, я на дух не переносил. Пришлось давиться.

Катарина быстро собрала походный вещь-мешок, приторочив к нему толстое одеяло и медный котелок. Потом она так же быстро стрескала тушёное мясо на рёбрышках с бобовой кашей, которое ей поставила на стол мать. Эта прорва съела целую

кастрюлю. Я по сравнению с ней Дюймовочка. Двухлитровая кружка тоже опустела за считанные мгновения.

— Пойдём, — проронила наёмница, отряхнув ладони друг о друга, встав из-за стола и подхватив ношу, имевшую около полуцентнера веса. — Матрэ, мы пошли!

В оригинале это звучало: «Мама, я и вот это пошла».

Что поделаешь, мир такой. Но мы же прогрессоры. Мы это исправим. Не сразу, конечно, но лет через сто-двести- точно. Вон, на земле до сих пор всякие группы борются за права, а здесь глухомань средневековая.

— А что, сладкого не будет? — ехидно спросил я, сразу ощутив на себе насмешливый взгляд матрэ. Походу, я приглянулся этой бабище. Переживу. Не жениться же.

А Катарина застыла на пороге, шумно вздохнула, но смолчала. Она не знала, что слова о сладком не пустые, ибо процессор получал энергию от каталитического окисления углеводов, поэтому сладкое употреблять приходилось очень много.

И вот доблестный рыцарь и эльфийка, то есть, хмурая наёмница и я, снова оказались на тесной улице. После в принципе неплохого обеда вонь города ударила в нос. Меня чуть не стошнило. Но ничего. Это мы тоже исправим. Лет через сорок.

Город был небольшой, всего на пять тысяч народу, и буквально через десять минут мы были за воротами. Я сунул руку во внутренний карман, нащупав, помимо предназначенной моим коллегам чугунной флешки, пистолет скрытого ношения. Он был калибром семь шестьдесят два. Того количества патронов, что у меня имелось, для захвата мира или свержения королей этого мало, но на самый крайний случай сгодится. Жаль атмосферные помехи, присущие этому миру, не дают передавать данные дальше прямой видимости. Так бы топать никуда не пришлось.

Жест не укрылся от пристальных глаз наёмницы. Наверняка потом придётся рассказать, что и как.

Идти далеко, но до меня курьер регулярно ходил этим маршрутом, и ничего, жив здоров был. Один раз даже сам ходил, без сопровождения, покуда северная гиена не покусала. А чем я хуже? Тем более со мной такая большая и хмурая красавица. Её я тоже прогрессу придавать буду.

— Катри! — окликнула у ворот мою спутницу снаряжённая в кирасу и шлем-шапелъ стражница с алебардой, ещё раз убедив, что она здесь своя. — Ты куда?!

— Ланна! Привет! Недалеко, — отмахнулась наёмница и несильно стукнула кулаком по плечу любопытной здоровячке, которая была на полголовы выше Катарины, но такой рост совсем

уж редкость. Однако то, что наёмница не стала раскрывать цели путешествия, о многом говорило. Она не доверяла.

— Не задерживайся.

— Яси, — буркнула Катрина местный аналог слова «окей» и вышла, потянув меня за собой. И перед нами оказалась вытоптанная дорога, голубое небо с двумя солнцами, большим белым и махоньким красным, поле и неделя странствий.

Но ничего, я же прогрессор. Герой, мать вашу. Ну и что с того, что я первый раз так далеко ухожу от базы? Не всё же только документацию между орденом магесс, этим городишкой, замком курфюрсты и нашим лагерем переправлять.

Пора и в дальнее плавание.

— Яси, — произнёс я, глубоко вдохнул и вспомнил девиз Гагарина, озвучив его по-русски, — поехали...

Глава 3

Пыль чужих дорог

Мы шли по пыльной дороге, петляющей между берёзовыми колками и огибающей заросли ивняка. Дорога, словно змея, ползла вдоль небольшой речушки, прогрызшей себе овраг глубиной в человеческий рост в каменистой почве. Края оврага щерились галькой и покатыми булыжниками, а сама вода пряталась в густом кустарнике, из которого доносилось звонкое пение птичек-невеличек. По краям дороги зеленело разнотравье. Ещё не высохшее от летнего жара двух солнц — яркой белой Шаны и едва заметного в её свете и красного, как уголёк в камине, Сола. Две звезды вращались в тесном танце, именуясь не иначе, как гордая богиня света и её верный любящий муж, и знаменуя многовековой порядок вещей этого мира.

Если же глядеть с точки зрения астрономии, то Сол был не намного тяжелее нашего Юпитера, но вращался на орбите, меньшей, чем наш Меркурий, за сорок девять дней. Ну и, конечно, весь календарь местных жителей был привязан к этим циклам.

Терия, планета, по пыльной дороге которой я шёл, пытаюсь не отстать от высокой наёмницы, имела почти те же свойства, что и родная Земля, разве что год длиннее на шесть дней, а сутки короче на полтора часа. Последнее сильно выбивало из колеи.

Я шёл, сшибая длинной палкой верхушки каких-то трав, похожих на укроп. Поля с пшеницей и льном ещё не кончились, и оттого нам часто попадались возы, гружённые мешками, коробами и прочим имуществом. На них сидели здоровенные крестьянки, управляющие неспешными турцами — местной породой волов, используемых и для молока, и для мяса, и для шкур, и как тягачи. Удивительно, но верховой езды здесь не изобрели. А колесо — да.

— Катарина, — позвал я свою спутницу, когда нас миновал очередной воз, — а вот что ты будешь делать, если на нас волки нападут?

Наёмница шла весь день молча, и мне это надоело. Я уже и песни спел, какие помнил, несмотря на полное отсутствие певческого таланта, и кусок жёсткого вяленого мяса погрыз, благо один такой полдня можно мусолить, и даже сшибать травинки устал.

— Волки в наших краях мелкие, не то, что на севере. Не нападут, — ответила боевая девица.

— А гиены или львы? — с лёгкой издёвкой продолжил я вопрос. И так знал, что в этих широтах водится много зимостойких аналогов наших африканских зверей. Гиены, львы, мохнатые носороги, короткошёрстые мамонты, меховые зебры и даже жирафы. Чуть южнее в болотах наравне с кабанами жили небольшие, но суровые бегемоты, а мелких крокодильчиков даже здесь в речке можно при желании найти. Климат не тропический, но куда мягче, чем в средних широтах. Перепады температур между зимой и летом незначительные. Снег — большая редкость. Хотя засухи и здесь случаются.

— А ты смотри по обе стороны, и не нападут.

— А драконы? — с усмешкой, спросил я.

— Они у нас не водятся. В Карских предгорьях — да, но небольшие. Человека не утащат.

Я шмыгнул носом. Да, драконы здесь действительно были. Причём очень много разновидностей. И все колдовские твари. У нас, будучи переправленными, мгновенно умирали, лишаясь поддержки своего мира.

— Скучно-о-о. Расскажи что-нибудь.

— Я не мужчина, чтоб трындеть без дела, — недовольно ответила Катарина, а потом продолжила. — Ты спой ещё.

— Что именно?

Пел я на русском. И слов она, само собой, не понимала, но раз просит — всегда пожалуйста.

— Ну, там было «цельма валюминатре, цельма валюминатре вина», — коверкая незнакомые слова, произнесла девушка.

Я усмехнулся и насколько мог затянул бессмертную песню о космонавтах. Да, космос мы не покорили, зато ринулись в параллельные миры благодаря сверхмалому кольцевому коллайдеру сверхвысоких энергий. Его сразу окрестил звёздными вратами.

Песня, слегка фальшивая и даже очень непрофессиональная, разлилась над очередным полем, заставив больших бабищ-крестьянок выпрямиться и поглядеть нам вслед.

— Подойдёт ближе, встань у обочины и поклонись, — произнесла Катарина, пристально поглядев вдаль, где нам навстречу катилась большая повозка с запряжёнными в неё двумя белыми волами.

— Это кто?

— Землеправительница.

— А-а-а, ясно, заместительница курфюрсты. А если я не поклонюсь? — ехидно спросил я, — А если брошусь ей на шею с криками, кормилица вы наша?

Катарина недоумевающая посмотрела на меня, и только потом

процедила.

— Я слышала, что в стране фей всё наизнанку, но приличия же должны быть.

Я слегка смутился. Да, меня учили местному этикету, но ведь скучно же. Хоть эту думал поподкалывать, но она всё за чистую монету принимает, а так и до конфуза недалёко. Но вместо оправданий или колкостей перешёл к другой теме, глядя, как в поле женщина подняла длинную палку с тряпкой и с криками: «Шусь! Шусь, падаль, отсюда!» начала отгонять семейку северных страусов, чьи головы на тонких шеях забавно торчали над пшеницей.

— Ты хорошо говоришь для низшего сословия. Училась где-то?

— Училась.

— Где?

— Это так важно?

— Расскажи, пожалуйста. Мне интересно, — попросил я, глядя в лицо наёмницы. Каштановые косы были сейчас сплетены в тугую походную косу, свисающую до поясницы. Нос с небольшой горбинкой. Карие глаза под густыми бровями. Губы относительно тонкие. Немного непривычной была тяжеловатая челюсть, но это особенность местных дам, и через пару недель пребывания в этом мире воспринимается, как должное. Ну, как тёмная кожа у африканцев или раскосые глаза азиатов. А так, она даже с претензией на приятность.

— Нет, — резко ответила Катарина и ускорила шаг, отчего я вздохнул и начал догонять.

— Ну, нет так нет. А где ночевать будем? Шан-ун-Сол через час с небольшим лягут.

— Вон там, — ответила девица, указав на ближайший колок берёз.

До встречи с повозкой знатной дамы, фактически первой фрейлины местного герцогства, шли молча. Вопросом об обучении я почему-то обидел наёмницу. Но вникать и ковырять чужую душу не хотел.

А ещё, глядя в спину Катарины, отметил, что походка у неё не мужская. Не как у трансвестита, обычная женская, несмотря на общую грубость, что ли. А ещё интересно, инвалидом какой группы я стану, если ущипну её за задницу. Это вопрос заставил меня улыбнуться, и чую, не раз ещё мелькнёт такая дурная мысль. Попка-то хорошая.

Повозка, похожая на карету, вскоре поравнялась с нами. И остановилась.

«Рекомендуется субличность книгочей, — известил меня

внутренний голос, — исполнить?»

«Нет», — ответил я одними лишь губами. Так справлюсь.

Из кареты выглянула суровая дама с колючими глазами, пристально нас разглядывая. Катарина приложила кулак к левой груди и сделала небольшой поклон. Я же снял берет, сделал им витиеватую фигуру высшего шляпо-пилотажа и чёткий кивок. Быстро опустить голову, замереть на секунду и снова быстро поднять, застыв с вежливой улыбкой. Это вместо книксена, каким барышни на земле в восемнадцатом веке при дворе промышляли. Впрочем, декольте у меня не было. Это уж увольте. Зато в дополнение к куртке были штаны горчичного цвета до колен, подхваченные красными шнурками чуть ниже колен, и серые походные портянки, заправленные в ботинки, отчего торчали только самые краешки. На плечах — серый походный плащ до пояса с пришитым к нему капюшоном и серебряной застёжкой. В общем, я выглядел если не как клоун, то как паж из сказки про Золушку точно. Ну, или как Лютик из книги про ведьмака.

Ах да, гульфик. По местной моде мне полагался сей чудный элемент гардероба. Причём он был сменный. Размеры и цвет строго регламентировались. Для меня, как незнатного роду, но и не черни, а скорее мастерового высшей гильдии, на официальных приёмах полагался чёрный бархатный, слегка набитый опилками.

На балах — сочного цвета и непременно из дорогой ткани, но без золотого шитья. И не приведи Создательница этого мира, больше размером, чем у супруга хозяйки бала. Обид будет море, чуть ли не политический скандал. Нас специально по этому поводу инструктировали, хотя мы ржали на лекции, как кони. А наш культуровед, месье голубых кровей Анри, долго и самозабвенно рассказывал о средневековом дресс-коде, взывая к серьёзности.

В повседневной жизни использовался каких-нибудь неярких цветов. Я носил в цвет штанов, лишь слегка набив его поролоном. Помню, когда первый раз оделся по местному и вышел в город, ходил пунцовый от стыда. Потом привык, решив считать себя эдаким косплеером на барда. Тем более что здесь все так ходят, даже крестьянчики. И появиться без гульфика столь же не айс, как у нас девушке без лифчика.

Сейчас я над этой темой откровенно угораю. Пардон, вежливые люди говорят: «Забавляюсь».

В общем, заместительница герцогини смирила меня взглядом, особенно остановившись на гульфике. И по традиции на голубых глазах.

С облучков прыгнули две широкоплечие стражницы. А в

глубине кареты мелькнули два придворных паренька, смазливых на мордаху. Землеправительница явно была охоча до молодых мальчиков.

— Кто такие? — протянула мадам, переведя взгляд Катарину. Её она удостоила лишь лёгкой улыбкой в знак того, что ответила на приветствие.

— Вольные путники, моя госпожа, — ответила наёмница, выпрямившись и встав по стойке смирно. А мадам было, скорее всего, скучно. Вот и решила дое... в общем, вести расспрос.

— Откуда и куда?

— Я получила заказ сопровождать господина Юрия к морю.

— Он фей-бой, халумари? Как интересно. И что же за дела у полупризраков на море?

— Море тянет, госпожа, — витиевато по этикету начал я ответ. — Дома долг служения не позволяет насладиться большой водой. Здесь же, вольность есть, и есть время.

— Я слышала, вы ничего не делаете просто так, — с лёгким сарказмом протянула мадам, — Я думаю, и сейчас ты идёшь не просто для отдыха.

— Ваша проницательность поражает, госпожа, — поклонился я и улыбнулся, — есть доверенность моей Повелительницы посетить братьев, что торговлю ведут, и справиться о здравии, о нужде.

Ещё одно правило — всегда ссылайся на Повелительницу, это придаёт вес в глазах местного общества. Хотя товарищ генерал аж на псих исходит, когда те, кто имеет внешний допуск, называют его на совещаниях повелительницей. А в ответ, мол, поддерживаем навыки. Забавные у нас совещания, мы в пажеских костюмах, и рядом спецназ в камуфляже. Рядом с генералом его заместительница по связям с местными — высоченная фотомодель, специально взятая на эту роль. Она же участвует в официальных приёмах.

— Шпион, значит, — усмехнулась мадам.

— Придворный служитель, госпожа, — нарочито смущённо ответил я и опустил глаза.

Землеправительница сделала небрежный жест, и одна из стражниц сделала шаг вперёд.

— Подорожные грамоты, — хрипло произнесла она, вытянув руку.

И Катарина, и я одновременно достали из-за пазух небольшие свитки. Тут лучше не паясничать. Чуть не так, и потроха потом собирай по всей дороге. А прибить их — точно политический скандал.

Стражница грубо подхватила документы и протянула

фрейлине. А та раскрыла и мельком прочитала. Но там всё нормально, грамоты официальные, и печати настоящие.

— Юрий да Натали́я, — произнесла мадам. С именем всё понятно. А что касается да Наталия, то здесь не по отчеству величают, а по материнству. Вот и списали имя мамы в грамоту.

— Катарина да Мария да Шана-ун? — переспросила фрейлина. Я и сам удивился. Ведь моя спутница не из простых. Она, оказывается, кандидатка в самые настоящие местные паладины. Не состоявшаяся, но имеет право на повторную аттестацию. Об этом говорит суффикс ун.

— Да, — коротко ответила наёмница.

Мадам сделала задумчивый вздох.

— Юрий, личная просьба. Если что-то интересное увидите, сообщите. Мы же в мире с вашей Повелительницей.

— Непременно, госпожа.

— Дай, — к кому-то обратилась она, и на её ладонь лёг небольшой мешочек, который она снисходительно протянула мне.

— Вы так добры, госпожа, — поклонился я и принял подарок вместе с нашими грамотами.

Занавеска на окошке задёрнулась, карета тронулась. Стражницы на ходу заскочили на эту неспешную повозку, продолжая нас разглядывать. А я дождался, когда отъедут на значительное расстояние, и расстегнул мешочек. Там оказался десяток серебряных монет. Что на них можно купить? Ну, месяц не шикарно, но и неплохо питаться в трактирах. Это вместе со съёмом комнаты на двоих. Купить новую куртку или новые ботинки. Не дешманские лапти, но и не для знати. Да, бедняки здесь ходят в лаптях, как у нас крепостные при царе. Но вяжут не только из бересты, но и из прочного озёрного тростника. А ещё можно купить на эту сумму хороший нож.

В общем, меня явно самого купили, и придётся писать рапорт о данном происшествии. А деньги я однозначно потрачу по пути. Зря, что ли, гульфик поправлял и глазки строил.

Правда, из этого числа я достал четыре монеты и протянул Катарине. Нехорошо жадничать.

— Держи.

Девушка поджала губы, решая, взять это или нет, но потом буркнула благодарность и приняла.

— Надо готовиться ко сну, — произнесла наёмница и свернула с дороги. Я последовал за ней.

Разместились мы на окраине рощи, так что над головами шумела листва и пели вечерние птицы. Дрова пришлось поискать, так как дорога не пустует, и до самой мелкой щепки всё уже

собрано. Вот и сейчас в надвигающемся вечернем мраке, который никогда не разгоняет свет луны по причине полного отсутствия таковой, вдали угадывался чужой костёр. Наверное, эти места популярны у туристов и прохожих для ночлега.

Катарина методом чирканья двух камушков друг о друга развела огонь, кинув туда большой пучок соломы, а когда та сгорела, сгребла золу и прошла по широкому кругу, рассыпая пепел щепотью, словно пельмени солила.

— Это что? — не удержался я от вопроса, глядя, как круг замкнулся, а наёмница села на колени спиной к огню и достала из небольшого мешочка несколько костяных фигурок, размером со спичечный коробок каждая. Крохотные статуэтки сноровисто были водружены на небольшой деревянный постамент в форме лавочки габаритами с блокнот. Видать, миниатюрный алтарь. Катарина протянула к фигуркам руки, сложив ладони так, словно подставляла их под рукомойник для воды, и прошептала несколько слов.

— Вечерняя молитва, оберегающая сон, — произнесла девушка и потянулась к сумке, из которой достала лепёшку, мясо и флягу с некрепким вином. Костёр к этому времени уже разгорелся, и искры, вырывающиеся из потрескивающего пламени, уносились вверх, к звёздам.

Я сделал так же, но достал не простую еду, а плоскую консерву из сухого пайка. Стоило её слегка проткнуть сверху, чтоб не вспучилась во время разогрева и положить в костёр, как к запаху дыма и трав прибавился аромат гречневой каши. Катарина застыла ненадолго, глядя на мой ужин.

— Юрий, расскажи о стране фей.

Я улыбнулся, откинулся назад, подложив руки под голову, и поглядел в небо.

— Города. Они даже ночью утопают во множестве огней. В каждом доме, на каждом придорожном столбе, на каждой повозке горит яркий-яркий фонарь. И их очень много.

— А как вы тогда спите при свете? — спросила девушка, поглядев на костёр. Пламя отражалось в её глазах, отчего казалось, что они сами обладают крохотными внутренними искорками. — Слишком светло же.

— Привыкли. К тому же фонарь не солнце. Можно и погасить. А ещё на небе ночью Луна.

— Люна?

— Ну, у вас на небе Шана и Сол, а у нас Солнце и Луна. Только ваши светила всегда вместе, а наши всегда порознь. Солнце днём. Луна ночью.

— У вас даже ночи нет?

— Что ты, Луна не такая яркая, как Шана. Но дорогу перед собой можно различить.

Катарина замолчала, а я сел и поддел веткой консерву, которая шкварчала и шипела. У меня много сказок есть для моей спутницы. Всё и не успеть, но самые красивые обязательно расскажу. А как доберёмся до места, включу у типографщиков ноут и фотки покажу.

— Пойду отолю, — произнёс я, вставая с места и направившись к кустам. Там я изготовился к действию, но, когда Катарина подбросила веток в костёр, и круг света на мгновение стал шире, выругался на чём свет стоит.

— Твою мать! Это что за хрень такая?!

Передо мной в двух шагах стоял скелет, покрытый какой-то слизью. Он судорожно разевал рот и протягивал в мою сторону руку, но при этом не доставал до меня. Вся вечерняя романтика испарилась, и возникло желание расстрелять это. Но мысли о пистолете пришли как-то не сразу. Сперва-наперво я подумал, что прямо сейчас сделаю то, ради чего пошёл к кустам. Прямо в штаны. Но нет, помимо похолодевшей спины, ничего не случилось. Все обошлось.

— Катарина, что там за хрень такая? — быстро подскочил я к наёмнице, поправляя штаны на бегу. — Что это за тварь?

— Гаул, — спокойно ответила, — дух ночных терзаний. Не бойся. Он не пройдёт через круг.

— И что. Он так и будет там стоять?

— Да.

— И ты, нахрен, будешь как ни в чём ни бывало спать?

— Да, — спокойно ответила, широко зевнув наёмница. — Главное, чтоб огонь не погас.

Я поглядел на девушку, которая поудобнее укуталась в одеяло и легла на бок, потом зыркнул на скелет, а затем пододвинулся поближе к костру, положив поближе охапку хвороста.

— Ага, — пробормотал я по-русски, — сказки ей собрался в уши всовывать. Тут у них свои байки из склепа бегают. Твою ж мать, называется.

«Система, почему не было оповещения о посторонних объектах?»

«Объект не фиксировался до визуального контакта».

«Система, оценка опасности».

«Нет данных», — сухо ответил гель-проц.

Пальцы сами собой подхватили ветку и швырнули на угли. Чую, ночь здорово пройдёт...

Глава 4

Кровь чужих дорог

— Первый постулат прогрессорства, — бормотал я, сидя у костра и поглядывая на поблескивающий в свете пламени скелет, — благими намерениями вымощена дорога в ад. Нельзя давать менее технологически развитому народу сразу все блага. Если начинать развивать медицину, то при отсутствии культуры контроля рождаемости начнётся взрывной рост численности населения. Это приведёт к голоду, войнам, нацеленным на геноцид, и ещё большему откату цивилизации назад. Откат вызовет падение имеющихся знаний медицины и ещё сильнее усугубит регресс.

— Богам молишься? — спросила Катарина, поправляя шерстяное одеяло. Я бормотал по-русски, и, естественно, она не понимала ни слова.

— Да, — ответил я, не имея никакого желания пояснять реальное положение дел.

— Какому?

— Святым братьям Стругасис, — буркнул я, кинув в костёр веточку. К небу взлетел сноп искр, а подскочившее пламя ещё чётче высветило костлявую фигуру, клацающую зубами и тянущую руку. Но стоило кисти пересечь незримую линию, дух отдёргивал её и скрючивал пальцы, словно обжигаясь.

Присказка про братьев была излюбленной у прогрессоров, ибо эти писатели-фантасты предвидели ситуацию с агентами влияния в других мирах. Впору их на самом деле делать святыми.

Наёмница вздохнула и закрыла глаза. Её совершенно не беспокоил неуспокоенный дух. Наверное, и мне не стоило переживать, но привычки терпеть присутствие потусторонних не имел, уж извиняйте.

— Второй постулат прогрессорства. Не давайте голодному рыбу, не давайте ему удочку, сделайте на его глазах инструмент и примените его. Раздача технологий и высокотехнологичных орудий на халяву приводит к эффекту «святого карго», когда дикие народы вместо развития начинают молиться вертолёту с гуманитарной помощью и не хотят ничего делать сами. А если лишить их даваемого блага. Воспринимают это как оскорбление и личную обиду. «Вы должны нам!», — будут кричать они. Единственное исключение — это плата за что-то нужное. За товар, за услугу. И даже тогда технология изготовления не должна давать им явные преимущества над другими народами.

— Хватит молиться, — широко зевнув, протянула Катарина. — Спать пора. Завтра долгий путь. И боги уже спят и не слышат молитв.

Я промолчал, кинув ещё одну веточку на угли. Было полное ощущение, что я не в своей тарелке. Сперва мне путешествие казалось лёгкой прогулкой, но сейчас я видел нежить. Сложно назвать это нестрессовой ситуацией, несмотря на подготовку.

— Третий постулат прогрессорства: «Трудно быть богом». Поэтому даже не старайся. Всё то, что кажется тебе диким и отвратительным — сугубо их выбор. Чти и свои традиции, и чужие, пока они не коснулись именно тебя.

Глянув сперва на глубокое чёрное небо, а потом на закутавшуюся в серое шерстяное одеяло наёмницу, потёр лицо и встал. А чем я хуже? Эта не дрыхнет без забот, и мне не стоит.

С такими мылами я достал из сумки зубную щётку, полукруглую коробочку зубного порошка и флягу с водой и отошёл к кустам. Я прогрессор и должен быть примером, а порошок нам рекомендовали, как самое наглядное средство пропаганды. И ещё рассказали, как его приготовить, чтобы мы всем это могли поведать. Конечно, моя пятая точка, обращённая к клацающему челюстями мертвяку, делала вечернюю зарядку в виде сильного жим-жим при каждом шорохе, а мурашки устраивали забеги вдоль спины, но я старался не думать об этом. Наоборот, я же супер-пупер нагибатор, отважившийся пуститься в путешествие по чужой планете в компании боевой баскетболистки. Весь мир будем мой.

А воительница глядела на меня лёгким прищуром, медленно моргая. Лицо не выражало совершенно ничего, хоть прямо сейчас кино про женскую версию терминатора снимай. Даже глаза в свете костра горят красными огоньками. Интересно, что у неё на уме? Уж явно не куклы и плюшевые мишки. Наверное, считала, сколько денег отвалят за эту прогулку.

Окончательно уверившись в том, что нежить так и будет ходить вдоль невидимого круга, я показал скелету средний палец и достал из сумки бритвенный станок с остальными приблудами, то есть мылом и помазком для бритья. На этот раз наёмница нахмурилась, вглядываясь, как я взбил в мыльнице пену и начал наносить вспененное мыло подбородок. Бриться без горячей воды-то ещё удовольствие, но больше этого я ненавидел скрестись сонным с утра. Лучше уж с вечера морду почищу на ощупь.

— Это зачем? — тихо спросила Катарина, приподнявшись на локте.

— Ну как зачем? — пожал я плечами. — Если не сделаю этот

ритуал, то скоро превращусь в обезьяну.

— Ты... оборотень? — неуверенно спросила наёмница и провела тыльной стороной ладони под носом. Она то морщилась, представляя меня чудовищем типа Кинг Конга, то криво улыбалась непонятной шутке. Но это вполне естественно, так как местные мужчины имели очень скудный волосяной покров на теле и лице. Три тычинки на морде — уже старческая борода, и ту выдёргивали под ноль. А моя тёмно-русая щетина, которая от природы растёт в виде эспаньолки, будет здесь дикостью. Хорошо, хоть не лезет по сантиметру в день, как у джигитов.

— Ну, если только самую малость, — ухмыльнулся я. — Потом покажу.

Девушка снова неуверенно расплылась в улыбке, а потом вдруг просияла.

— В легендах что-то такое говорится. Что старики народа полупризраков не умирают от старости, а превращаются в седых марыши, проводя остаток вечности в горячих источниках.

Я пожал плечами, но сам поставил себе зарубку в памяти, так как такую легенду раньше не слышал.

Наёмница тяжело вздохнула и повернулась на другой бок, посильнее натянув одеяло. Поглядев на неугомонного мертвеца, я тоже лёг на полиуретановую подстилку, укрывшись синтепоновым одеялом. Уснуть долго не получалось, так отвык спать на свежем воздухе, то одинокий комар делал заходы на дозаправку, видя во мне исключительно место для бурения кровяной скважины, то лёгкий ветер начинал дуть в другую сторону, отчего дым от костра заставлял кашлять и утирать сопли и слёзы, то какая-то мелкая ползучая гадость забиралась под одежду, думая, что я футбольное поле. От таких матчей я чесался и ворочался, но когда наступил тайм аут, всё же вырубился.

Снилась откровенная гадость, что этот мертвец всё же пробрался, но не напал, а встал на четвереньки и трогал моё лицо пальцами, проверяя, оборотень я или нет. Потом снилось, что-то про бесконечную дорогу, по которой я шёл лет десять, но постоянно возвращался к этой поляне, и был я при этом один. Сон резко, как это обычно бывает, сменился другим. Трактор, шум и здоровенная бабища-рудокоп с бешеным лицом отламывает от табуретки ножку и громко кричит: «А сейчас у нас будет секс!»

Последнего я не выдержал и проснулся. А проснувшись, резко сел, ибо наёмницы не было. Она собрала все свои вещи и ушла, пока я дрых, как последний осёл. Даже следов не оставила.

— Сука, — тихо выругался и встал, натягивая на себя яркую куртку, из-за которой инструкторы называли тех, кто с внешним

доступом, волнистыми попугайчиками. Маленькие, мимимишные и цветные. Но сейчас было не смешно. Впрочем, плюс имелся, так как небо в ожидании рассвета стало серым, а округа хорошо просматривалась. Да и скелет куда-то ушёл.

Костёр совсем погас, и чтоб согреть паёк и вскипятить воду, я наклонился к серому пеплу, где тлели тусклые угольки. Поковырявшись веточкой и кинув немного сухой соломы, я положил рядом тонкие хворостинки и наклонился, чтоб раздуть аккуратно огонь.

— Вот же тварь, — зло процедил я. — Забрала задаток и свалила нахрен. Хорошо, хоть не обокрала.

С этими словами я хлопнул по карману. Да, кошелёк на месте. Но без провожатой придётся возвращаться на базу, так как по инструкции не положено идти одному. А пока найдут новую, столько времени будет упущено. Может, вообще, другому задачу доверят, и кончится тогда моё приключение, едва начавшись. Тоже мне нагибатор и покоритель дорог.

За спиной раздались шаги, и я обрадованный, обернулся. Как оказалось, зря, ибо ко мне приближалась три бабенции откровенно уголовной наружности. Назвать их барышнями язык не поворачивался. Вот Катарину — можно назвать сударыней, несмотря на габариты и профессию, а этих нет. Ну, не тянут эти на выпускниц института благородных девиц. Не тянут.

«Биометрические данные отсутствуют», — известила меня система, но я и так уже догадывался.

— Утра свет, красавчик, — ехидно произнесла ближайшая, не сильно высокая, но широкоплечая, как штангистка, и с небольшим брюшком. Лицо изрезано шрамами. Нос сломан, а одного уха не было. На ней был грязный стёганный жилет, одетый поверх серой рубахи до колен, и хорошие полусапоги без шнуровки, явно доставшиеся не на ярмарке, ибо не по карману. Она остановилась и упёрла левую руку кулаком в бок, а во второй держала грубый тесак, выкованный из дерьмового железа. Вместо обычной рукояти — загнутый в виде ручки концевик, как у обычной кочерги. От этого на руке была холщёвая рукавица, иначе можно мозоли в секунду занять. Хотя на таких руках мозолью больше, мозолью меньше, всё равно будет незаметно.

За ней подошла другая — двухметровая колонча с побитой рожей и без трёх зубов. Третьей была пухляка с почти приятным лицом, ибо без глаза.

Эти две тоже одеты в подпоясанные рубахи, разве что обувь попроще — тряпичные чешки с кожаной подошвой на босу ногу. В руках у одной дубинка, а у другой — корявый топорик.

«Вероятность летального исхода нулевая. Рекомендуются

принять выжидающую стратегию», — прошептала система. Что ж, доверимся.

— Флыфь, как думаефь, фколько жа такого Бурлая отвалит? — прошепелявила беззубая колонча, довольно гыгыкнув.

— С триста серебряных, дюжина мне в зубы, — сипло ответила коренастая предводительница, обозначив, что я стою как хороший тягловый вол, или как три дойные коровы.

— Я видела, как советница ему кошелёк дала, — произнесла одноглазая, отчего я очень сильно захотел выбить ей второй глаз, чтоб неповадно было. — И он с охраной был.

— Нет охраны, — ухмыльнулась предводительница этих ззчек. — А если что не по месту, то Руть свистнет.

— Сей же миг кошелёк будет отдан, — осторожно произнёс я и потянулся к карману с пистолетом, но предводительница сделала шаг поближе и приставила остриё своего тесака к моей шее.

— Я знаю ваши халумарские фокусы. И не надо быстрых движений. Длинная, ощупай его. Всё незнакомое в сторону, — произнесла она, кивнув каланче, а потом по-дружески мне подмигнула. — Я ведь права?

Я стоял и глядел перед собой, а длинная подошла вплотную и ухватила за мой гульфик, блеснув глазками. То, что деньги храню не там, её ни капельки не огорчило. Задержавшись на пару мгновений, разбойница начала хлопать по моей куртке и, естественно, нахлопала и кошелёк, и пистолет, и чугунную флешку.

«Система, переход в режим берсерка!» — мысленно отдал я приказ.

«Переход противопоказан. Ошибка восемнадцать. Вы в фазе быстрого сна».

«Переходи, мать твою! Это не сон!»

«Требуется калибровка. Переход невозможен».

Я мысленно выругался. Система сбоит. Неверная рекомендация лишила меня шанса на превентивный удар, а теперь и отказ перехода в боевой режим. Без озверения я с этими дамочками не справлюсь. Придётся ждать.

— Ты опять за своё? — ухмыльнулась, произнесла предводительница.

— Не бойся, не попорцю товарль, — прошепелявила высокая, достав мешочек с серебром. — Тут прилично будет.

— Ясно, как небесная пара, — улыбнулась разбойница, а потом не оборачиваясь закричала: — Руть, ты че не на пригляде?! Руть?!

Улыбка почти мгновенно исчезла с её лица, и сама она развернулась. Ощупывавшая меня колонча загораживала весь вид, и только сейчас смог увидеть, что из-за кустов вышла Катарина. Наёмница неспешно, и даже беззаботно приближалась к нам. При этом фальшион висел в ножнах на поясе, а руки заложены за спину.

— Это охранница, — бросила толстая, на что главарка что-то прорычала своими это сиплым голосом, а потом обратилась к Катарине. При этом клинок тесак сильнее надавил горло. Надо признать, заточка у него была хорошая. Не бритва, но лишний раз дёрнуть кадыком я не рискнул бы, хотя и сглотнул разок нервно. — Слышь, семидырка, ты эта... без лишних движений. Нас четверо, ты одна. У нас лучница есть.

Катарина не изменилась в лице, изображая классический покер фейс, продолжая приближаться.

— Ты че, не поняла, жопоглавая?

Наёмница сделала ещё шаг и достала руки из-за спины. Сразу стало ясно, чем с ней действительно рассчитались за заказ. В ладонях у неё были два кремнёвых пистолета, одинаковых, как близнецы. Не местные пародии на оружие, использующее колесцовый замок, а то и вовсе фитиль, а наши наградные поделки — воронёные стволы с лазерной гравировкой, эргономичные деревянные рукояти с рифлёными хромированными яблоками на навершиях, обмотанные сейчас для чего-то поверх лакированного дерева изрядным слоем самодельной кожаной шнуровкой. В общем, оружие времён позднего Средневековья, выполненное по нашим технологиям. И Катарина без всяких слов его применила. Щёлкнули, высекая искры, курки. Коротко пшикнул на затравочных полочках порох, и с едва заметной паузой прогремели два выстрела, изрыгнув облака сизого вонючего дыма, и заставив высокую и толстую с криками упасть на траву. Осталась главарка, которая убрала тесак от моей шеи, заорала и бросилась на наёмницу. Та сделала быстрое движение, крутанув пистолеты и перехватив их за стволы, а потом приняла клинок на рукоять левого, обмотанную, а вторым, сделав при этом ловкий шаг по диагонали, ударила в голову, как молотком.

Разбойница качнулась и мешком рухнула к своим товаркам.

— Цел? — ровным голосом спросила Катарина, убирая пистолеты за пояс, и доставая из ножен тонкий стилет.

— Да, — приложив руку к шее, ответил я, а потом поглядел на ладонь. Нет, разбойница не порезала, а ведь показалось, что до крови.

— Ну, и хорошо, — произнесла наёмница, опускаясь на

колени и сноровисто вгоняя стилет в шею главарки, точняк в трахею. Типа, контрольный в голову. Я, непривычный к такому зрелищу, несмотря на то, что нас и травматологию на экскурсии водили, много видео показывали, сглотнул подкативший к горлу ком.

— Может, не надо их... — сорвалось у меня с губ.

— Они бы тебя продали в бордель. Был бы утешением для престарелых дур.

— Ну не убили бы же, — попытался я возразить, глядя на дёргающуюся в агонии толстую. Пуля пробила ей печень, и сейчас у неё был шок от стремительной кровопотери. Несколько минут и она умрёт. Такие раны даже у нас не всегда успешно латают.

— Тебя бы поили стоюн-травой на дешёвом вине, чтоб член бы не падал по несколько дней, а через месяц-другой апоплексический удар. Может быть, в гареме у богатой дамы оказался. Тогда сидел бы в подвале на пуховых подушках, ожидая, пьяную госпожу, решившую вспомнить о своей игрушке. Немногим лучше.

Я молча кивнул и подошёл к своим вещам.

— Там ещё лучница какая-то у них. Блефуют?

— Была, — пожалала плечами Катарина и погладила сбитый кулак. — Они дурные. Ни в дозоре постоять толком не могут, ни оружием биться. Они даже костёр прятать не умеют, готовясь к разбою. Удивительно, что так долго их никто не поймал. Наверное, никто толком и не брался, или награда за них крошечная, как яйца хомячка.

Наёмница встала, поддела ногой тесак предводительницы и скривилась.

— Три серебрянника выторговать за это дерьмо, пожалуй, можно.

— Они меня за триста хотели сбыть, — пробормотал я, глядя, как девушка роется в вещах убитых, но так ничего и не найдя, подняла обруганный ею клинок.

— Глупые, как лягушки, — усмехнулась наёмница, хлопнув меня по плечу, отчего чуть рука не отнялась. Девушка-то не только со стальными нервами, но и со стальными мышцами. Паладинка, мать её за ногу. И не отстану, пока не узнаю, почему она не закончила обучение. — Халумари продать просто так нельзя, и пришлось бы согласиться на самую низкую цену. Это где-то тридцать серебряных. Не стой, пойдём. Надо ещё Гнилой Березняк побыстрее миновать. Если заночуем в нём, то точно поспать не получится.

Я со вздохом поднял вещи и пошёл за девушкой, пощупав при этом своё оружие скрытого ношения. Когда-нибудь и я заплачу ей

долг. Конечно, она выполнила свою работу, но выполнила очень хорошо. Просто профи, и ей нельзя не восхищаться.

— Спой что-нибудь, — произнесла наёмница, поглядев на меня, а потом направившись к кустам. Наверное, за своими вещами.

— Что?

— Что-то ваше.

Я поглядел сперва на неподвижные трупы разбойниц, потом на Катарину, тихо позвякивающую кольчугой и экипировкой.

Я же думал. Вернуться из-за неисправной системы, или продолжить путь? Если чип дал сбой, то меня вернут на землю. Ремонту он не подлежит, а оператор списывается. Слишком тонкая настройка и дорогая система, чтоб рисковать задачами. Для меня это будет означать конец всем приключениям.

Тогда не лучше ли продолжить задачу, а о неисправности доложить по возвращению? Всё равно, связи нет, так как мы вышли из зоны действия сети. Ну а сдохну? Я могу и с исправным чипом стрелу схлопотать, так что терпимо. Зато нужно будет надеяться на свою голову, а не рекомендации. Решено. Иду дальше.

Я поглядел на девушку, а потом немного фальшивя затянул:

— По полю танки грохотали...

Глава 5

Гнилой березняк и кровавая незадача

— Живее, — торопила меня Катарина, идя впереди широкими шагами. Я же откровенно не поспевал за ней, время от времени переходя на бег. Наёмница на ходу перезаряжала свои пистолеты, сноровисто отсыпая навеску пороха из рога, висящего сейчас на шее. Свинцовые пули лежали в старом кожаном, испачканном серым металлом и немного пожжённом кошелье. Но доставала девушка не их, а блестящие серебром шарики, спрятанные в свисающем, как амулет на шнуре, небольшом мешочке. Ну, в общем, достала она их точняк между сисек. Была бы она ниже ростом, заглянул бы в вырез, но не судьба. Во-первых, я бежал за ней, высунув язык, а во-вторых, у меня не было с собой табуретки.

Я совершенно не понимал, о чём беспокоится наёмница, так как шли мимо широкого озера, поросшего по берегам камышом и ракитой вперемежку с местным кустарником, название которого я постоянно забывал. Но листья у него были мелкие-мелкие и очень жёсткие. Над всем этим возвышались обычные берёзы, зачастую гнилые.

Дорога делала широкую дугу вокруг этого озерца. Под ногами часто попадались раскисшие участки, покрытые толстой шкурой бурой тины. После того как я пять раз спел, наёмница сильно изменилась в настроении. Стала угрюмой и нервной.

— А что плохого в этом месте? — переводя дыхание, спросил я.

Вместо ответа, девушка зло зыркнула на меня и начала быстро-быстро утрамбовывать шомполом войлочный пыж. А потом ухватила шомпол зубами и насыпала порох на затравочную полку. Щелчок подпружиненной крышки, и пистолет отправился за пояс, а его место занял другой, который ещё нужно было почистить.

Глянув на пистолет, заметил, что под шнуровкой к нижней стороне рукояти, прикрывая ценное дерево от ударов, приложена изогнутая стальная пластина. Именно на неё Катарина приняла клинок разбойницы. И сдаётся мне, это излюбленный приём девушки.

— Так что не так с березняком? — не унимался я.

— Место плохое.

— Это я и так понял. А поподробнее?

— Замолчал бы, чем спрашивать, — поморщилась Катарина.

— Дура, — пробурчал я и сразу же столкнулся с разъярённым взглядом наёмницы, поняв, что сказал это не по-русски, а на местном языке. Да ещё выбрал для этого не самое лучшее слово. Не синоним нашему недоумку, а что-то вроде тухлая голова. Даже разбойничья фраза о жопоголовой немного была мягче.

— Хочешь не дожить до утра? — рывкнула Катарина, показав рукой на озеро с чахлыми берёзами. — Оставайся здесь! А я пойду.

— Я всего лишь спросил, что в них особенного?! — перешёл я на крик в ответ. — Я просто не знаю! А ты ведёшь себя как бешеная собака!

Катарина стиснула кулак. Не будь я «прекрасной эльфийкой», то есть юношей рода халумари, наверняка ударила, но вместо этого сплюнула на сырую дорогу, поросшую травой-муравой.

— Потом расскажу.

И мы продолжили путь. Пистолеты наёмницы заряжены, пальцы стиснуты на эфесе клинка, зубы скрипят. Я и сам время от времени дотрагивался до кобуры с потайным пистолетом. Нервное состояние девушки передалось и мне.

Озеро кончилось, уступив место болотам с теми же чахлыми берёзками и осинками. Это по правую руку, а по левую шли поросшие густым ельником холмы. И судя по обилию поросших мхом и лишайником больших валунов явно ледникового происхождения, они тоже не были лучшим путём для странников — все ноги переломать можно.

Вот между ними и петляла дорога, на которой только в полдень попался большой встречный обоз. На телегах сидели только старики, а остальные подгоняли волов и придерживали загруженные товаром корзины. Явно норовя проскочить Гнилой Березняк как можно быстрее.

Люди удостаивали нас лишь мимолётными взглядами, занятые своими проблемами. Все хмурые и растрёпанные.

— Жрать будем? — спросил я, глянув сперва вслед обозу, а потом на болотину.

— Опять ноешь? — пробурчала Катарина, тоже посмотрев на топи.

— Между прочим, тебе заплатили за моё сопровождение. Можно хоть немного быть повежливее?

— Мне заплатили за твою сохранность, а не за любезности.

— Я без еды сдохну, — протянул я. Нет, помнится, по срочке сутками без жратвы ковырялся под крышей моторно-трансмиссионного отделения танка, или обливаясь грязью и маслом, заползал под днище, чтоб на ощупь искать сопящий

патрубок через долбанные лючки. Голод терпеть приучен, мог на крайняк на ходу заглотить пару галет, просто хотелось наперекор инстинкту самосохранения подразнить эту стерву. Она спасла мне жизнь, не спорю, но это не повод срывать на мне злость.

— Ну, извините, Ваше Высочество, — развела руками Катарина, — отбивной из олени у меня нет. И сладкого тоже. А если не успеем до темноты, то и не будет.

Я промолчал, в очередной раз поправив лямку своей походной сумки.

Тесная пара светил сперва начала припекать темя, а потом плавно начали подходить к закату. Слева вместо валунов то и дело попадались громады величиной с дом, а топь потихоньку сходилась на нет.

Пару раз переходили вброд мелкие речушки с глиняным дном. Тогда приходилось снимать обувь и повыше закатывать штаны. Нелепые полосатые чулки я давно засунул в сумку. Они полупарадные, и их нужно беречь.

Подумалось, что, несмотря на явную нужность торгового тракта, никто не удосужился поставить мост. Да и опасалась Катарина не засад в ельнике, а именно не успеть до заката. Мысль напрашивалась, что там, в гнилом березняке, действительно что-то нехорошее есть. И это нечто боятся все.

Так и шли дальше молча, а светила быстро приближались к горизонту. Они уже порой задевали верхушки деревьев и играли тенью, словно в большие солнечные часы. В какой-то момент я заметил, что липкая оранжевая глина под ногами сменилась серой утопанной землёй, из которой росли пучки травы, берёзы перестали быть чахлыми и сбились словно зелёные овечки в кучерявые рощицы, а каменные глыбы уступили место пологим холмам. И, чёрт возьми, они были засеяны полями пшеницы, льна и конопли. Но у последней была особенность: чтоб нечаянно попавший в этот мир наркоша обдолбался местной травкой с весьма узнаваемыми фигурными листьями, ему придётся сожрать её столько, что корова от такого количества от переедания сдохнет, а если курить, то проще в коптильню с ней залезть. В общем, желаемого эффекта он не получит.

Зато местные крестьяне давили из семян масло, делали из стеблей верёвки и канаты. Целая индустрия. Паруса и снасти для кораблей, мешки для товара, грубая дорожная одежда. Жмых зёрен либо к хлебу добавляли, либо домашней птице в корм.

— Гнилой Березняк, наверное, кончился, — произнёс я своим мысли вслух.

— Ты только догадался? — ехидно спросила Катарина.

— Да откуда мне знать-то? — возмутился я. Блин, охота её

послать подальше уже. Нервная вся.

— Ну а что ты идёшь и молчишь? Вороны голос подменили? Спел бы, что ли.

Я остановился на месте, глядя вслед наёмнице. От возмущения дар речи пропал. Хотел уже сказать какую-нибудь гадость, но Катарина вдруг остановилась и взмахом руки поманила меня, а сама при этом пристально глядела в сторону рощицы, мимо которой предстояло пройти. Пришлось быстро подойти.

— Что там? — прошептал я, а вскоре сам увидел медленно бредущую старуху в сером плаще. Женщина была высохшая, как мумия, и это немного пугало. Казалось, что она и не человек вовсе, а сродни тому скелету, что бродил вокруг места нашего привала. Вполне может быть.

Наверное, так же подумала и Катарина, которая достала левой рукой из-за пояса пистолет, а следом вынула из ножен стилет. Не фальшион, а именно кинжал. Подождав ещё немного, она легонько приложила ствол пистолета мушкой ко лбу и медленно провела его вниз, по переносице, кончику носа, губам и подбородку, с тем чтоб быстрым финальным движением направить оружие на землю, словно воду стряхивала. Подумалось, что пуля, если пыж плохо подогнан, выскочит и улетит. Следом Катарина вытянула стилет в сторону приближающейся старухи.

— Идемони, — различил я тихое слово наёмницы. За ним последовало другое: — Изыди.

В какое-то мгновение мне показалось, что от девушки в разные стороны разошлась тихая и мягкая ударная волна, подёрнув мир лёгкой рябью. В висках легонько кольнуло.

И больше ничего не произошло. Женщина шла. Мы стояли.

Катарина протяжно выдохнула и неспешно убрала оружие.

— Вот где точно охотникам за привидениями пригодились, — пробубнил я по-русски. Наёмница, естественно, ничего не поняла, но если судить по расслабленному лицу и протяжному выдоху, то ничего опасного не предвиделось.

— А вот теперь пойдём жрать, халумари, — протянула девушка и снова быстро зашагала по дороге, заставляя меня перемежать ходьбу короткими пробежками. Чувствовал себя декоративной собачкой рядом с ней.

Миновали берёзовый колок, потом ещё один, потом взобрались на холм.

Я бы остановился на вершине холма, чтоб насладиться видом. А вид был прекрасный — на городок размеров в пяток тысяч душ, что весьма немало по средневековым меркам, падали

последние лучи закатных солнц, окрашивая черепицу и стены в сочные цвета с красноватым оттенком. Из множества труб одно и двухэтажных домиков поднимался дым. На большом холме, расположенном посредине городка, возвышался настоящий замок. И пусть он не такой большой, как показывают в кино, но затихло настоящий. Вспомнилось название населённого пункта. Заберёзье.

Хотелось выразить своё восхищение красотой, отнюдь не как Пушкин, а как поручик Ржевский. То есть одни ёмким словом «Охренеть».

Я бы остановился, но пришлось бежать за этой особой сломя голову.

В сам город вошли в тот момент, когда он уже начал погружаться в ночную тьму. Сразу чувствовалось различие между земным городом и этим. У нас даже в самой захудалой деревне освещения больше. Здесь окна торопливо прикрывались ставнями, при этом над каждым виднелось небольшое окошко. Одно блестело вставленными в него кусочками дерьмового стекла, другие красовались слюдой. В целом домики не сильно отличались от Керенборга, рядом с которым стояла наша база, но некая атмосфера инаковости присутствовала в орнаментах.

Запах на улицах был не очень, ибо не сильно, но неприятно пахло мочой, дермецом и прокисшим помоями. Поэтому шёл я, морщась, и сторонясь людей. Городок был не очень большой, и вскоре мы оказались на площади, расположенной перед самым замком. Она выполняла функцию небольшого рынка, а также имела постамент для объявлений, и пустующие колодки для преступников. Так и казалось, утро начнётся с криков глашатого: «Слушайте, слушайте и не говорите, что не слышали!»

Окружённая рвом и стенами крепость всё ещё виднелась на фоне вечернего неба, ещё не ставшего угольно-чёрным. И что удивительно, деревянный мост был опущен, а кованые ворота открыты. Разве что стражница с алебардой стояла у самого моста под выкрашенным в чёрно-белую диагональную полосу постовым грибком, да в проходе горело несколько масляных ламп.

— А что они так хреново охраняются? — спросил я. — А вдруг война?

— Это западные ворота, — с кривой улыбкой произнесла Катарина. — Отсюда враг не пойдёт. Гнилой Березняк мешает. Да и не будет его никто захватывать. Эти земли, как и те, что на несколько дней пути дальше, принадлежат королеве Айрис. Городок в самой глубине королевства, чтоб дойти до Заберёзья, нужно сперва сломить Белую Твердыню и захватить Жемчужные

Броды.

Я поморщился ещё сильнее, вспоминая политическую карту ближайших ста километров. И если не ошибаюсь, то на этом пятачке, сопоставимым по размерам у нас с сельским районом в какой-нибудь регионе, размещалось аж три государства. Хотя Айрис держала самый жирный кусок в виде пяти городов с прилегающими к ним деревнями. Но были и такие, что поставит башню чуть больше трехэтажки, посмотрит на свои сорок домиков с крестьянами и уже «Благородная леди».

Катарина же повела меня к постоялому двору. На площади их было целых четыре, и каждый пытался выделиться на фоне остальных то красочной вывеской, то необычной резьбой на дверях и окнах, то яркими фонариками. Я шёл за наёмницей, доверяя её опыту, а та зашла в трактир с названием «Меч в ножны». Так себе имечко, если честно, но точно не хуже «Гарцующего пони» или «Адмирал Бенбоу».

Открытие двери ожидаемо сопровождалось бряцанием подвешенных на шнурах колокольчиков, как же без них. Удивился бы, если бы их не было.

— Хозяйка! — закричала с порога Катарина, остановившись на входе, да так резко, что я чуть не уткнулся ей носом в спину. К тому же она загородила весь вид, и всего помещения видно не было. — Две комнаты!

— Нет комнат! — раздалось из глубины таверны. — Вообще, нет!

— Обычно же есть!

— А сейчас нету!

Катарина попятилась, и пришлось срочно ретироваться, что б не наступила мне на ногу.

— Это самое дешёвое заведение? — спросил я, когда оказались в трёх шагах от двери, а наёмница задумчиво барабанила пальцами по кошельку.

— Не самое. Но и цены не заламывают.

Она вздохнула и пошла к ещё одной таверне, выглядевшей побогаче. Наверное, уровень постояльцев здесь отличался. Как говорится, уже не хостел, но ещё не пять звёзд. С улыбкой подумалось, что местные гостиницы по земным меркам не дотягивают даже до одной звезды, причём всё до единой.

Опять бряцание колокольчика и опять крик с порога.

— Комнаты есть?

Но ответа не последовало, и Катарина что-то нервно буркнула.

— А если нету? — шёпотом спросил я и привстал на цыпочки, разглядывая несколько столиков и посетителей за ними. И вряд

ли они разговаривали о своих планах на будущее. Такие вещи в людном месте не обсуждают.

Женщины, что-то неспешно обсуждающие, были ярко одеты, словно венецианские купчихи. Яркие платья с подолом чуть ниже колен и пышные рукава-фонарики с разрезами. На спинках столов походные широкополые шляпы с белыми перьями. Полусапожки с медными пряжками. Чулки в бело-красную полоску. Ну, в общем, дикая смесь походных мужских костюмов и средневековых дамских нарядов. Хотя я уже давно понял, что это не наши Средние века, и мода здесь отличается. У женщин в сторону практичности. А у мужчин, как, например, у невысокого официанта, бегающего между столиками в сером фартуке — в сторону красочности и попытки выделиться. Гендерный реверс, мать его. Деловитые бабы и инфантильные мужички.

— А если нету, придётся спать на соломе в хлеву, — снисходительно отозвалась Катарина. Она всё ещё ждала ответа от хозяйки заведения, а не дождавшись, начала закипать. Наёмница подняла руку и несколько раз ударила по колокольчикам, заставляя их истерично бренчать. — Есть комнаты?!

— Есть одна, — оторвавшись от столиков, произнёс официант.

— А где хозяйка?

— Нет её. Умерла. Теперь я хозяин, — отозвался мужчина, и Катарина сконфуженно потёрла нос.

— Тогда нам две кровати, ужин и завтрак.

— Еду в комнату или здесь?

— Здесь, — ответил я за наёмницу. Мужчина стряхнул крошки на пол, сунул полотенце на пояс и поглядел на нас усталыми глазами.

— Кровать только одна.

Я и Катарина одновременно переглянулись. Ну ясен пень, что вдвоём мы на ней спать не будем, и я уже хотел предложить вариант с сеновалом, благо спальный мешок выручит и в такой ситуации, но наёмница вдруг кивнула.

— Берём.

— Прошу проследовать за мной, — поманил нас мужичок, а потом прокричал: — Агата! Девочка моя!

Из подсобки выскочила девчушка. Сколько ей лет, сложно сказать, может тринадцать, может, двенадцать. Но она уже была ростом с меня. Наши акселеранты попросту отдыхают.

— Согрей кашу. Поддай к ней сыр и вино.

— Пиво, — перебила его Катарина, направившись к лестнице. — Ненавижу вино.

— Пиво дороже, госпожа, — предупредил хозяин, вежливо улыбнувшись.

Я тоже хотел закричать, что буду полторашку пивасика с сушёной рыбой, но пришлось печально вздохнуть, ибо сейчас не один на один с наёмницей. И нужно строить из себя очень благовоспитанного мужчину. А самому тошно.

— Тысяча благодарностей прибудет вам, — с лёгким поклоном и скромной улыбкой почти шёпотом протянул я, — если удостоите яичницей, сыром, хлебом и водой.

Хозяин трактира тоже улыбнулся в ответ.

— Конечно, любезный, — тихо произнёс он, не подав виду, что удивился моему акценту, хотя не мог его не заметить. При этом он поглядел на Катарину, которая шумно вздохнула и покачала головой, подняв глаза к потолку, мол, клоун.

Тошно то оно тошно, но ролью я наслаждался. Зря, что ли, в нас вдалбливали местный этикет.

— Не пристало советовать, — ласково произнёс хозяин, — но не стоит злить вашу спутницу сейчас.

Я нахмурился.

— Добрый господин, верно, не заметил алый шнур на поясе у госпожи.

Я нахмурился ещё сильнее. Наверное, на одной из лекций проспал тему. Помню, поверх обычного пояса местные женщины вешали на талию пояса разных цветов, но что они значили, не знал. Ну, шнурок и шнурок. Я даже не придал ему значения.

Пришлось ещё раз вежливо поклониться и, скромно потупив взор, пойти за хозяином и наёмницей.

Мужчина, бормоча, что дочь немного подрастёт, и он передаст всё хозяйство ей, как требует Уклад, провёл нас на второй этаж и запустил в небольшую комнату. В которой имелось: двуспальная кровать, сундук, два табурета, небольшой столик и масляная лампа, горящая чадящим пламенем, и хвала хозяину, заправлена не жиром, а конопляным маслом. Мебель грубо сбитая, и хорошо, хоть простыни с одеялом без грязных разводов, отчего можно надеяться, что стиранные. Иначе я бы точно спал сидя на сундуке, боясь подцепить какую-нибудь заразу.

При этом было настолько тесно, что для полноценного передвижения по «гостиничному номеру» приходилось играть в пятнашки табуретами. Переставь сюда, тогда сможешь подойти к столу. Передвинь обратно и воспользуйся сундуком.

Катарина со знанием дела выглянула в окно, постучала по косяку, подёргала петли и закрыла на задвижку ставни. Потом она легонько попинала сундук, и, положив рядом сумку, достала небольшой замок. Свой собственный. Как говорится, весьма

предусмотрительно. А когда мы рассчитались с хозяином, и тот исчез, села на край кровати. Наёмница согнулась в три погибели и взялась за живот.

— С тобой всё хорошо? — спросил я, разглядывая девушку.

— Тебе же трактирщик сказал всё. Неужели непонятно? — огрызнулась она.

— Нет, я не из вашего мира. Мне многое непонятно. Что случилось?

— Что тебе непонятно? — снова процедила девушка, потянув за конец алого шнура, виднеющегося под кожаным ремнём.

— Всё непонятно, — повторил я, стараясь держаться спокойно, но она уже начинала бесить.

— У меня дни крови, — почти сплюнула слова Катарина.

Я открыл рот. Сперва хотелось выругаться, но потом пришлось сдержаться, чтоб не рассмеяться. Бабы, они и на другой планете бабы, а баба-паладин с ПМС — это страшно. И об этом в ролевых онлайн-играх или кино ни разу не обмолвятся. Там только подвиги совершают.

— Что забавного увидел? — нахмурилась она.

— Ничего, — сдерживая новый приступ смеха, ответил я и начал копать в сумке. — Вот, — выдавил я на ладонь таблетку анальгина, а потом посмотрел на рослую девушку и добавил ещё одну. — Это халумарское целебное зелье.

Наёмница с сомнением поглядела на таблетки, не зная, как их употребить.

— Съешь и запей водой. Они боль снимут.

— Спасибо.

Я протёр лицо и оглядел помещение.

— Как кровать делить будем?...

Глава 6

Вопрос духовно-демонический

С Катариной мы кровать не поделили.

После молчаливого ужина и умывания на улице из ведра с тёплой водой, поднялись в комнату. Наёмница скинула с себя кольчугу и гамбезон, то есть многослойную стёганную льняную куртку, оставшись только в рубаше длинной чуть ниже колен, которая была под всем этим. Но если вспомнить на земных барышень, щеголяющих в мини-юбках и топиках, можно сказать, что это, вообще, нательный сарафан. А ещё в угол осторожно легли щит и перевязь с ножнами и пистолеты. Как оказалось, к огнестрельному оружию шёл целый комплект запасной частей и инструментов: ёршики для чистки, запасные шомполы и кремнёвый замок, ёмкости для пороха и масла, набор для отлива пуль, небольшие аптечные весы, запас свинца и несколько разномастных щёточек. В общем, целый арсенал. И сейчас девушка, подстелив под пятую точку свёрнутый в несколько раз плащ, сидела на полу, и самозабвенно чистила один из пистолетов. Было видно, что ей нравилась её новая игрушка. Как земной женщине нравится новая розовая машинка и свежий айфончик.

Я же сидел на кровати, прислонившись к стенке и вытянув ноги. Набитый соломой матрац казался просто восхитительным после ночёвки на голой земле, но лукавить не буду, я всё же боюсь всякой гадости и потому расстелил туристический коврик поверх кровати. Ночью у костра я как-то позабыл одну из своих обязанностей — составить ежедневный отчёт обо всём, что видел и слышал. И хотя система может считывать сведения со слухового и зрительного нервов, отчёт никто не отменял. В планшете или блокноте надобности не было, так как можно включить режим диктовки на гель-проц. Останется только шевелить губами, и он сам считает нервные импульсы, идущие к голосовым связкам, губам, языку и челюсти. Удобно. Иногда.

Свет от масляной лампы был слишком тусклым, и при нём можно только глаза сломать. Ну, или не сломать ноги, когда пойдёшь с ним в сортир, стоящий позади гостиницы. В качестве резервного источника света я достал и включил обычный светодиодный фонарик на прищепке с желтоватым фильтром, чтоб яркий белый свет не заставил местных думать о нечистой силе. А фонариков у меня было много и не потому, что начальство снабдило, а по велению души. Я, вообще, до всякой

осветительной фигни, как дурак до фантиков.

Итого имеем. На нас напали разбойницы, наёмница Катарина да Мария да Шана-ун великолепно справилась с ситуацией, убив всех нападавших в одиночку. Такого-то числа остановились на постоялом дворе.

Убив. Я не то чтоб горевал из-за этого сброда, но вбитые с рождения правила цивилизации иногда кололи совесть похуже занозы.

Далее. Описал духа, сказку про северный народ и бессмертие, упомянул про алый шнурок. Сколь ни силился, так не смог вспомнить, чтобы по ним были лекции, а значит запись того стоит.

Диктовал я много, в то время как Катарина бросала частые взгляды на фонарик, который не давал ей покоя.

— Как он горит? — не выдержала наёмница, отложив в сторону оружие, и сев на край кровати, отчего так жалобно скрипнула. Девушка осторожно поднесла руку к жёлтому огоньку и нахмурилась, но дотронуться не решилась.

— Халумарские штучки, — ответил я, лукаво глядя на свою телохранительницу. В самом деле, даже землянину не всегда понятно, как работает электричество, а она средневековый человек.

— Дыма нет.

— Угу.

Девушка покачала головой и вернулась к своему арсеналу. На полу валялись ошмётки войлочного пыжа, который перед чисткой долго и упорно выковыривала деревянной палочкой. Мол, серебряная пуля слишком дорога, чтоб её пускать в какую-нибудь самонадеянную свинью.

Оказывается, помимо пистолетов, фальшиона, который действительно оказался нашего производства, охотничьего ножа и стилета, у неё было несколько метательных ножей, сделанных из настолько дерьмового железа, что если потеряются, то и не жалко. А ещё были наконечник копья, который можно в любой момент нацепить на сколь-нибудь подходящую палку, и топорик. Одним словом, не девка, а ходячий оружейный магазин.

А я усмехнулся, захлопнул блокнот и начал рыться в сумке, достав зажигалку. Конечно же, с фонариком на доньшке, таким, на три батарей-таблетки и крохотным диодом. Чиркнув колёсиком и недолго поглядев на дрожащий язычок голубоватого пламени, включил диод и кинул его Катарине.

— Лови.

— Ты голову потерял?! — заорала наёмница, отскочив к самой стене и закрыв руками лицо. — Черви ум съели?!

Она глядела сквозь пальцы на белую искру, упавшую на пол.

— Ты чего? — опешил я.

— Я что, по-твоему, угли должна голыми руками ловить?

— Это не уголь, — стараясь чётко и почти по слогам, произнёс я.

— Дурной! Он же добела раскалён, пол загорится, а у меня здесь порох открытый!

— Да не будет ничего! — закричал я в ответ и, соскочив с кровати, подобрал зажигалку и сжал в кулаке, отчего сквозь кожу пробивался свет от диода, став красным. Теперь казалось, что в руке действительно уголёк.

— Всё едино дурной, — понизив голос и сглотнув, пробурчала наёмница. Она смотрела ошарашено на мой светящийся кулак, но не могла понять, что это. Для неё это была магия. Хотя колдовство в этом мире было, оно отличалось от изображённого в фильмах и кино. И если я правильно помню, колдовской огонь — всё равно огонь.

Я разжал ладонь и подошёл к девушке.

— Дай руку.

— Нет, — отозвалась она, глядя на огонь и часто дыша.

— Он холодный.

Наёмница поджала губы и прищурилась, а потом протянула пальцы. Светодиод отражался белыми искорками в её глазах.

— Холодный, — протянула она, когда дотронулась до фонарика. Мне хотелось в этот момент громко выкрикнуть: «Бу!», но думаю, после этого пара костей в моей организме точно окажется сломанной. Посему ограничился лишь улыбкой. Заодно осознал, какая пропасть в мышлении лежит между нами. И от этого улыбка получилась очень горькой.

Я погасил огонёк и вернулся к своим вещам. Зажигалку отправил в карман, а притороченный к сумке спальник отцепил и кинул на кровать. Буду использовать его вместо одеяла.

— На полу будешь спать? — спросил я, стягивая с себя курточку. На мне осталась уже немного папахивающая потом нательная рубаха, поверх которой была на лямках подмышечная кобура с пистолетом, и штаны. Как-то неловко оказаться в присутствии женщины в труселях. А с оружием расставаться нельзя по инструкции.

— Не положено вместе с чужим мужчиной.

— А у вас есть легенды, где леди Ланселотта и со своим возлюбленным разделяла ложе, но чтоб не поддаваться искушению, между ними клала меч? Ну, как грань между плотским и духовным.

— Глупости, — пробурчала Катарина. — В кровати, это в

кровати. К тому же ты — халумари. И лет тебе, наверное, триста. Не меньше.

Она села на свой плащ и сидя укрылась одеялом, прислонившись головой к стене. А я прикусил губу, чтоб не рассмеяться. Она считает, что я типа бессмертной Галадриэль из Властелина Колец? Или Леголас? Хрен его разберёт, кем она меня считает с этим долбанным гендерным реверсом.

— А сколько годиков тебе, дитя моё? — стараясь не заржать на всю гостиницу, спросил я.

— Восемнадцать, — шмыгнув носом, ответила наёмница.

— Ну, так знай, дитя, — пафосно протянул я, не забыв отметить тот факт, что Катарина умеет считать больше трёх, — твоему спутнику всего двадцать четыре.

Ожидал, что она пробурчит что-то нехорошее, или вздохнёт с недовольным видом. Но вместо этого наёмница оторвала голову от стены, пристально посмотрел на меня, а затем поправила чёлку. Это было столь неожиданно, столь по-женски, столь непохоже на ту паладиншу, которая в упор расстреляла разбойниц и хладнокровно добила раненых, что я улыбнулся.

— Спокойной ночи, — произнёс я и погасил фонарик.

— Яси ниот, — донеслось тихое пожелание в ответ, а потом короткое «Фу» и масляная лампа последовала за моим светодиодом.

Я долго не мог уснуть несмотря на тяжёлый день, разглядывая звёзды, виднеющиеся в небольшой вырез ромбиком в ставнях. В голове крутились убийство разбойников, спешка через Гнилой Березняк, ночной дух. Всё это казалось фильмом ужасов, но при этом словно не сегодня происходило, а когда-то давно. Неделю назад. Две. Три.

И Катарина. Укутанная в одеяло и свернувшаяся калачиком у стены...

Сон всё же наполнил веки тяжестью.

— Да-а-ай! — раздался противный визгливый крик прямо у меня над ухом. — Да-а-ай!

Я через силу открыл глаза, едва различая в темноте силуэт кого-то склонившегося к моему лицу, но пошевелиться не мог. Тело не слушалось. Даже рот открыть не получалось и что-то произнести. А это нечто начало ощупывать меня, мыча, как старуха во время лихорадки.

— Дай-дай-дай, — тихим жадным шёпотом произнесло нечто.

Оно перемещалось вокруг меня по кровати, но я не чувствовал, чтоб кровать шевелилась. Оно словно парило в воздухе.

«Система, режим Берсерка!»

«Отказано. Вы в фазе быстрого сна».

«Почему я не двигаюсь?»

«Зафиксирован сонный паралич».

— Дай-дай-дай, — непрерывно бормотало нечто, а потом взвизгнуло, неприятно царапнув щеку ногтями.

— Идемони! — раздался рядом голос Катарина. — Изыди!

— Моё! Оно моё! — противным, скрипучим голосом возразило невидимое существо.

— Иди в бездну!

Два быстрых шага, и что-то, вспоров воздух, хрустнуло. Нет, скорее, с хрустом вошло в нечто сухое. И тут же стало светлее.

Наёмница в исподнем вонзила стилет в висящее в воздухе тело, похожее на гнилой, обтянутый серой кожей скелет. Сморщенное безглазое лицо с кривыми зубами казалось ещё чудовищнее в сиреновом свете, бьющем из места, куда вошёл клинок. Чёрные растрёпанные волосы свисали с головы, как лоскуты грязной половой тряпки. А груди, похожие на приклеенные к телу использованные перепачканные презервативы, вызывали отвращение.

— Нет-нет-нет, — забормотала тварь.

— Идемони. Прочь, — процедила Катарина и начала с яростью ворочать длинный стилет в ране этого чудовища.

— Нет! — завизжало то и наотмашь ударило наёмницу. Девушка отшатнулась, выругалась и опять бросилась, становясь на кровать коленом. Тонкий трёхгранный нож снова вонзился в неживую плоть, вызвав новый всполох фиолетового свечения.

Зато я смог шевельнуть пальцами и приоткрыть рот.

Катарина с ногами залезла на кров и начала частыми резкими движениями колоть эту тварь. Чудовище пыталось дотянуться сморщенными пальцами до девушки, но получалось лишь расцарапать руки до плеча.

В какой-то момент я ощутил, что могу слабо, как контуженный, шевелиться, и потянулся к пистолету. Пальцы плохо слушались, но всё же я смог достать оружие, снять с предохранителя и передёрнуть затвор.

— И-де-мо-ни, су-ка, — по слогам процедил я и нажал спусковой крючок. После истошных воплей чудовища выстрел даже не казался громким. Однако после хлопка чудовище взвизгнуло ещё сильнее и отскочило в угол, где повисло, как в стиле проклятых девочек из японских ужастиков. А после ещё одного выстрела выгнулось дугой и сжалось комком, с тем чтоб исчезнуть. И комната опять погрузилась в полную тьму.

— Ушла, — тяжело дыша, произнесла Катарина.

— Что это за дерьмо? — вырвалось у меня, когда я вскочил на

ноги начал нервно водить стволom из стороны в сторону, где казалось, что-то шевелится. — Ответь, что это?

Силы вернулись ко мне в тот самый миг, когда тварь исчезла.

Наёмница положила руку на заветный мешочек с серебряными пулями и долго бормотала какую-то молитву, прежде чем начать ответ. Я даже не увидел это, а понял по звукам. Настолько темно было.

— Зависть.

— Что?

— Гнилой Березняк близко, и иногда духи принимают в себя людские грехи и страхи.

— Зависть? — переспросил я, пытаюсь привести мысли в порядок, и достал из кармана зажигалку с фонариком. На ум пришло только одно, меня капитально сглазили. Вот не верил раньше, а сейчас придётся. — Чья зависть?

Катарина коротко пожала плечами, глядя в опустевший угол, по которому нервно бегало пятно света от диода.

— Не знаю. Кто-то позавидовал, что ты такой... — она замолчала на несколько секунд. — Ну, зависть.

— И глаза, как льдинки, — пробормотал я. — Ты думаешь, я такой хороший? Прямо идеал? Что тебе достался халумари? Да хрен ты угадала.

— Ты о чём? — с недоумением поглядела на меня наёмница, — Они завидуют твоему бессмертию.

— Сука, — выругался я по-русски, а затем продолжил на местном наречии. — Это же сказка. Это же просто сказка.

— Попробуй объяснить это крестьянке, которая начала рожать в тринадцать и в тридцать уже старуха. Они полны суеверий.

— А ты?

— Если бы я была столь суеверной, я бы даже не пошла к твоим лордам наниматься на работу.

Я кивнул, а потом обернулся. Из-за двери слышался крик.

«Помогите! Пожалуйста, помогите! Кто-нибудь!»

Совершенно не думая о последствиях, я бросился вперёд. Босиком пробежал по лестнице и оказался в обеденном зале, где было на удивление пусто, и только трактирщик прижимал к себе мальчонку лет двенадцати.

— Помогите, — плакал он.

— Что стряслось? — спросил я, подскочи поближе, а немного погодя рядом с фальшионом и стилетом остановилась Катарина.

— Они там. А оно. Оно их всех.

— Кого всех? Где? — наклонился я к мальчику, перебирая все возможные варианты. — Разбойники? Демоны?

— Демоны, — протянул навзрыд ребёнок.

— Веди.

— Это глупо, — произнесла Катарина за моей спиной.

— Это не глупо! — обернувшись, прокричал я. — Если там такая же тварь, что мы прогнали, то справимся!

— Они бы не стали тебе помогать, — ответила наёмница, — ты для них никто.

— Зато они для меня люди, — стиснув кулаки, процедил я и присел перед мальчиком. — Где это произошло?

— Там. На берегу. У каначки.

— У чего?

— У пристани с рыбацкими лодками, — ответил за него трактирщик.

— Далеко?

— Замок справа обойти надобно.

Я кивнул и побежал наверх, где быстро накинул куртку и натянул ботинки на босу ногу. Сунул за пояс фонарик, но уже не эту имитацию свечи, а большой тактический, держа при этом небольшой.

Следом хмуро залетела Катарина, сразу схватив под локоть. Сил она не рассчитала, отчего я даже скривился от боли. Там ведь можно и руку выдернуть.

Едва сдержался, чтоб не выругаться и не выронить зажигалку с диодом.

— Я нанялась тебя охранять, а ты сам лезешь в пасть чудовищу.

— Там люди, — попытался вырваться я из сильных пальцев воительницы, но сделать оказалось весьма затруднительно. Не стрелять же.

— Не пуцу, — процедила она. — Будь ты хоть трижды бессмертным, я обязана тебя охранять. Пусть хоть все сдохнут, это не наше дело.

Я поглядел девушке в глаза. Конечно, она права. Конечно, это авантюра, но я же не чудовище.

— Давай, хоть подойдём ближе. Посмотрим. Если там просто детская страшилка, то вмешаемся. Пожалуйста.

Катарина застыла, покусывая губы и бегая взглядом по моему лицу. Ей очень туго давалось это решение. Но в итоге девушка разжала пальцы и сунула мне под нос кулак.

— От меня ни на шаг, — прорычала она и принялась быстро одеваться. Как только всё оружие и снаряжение оказалось на ней, помчались на улицу. При этом девушка схватила со стола масляную лампу.

— Своим колдовством не свети. Жителей перепугаешь, и

никто не спасёт от расправы. Они могут подумать, что эти демоны с тобой. Ты же сам полупризрак, — короткими предложениями продолжила говорить наёмница, время от времени оборачиваясь, чтоб убедиться, что я поспеваю за ней.

Мне только и осталось, что кивнуть и погасить светодиод. Как же, полупризрак. Но Катарина и сейчас права, нечего лишний раз нервировать суеверных горожан.

Свет масляной лампы был очень тусклым, и вместо того, чтоб бежать, пришлось идти и глядеть под ноги, чтоб не споткнуться о дышла телег, уроненные дрова и выбоины на дороге. Заблудиться в этой темени можно на два счёта, и спасало только то, что у местных был обычай выкрашивать известью либо всю стену дома, либо жирную полосу, хорошо видную при тусклом огне.

В итоге до места добрались за десяток минут, выйдя к посыпанной булыжниками набережной. Сложно ночью судить о ширине реки, но то, что к деревянным причалам были пришвартованы довольно большие лодки, значило её хоть незначительную, но судоходность.

А ещё, над водой слышались стоны. Я пошёл вдоль набережной, пытаюсь найти, источник звука. Речка тихонько плескалась, позволяя хоть ориентироваться в пространстве, но даже при этом чуть дважды не упал.

— К чертям, — выругался я и достал из-за пояса тактический фонарь. Яркий белый луч разрезал тьму, и там он осветил то, отчего стало дурно. В воздухе, на высоте примерно трёх метров, медленно качались, как поплавки на малой воде, люди. Пятеро. Качались обнажённые и насаженные вниз головами на колья толщиной в руку, словно леденцы на палочках. Кровь стекала по телам и капала в воду, но при этом сами жертвы были как в невесомости.

А между ними сновали какие-то чёрные создания, похожие на смесь осьминогов и обезьянок. Не знаю, как описать подробнее.

— Почему колья? — не своим голосом спросила Катарина, вглядываясь в происходящее. И у неё натуральным образом тряслись губы. — Зачем колья?

Девушка недолго думая вошла в воду, почти сразу уйдя по бёдра, но дальше дно было более пологим, и она уверенно добралась до людей, где попыталась подскочить и ухватить ближайшего. Но не удалось. Вместо этого твари дружно захохотали, а человек, который оказался немолодым мужчиной, начал опускаться. Катарина прыгнула, но жертва духов быстро поднялась, с тем чтоб снова опуститься пониже.

— Юрий, — закричала девушка, — иди сюда, я подсажу, достанешь!

— Нет! Они играют с нами, как с котятками!

Казалось, теперь мы поменялись местами. Рассудительная наёмница не слушала и всё прыгала, пытаясь достать, а я, наоборот, отговаривал её.

— Трус! — завопила она, под стоны жертв этих тварей. — Никчёмный мальчонка! Паршивый халумари!

— Дура! — ответил я, шагнув в реку, и едва удержавшись, чтоб плюхнуться в воду, поскользнувшись на мокрой траве. Там, где девушке доставало до бедра, я ушёл по пояс. — Мы так не поможем! Нужно придумать что-то другое!

Чудовища захохотали снова, а я покрутил фокусировку, сделав луч совсем узким. Хотелось рассмотреть существ, чтоб знать, с чем имеем дело. Луч полоснул по тварям, и они заметались, уходя от него. Хохот сменился гневными воплями.

— Что, сучата, не нравится?! — заорал я и начал махать фонарём, раскраивая тьму.

— Пар-ши-вец, — донёсся шипящий голос, и мужчина, которого пыталась поймать Катарина, поднялся выше прежнего, а потом резко дёрнулся вниз, остановившись у самой воды. Вот только кол проткнул его насквозь, и заострённый конец торчал в районе ключицы.

— Не-е-ет! — закричала Катарина и подбежала ко мне, шумно поднимая воду. — Где твоё оружие?

— С собой.

— Стреляй.

— Я не попаду в духов, слишком быстро мечутся! — закричал я, махнув фонарём, отчего пятно света пробежало по волнам, прыгнуло на деревья, растущие на противоположном берегу, а потом снова вызвало недовольство тварей, уворачивающихся от света.

Катарина вытерла ладонью мокрое лицо, а потом произнесла дрожащим голосом.

— В людей стреляй.

— Я не смогу.

— Трус! — закричала девушка. — Они всё равно умрут! Но будут мучиться до самого рассвета! Ты этого хочешь?

Я рывком достал пистолет и дважды щёлкнул. Один раз предохранителем. Второй раз кнопкой лазерного целеуказателя. Рубиновая точка сразу же упёрлась в воду.

— Держи, — произнёс я, протянув оружие, — попадёшь туда, где лежит солнечный зайчик.

Наёмница выхватила пистолет из моих рук и, немного подержав его, вскинула вверх и начала стрелять. Я не удивился, что она сумела. Принцип стрельбы, что из самозарядного, что

кремнёвого пистолета, одинаково, а то, что мой перезаряжать не нужно, она уже видела.

У меня оставалось пять патронов в магазине, и она их все до единого использовала, вызвав негодование духов. А убитые начали падать по одному в воду, как оброненные шампуры с мясом. Вот только девушка их не стал доставать, а молча пошла к берегу.

Духи дружно простонали и исчезли.

— Пойдём в трактир, — пробормотала она обессиленно и протянула мне пистолет. Я взял его и опустил фонарь, увидев, что с руки девушки капает кровь. Забыл предупредить про затвор, вот он и подрал кожу.

— Угу, — кивнул я, сунув оружие в кобуру и достал вместо тактического фонаря зажигалку. Только разъярённых местных нам и не хватало сейчас. А яркий свет спишем на нечисть. Мол, призрачные огни.

До таверны дошли мокрые и усталые. Хозяин встретил нас взволнованным взглядом, но о чём-либо спрашивать не решался.

— Пива в комнату, — пробурчал я и пошёл по лестнице наверх, где стянул с себя одежду и начал надевать сухие футболку и трусы. Зашедшая следом Катарина шмыгнула носом и тоже скинула сырые вещи. Но притом что между нами было всего два шага, обнажённую я не увидел, так как мы, не сговариваясь, повернулись друг к другу спинами. А когда переоделись, Катарина села на пол и укуталась одеялом. Я взял спальник, который мановением застёжки-молнии перестал быть таковым, тоже став одеялом, и немного подумав, сел рядом с девушкой.

— Почему они не напали на нас?

— Им были нужны не мы. Тех бедолаг демоны вели от самого березняка, в надежде, что опоздают к закату. Они и опоздали. Демоны не самые сильные, но кропотливо накидывали невидимую удавку. А когда стемнело, затянули.

Я замолчал, а в дверь постучали. Вошла дочка трактирщика с большим кувшином, следом и сам хозяин с тарелкой только что сваренного мяса.

— Дорогие гости, вера на ваше благородство позволяет привнести яства. Ведь вы же не обидите вдовца?

— Утром, любезный, — протянул я.

Трактирщика понять можно, он и так работал не покладая рук, а если мы его кинем с деньгами, будет неприятно, тем более что свежее мясо стоило дорого.

«Система, фоновая запись происшествия на реке проводилась?»

«Запись в режимах сна не осуществляется», — прошептал

внутренний голос. После его слов я ущипнул себя за бок. Боль чувствуется. Значит, сбоит мой проц. Глючит напропалую, и доверять ему нельзя. А кому можно? Здравому смыслу.

— Выпьем за доверие? — произнёс я, чувствуя рядом тёплый бок Катарины.

— Наливай, — криво улыбнувшись, ответила она.

Глава 7

Неправильный мир

Наутро состояние было подавленным. Все эти убийства и злые духи снились ночью в кошмарах. Я несколько раз просыпался в холодном поту. Всё казалось, что в темноте что-то шевелится и готовится напасть. Я даже фонарик не выключал.

Система заткнулась и перестала производить оповещения. На все запросы отвечала неизменно, что я в фазе сна. И спрашивать её было дальше без толку. Лучше уж совсем молчит.

Рассвет встретил с таким облегчением, словно от солнца зависела сама жизнь. Катарина тоже просидела до утра рядом, но стоило мне проснуться, умчалась по нужде.

Одежда за ночь не просохла, и пришлось скрепя сердце надевать сырую. Благо более тёплый климат подарил хорошую погоду.

— У вас всегда такие убийственные ночи? — спросил я, когда Катарина вернулась, и пришла моя очередь схватить мыльнорыльные принадлежности. Но вместе с ними я достал бинт, протянув девушке.

— Нет, — осипшим голосом ответила она и начала наматывать его на руку. Катарина лишь немного покрутила перед этим моток белой ткани, разглядывая диковинку. — Обычно грешни ведут себя тихо. Видимо не яси, кто-то потревожил Гнилой Березняк. Грешни от крови ум теряют. Видимо не яси, убили кого-то по дороге.

— Понятно, — пробурчал я, поглядев на красный шнур на поясе девушки и вспомнив ночную зависть. При этом отметил, что наёмница перешла на какой-то сленг. «Видимо не яси». Дословно может значить, как негативное отношение к чему-то неизвестному. А грешни — это какие-то духи. Но Катарина до этого говорила практически академическим местным, так сказать, уставным, который нам давали во время занятий. И вообще, она очень образована, но это вполне понятно. Она же паладинша, пусть и недоучка.

Я быстро спустился по лестнице и вышел на улицу через запасную дверь, оказавшись за постоянным двором. На глаза попала работница, которая ошипывала обезглавленную курицу. А я-то думал, что хозяин один управляет. Наивный, блин. У него наверняка не одна батрачка.

Быстро умывшись и побрившись, я вернулся. Катарина как раз рылась в своих вещах, выложив многое на стол. Я сунул

мыльнорыльные и приторочил полотенце к походной сумке, а потом взгляд зацепился за яркие бумажки на краю стола. Руки сами собой потянулись, вскоре оказалось, что помятые листы с потёртыми и разлохмаченными краями это комиксы, специально печатаемые нашими для местных. Над ними специально трудились художники, адаптируя земные сюжеты под местные реалии. Я даже серию скажу. Про воительницу Илианну Муромеццо. Вот и сейчас на картинке статная богатырша в чешуйчатой броне и с большой палицей вглядывалась в даль в поисках неприятелей. И была она не одна, а в сопровождении светловолосого юнца в ярких одеждах, упревшего в землю приклад мушкета длиной в его рост. Как говорится, Зигмунд Фрейд ему в помощь.

Я ухмыльнулся. Мало ли, вдруг она использует эту ерунду вместо лопуха для нужды. Но в следующий момент, когда поднял глаза, увидел перед собой пунцовое, как свёкла, лицо наёмницы. И даже немного напрягся, ожидая возмущения, но вместо этого девушка начала ломать пальцы, кусать губы и невнятно бормотать.

— Это не моё. Это я нашла. Я потом выкину.

Катарина осторожно взялась за край бумаг и потянула, а когда я отпустил, быстро завернула в чистую тряпицу и сунула в сумку. Перемена в поведении девушки была столь неожиданная, что я лишь проводил яркие картинки недоумевающим взглядом. Собственно, чего такого было в рисунках, что она покраснела от стыда?

Но спрашивать я не стал. Не время.

Позавтракав обычной кашей и рассчитавшись с трактирщиком, мы оказались на улице. Яркий свет влюблённой пары солнечных богов представил перед моим взором совсем другой город, нежели при фонариках. Мощённая плоской галькой площадь в окружении ютящихся друг к другу двухэтажных таунхаусов с красными черепичными крышами оказалась полна людей, выставивших переносные лотки с товаром. Выглядело это забавно, ибо сами лотки походили на большие табуретки с длинными ножками, верёвками для переноски, а зачастую ещё и длинный шест, на конце которого болтался раскрашенная деревянная фигурка, изображающая то, чем ведётся торг: калачи, ножи, ткани, скобяные изделия, живая скотина, молоко, яйца и прочее. Над торжищем стоял гомон торговцев желающих перекричать друг друга. А в сторонке на бочках и простеньких скамьях словно синички на жёрдочке стайками сидели чумазые дети.

— Кошелёк держи покрепче, — произнесла Катарина,

перехватив поудобнее свою сумку, и двинувшись вдоль рядом. Девушка сразу нашла нужную ей вывеску и теперь неспешно двигалась к ней. Я улыбнулся и последовал за ней.

— Пуговицы! Нитки! Иголки! — орала одна торговка.

— Гвозди! Ножи! Серпы! Косы! — рекламировала товар другая.

— Рыба! Копчёная рыба! Копчёные кальмары!

Я усмехнулся, а потом поглядел вслед своей спутнице, которая остановилась у лотка с большими пучками сушёного мха, тщательно разглядывая ассортимент. Надо быть дураком, чтоб после недавних событий не догадаться о цели покупки, ведь дамских прокладок ещё не изобрели, а проблема существует столько же, сколь само человечество. Но если честно, то не сильно хотелось узнавать подробности. С этим пусть учёные-этнографы разбираются.

А вот на крики о рыбе и кальмарах я отозвался. Худая, как сушёная вобла, женщина сразу поймала мой взгляд и начала раскладывать на небольшой настольке циновке свой товар, хранящийся в корзинах рядом с ней.

— Пошёл прочь! — наклонилась она в какой-то момент, и схватила палку. Небольшая собачонка, подкраившаяся сбоку, сразу дико завизжала, словно её опустили в кипяток и пустилась наутёк, а отбежав на несколько шагов злобно залаяла на торговку. — Чего изволите? — с улыбкой обратилась женщина ко мне. — Окунь? Судак? Сом? Карп? Сквид?

Я сперва думал, что неправильно перевёл слово, означающее кальмара, но на циновке действительно оказались головоногие моллюски. И иные из них имели длину локоть. Ну, со щупальцами, но всё же. При этом я не помнил, чтоб рядом было море. До моря километров сто, не меньше. Или как сказали бы местные — около трёх десятков истадлей. Может, в самом деле, речные?

— Одного судака и трёх сквидов, будьте добры, — ответил я, положил на ладонь женщине мелкую монетку.

Та сразу упаковала товар в большой лопух, связав тонко надраннм лыком.

Поблагодарив, я пошёл вслед за Катариной, которая тоже несколько раз останавливалась у прилавков. Насколько могу судить, взяла вязанку луковиц, несколько мотков ниток и вяленое мясо. А также сделанную из тыквы флягу.

Стоило отойти на пару шагов от местного рыбпромторга, как меня со всех сторон обступила детвора.

— Благородный господин, купи крысу, — звонко прокричал босоногий мальчонка лет семи, сунув мне чуть ли не в лицо

связанного и отчаянно пытающегося грызуна. — В пути оч яси будет. С чесноком.

— Купи улиток! — попыталась оттолкнуть его девочка в сером платице и простеньких сандалиях, лист лопуха на котором лежала большую горсть витых раковин размером с ранетку. — Долго хранятся.

Девочка была на лицо не старше мальчугана, но ростом почти с меня. И это семилетка. Она ловко поймала одну улитку, пытающуюся совершить медленный, но отчаянный побег, и вернула на место.

— Мне не нужно, — спокойно произнёс я, проверив кошелёк. Вроде на месте.

— Ну, тогда пиявок, — не унималась она. — Они кровью поросёнка полные.

— А ну, прочь! — раздался рядом возглас Катарини у меня над ухом. — Стой! Улиток покажи!

— Вот, — оживилась девочка, но наёмница поморщилась.

— На какой полыни ты их нашла?

— Ничё не полынь! Виноград!

— Да ваш виноград хуже полыни. Кислый, как уксус. И улитки такие же.

— Ничё не кислые! — заголосила девочка.

Я с интересом слушал этот спор, но в конце концов наёмница достала несколько медяшек и кинула девочке, взяв лопух с ракушками.

Только после этого мы тронулись в путь. Шли тем же самым путём, что бежали в поисках нечисти ночью. Но на этот раз город не пугал, а казался вышедшим из сказки. Даже грязь под ногами и лёгкий запах нечистот не портили настроение.

Конечно, когда вышли к реке, через которую, оказывается, чуть дальше лежал деревянный мост, стало тоскливо. Я шёл за наёмницей и в то же время вглядывался в зеленоватую воду. Ни крови, ни тем более тел, я не наблюдал. Их наверняка уже убрали. Но я же сам видел, что произошло. И висящих в воздухе как жабы на соломинках насаженных на колья людей никогда не забуду.

— Вылей вино в воду, — произнесла Катарина, остановившись рядом, и протягивая ту самую тыкву-флягу. — Отпусти их.

Я кивнул, взял вещь и осторожно подошёл к берегу, стараясь не соскользнуть. Тонкая струйка рубиновой жидкости с журчанием полилась в речную воду. В разные стороны бросилась мелкая живность. У каждого народа есть ритуалы поминания мёртвых, и хмельные напитки используются в большинстве из

них.

Постояв ещё немного, мы пошли к мосту, встретившему нас лёгким скрипом толстых досок. А ещё с моста открывался потрясающий вид замка в профиль. Сперва казалось, речка огибала холм, на котором стояла крепость, но на деле часть замка росла прямо из воды. Нижняя часть стены была поросшая ярким зелёным мхом, верхняя оставалась грязно-серой. Кому-то покажется, что лицевая побелённая сторона красивее, но именно с этой чувствовалось нечто настоящее.

И, кстати, о реалиях. Что-то я совсем расслабился. Возомнил себя героем странствий. Как же. Я ж голубоглазый эльф, самый настоящий, ролевикам на зависть. Круче только косплей на бога. А ещё у меня супер-пупер крутая телохранительница. Нет, она, конечно, крутая, но вот надеяться нужно и на себя. Всё же это Средние века. Да и без системы привыкать нужно.

— Подожди, — произнёс я, и достал пистолет, убедился, что не забыл сменить магазин, и совершил три простых движения. Предохранитель. Досыл патрона. Предохранитель.

— Я уже смекнула, как это стреляет. Хитрая поделка. Но у нас такую сделать не смогут. Только не поняла, где у неё затравочный порох лежит.

— Он немного не так действует, — улыбнулся я, убирая оружие на место. Не смогу ей объяснить, что такое капсюли.

— А пули с серебром?

— Нет. Свинец и сталь в медной оболочке.

— А как же ты тогда зависть...

Катарина сперва нахмурилась, пытаясь прийти к каким-то умозаключениям, потом вскинула брови и открыла рот, чтоб что-то спросить, но передумала. Девушка поглядела в сторону и тут же опустила взгляд в бегущую под мостом воду. Та с журчанием штурмовала деревянную опору, безуспешно пытаясь сдвинуть с пути. А ещё в волнах мелькнули силуэты головоногих моллюсков, сбившихся в стайку. И взаправду речные. На воду села чайка и кальмары быстро сделались белыми и бросились врассыпную, а затем резко потемнели и собрались в кучку, сбивая птицу с толку. Только по игре света и тени едва угадал, что происходит.

А ещё там плавали мальки, держась поближе к опоре моста. В солнечный день речка просматривалась до самого дна. Будем возвращаться, обязательно порыбачу. Благо нехитрый набор снастей всегда с собой.

Постояв немного, мы пошли дальше. Катарина задумчиво сорвала с перекинутой через плечо вязанки луковицу, неспешно очистила и откусила, как сочное яблоко. Я аж скривился.

— Как ты это ешь?

— Он же сахарный, — недоумевавшая ответила девушка, а потом широко улыбнулась. — У вас на севере не растёт сахарный лук? Попробуй.

Я взял одну луковицу и почистил. Лук как лук. Даже пахнет так же.

Обречённо вздохнув, откусил. На вкус он был... Не знаю, как описать. Вроде и лук, а сладкий, словно груша. Действительно, неплохо.

Откусив кусок побольше, неспешно направился на восточный тракт. И выше нос, прогрессор. На ошибках учатся, а о демонах можно потом вспомнить в кругу друзей, приврав для порядка, как заправский рыбак, приукрашивает сою историю. И зубы острее, и крови больше, и вопли громче. И я весь такой герой.

Я вздохнул. Сумка ещё не начала давить, отдаваясь ватной усталостью в ногах и ноющей болью в плечах и шее. Котелок, который я переместил из поклажи на ремень, ещё не начал отбивать ягодицу, и оттягивать этот самый ремень, заставляя его врезаться в кожу. По спине ещё не бежала струйка пота. А это значит, что можно смело идти вперёд. И хотя не любил бегать, но длинные переходы с полной выкладкой неплохо переносил. А быстрый бег? От долговязых преследовательниц не убежишь. У них, всё одно, ноги длиннее.

Вот таких и отбирали на внешний допуск — жилистых, невысоких и по возможности приятных на мордаху. Мы ж эти... эльфийки, мать его, с поправкой на гендерный реверс.

Вскоре мы покинули пределы города, двинувшись по тракту. И если на запад от города местность была холмистой и еловые лесочки перемежались с берёзовыми колками и полями, то здесь она была куда ровнее, а хвойных деревьев не стало совсем. Берёзы никуда не делись, но помимо них росли клёны, липы, дубы и акации. Пару раз попались какие-то растения, похожие на древовидны папоротники. Во всяком случае, широкие перистые листья выглядели именно так.

Но двигались мы не одни. Попутно тянулся целый обоз из десятка запряжённых в телеги волов. На телегах лежали серые мешки, большие плетёные из соломы и прутьев корзины, клетки с живностью. Рядом с этим шла целая ватага женщин и девушек в рабочих одежах из некрашеного льна.

Из этого всего серого выделялся ярко-ярко одетый паренёк лет шестнадцати, сидящий на краю телеги и грызущий точно такую же луковицу, что купила Катарина.

— А это что за шут? — спросил я у девушки, показав на парня.

Наёмница смерила меня насмешливым взглядом и пояснила.

— Это его женить везут. Видишь, телега, приданным гружённая? А сам с поясом-оберегом, который повязал ему отец невесты.

Я пожал плечам. По мне, пояс как пояс, ну подумаешь, ярко расшитый.

Мы шли позади всего обоза, не обгоняя и не отставая. Главное, в навоз не наступить, а то не отмоешься. А ещё я пожалел, что нельзя было с собой взять даже плеер. Мол, это снизит внимательность. А диктофон запретили, чтоб меня не сочли сумасшедшим, разговаривающим с самим собой. Те ещё перестраховщики. Нужно будет предложить хотя бы плёночные фотоаппараты, раз цифровую технику нельзя. Хорошо, хоть фонари разрешили.

Шли долго и молча. Солнечная пара уже висела над головами. По спине уже всюю бежал пот.

В какой-то момент Катарина показала рукой на заросли ивняка, виднеющиеся впереди.

— Там брод через Гладышку.

— Опять мокнуть? — поморщился я.

— Она по колено.

— Надоело уже, — усмехнулся я, — Только-только высох.

Наёмница не ответила, но вдруг свернула с дороги и пошла через высокую траву к какой-то понятной только ей цели. Пришлось и мне поплестись, разгоняя кузнечиков, вспугивая бабочек и птиц, слушая пищание мышей под ногами. Я поглядел на обоз, начавший сбиваться в кучу для привала. Было заметно, как с телег начали стаскивать разный инструмент. А когда девушка завела меня в заросли ивняка, ветер донёс запах дыма.

— Вот, яси место, — самодовольно произнесла Катарина и скинула с плеча свою поклажу. Я оглянулся и улыбнулся. Место действительно красивое.

Небольшая поляна прямо на берегу широкого омута оказывалась спрятанным от посторонних взглядов, так как высокие кусты с пышной листвой создавали естественное укрытие, создавая прохладную тень. Посередине поляны белело пеплом размытое дождём старое кострище.

Катарина неспешно достала топорик и посмотрела по сторонам, а затем шагнула в заросли, где сразу же раздался треск и гулкие удары по дереву. Я же, чтоб не тратить время достал котелок и набор столовых приборов. И хотя есть поговорка «Вышел в поле — живи как свинья», я её категорически не одобрял. Потому даже расстелил небольшую скатерть, и хотя она не белоснежная, а серая, зато чистая. А также достал сделанную из нержавеющей стали тарелку, в которую выложил копчёную рыбу и

кальмаров. При виде моллюсков перевёл взгляд на свёрток с улитками, который за медный грош купила у детишек Катарина. Неужели она станет это есть. А почему бы и нет. Ведь едим же креветок, и прочую мелкую живность. Надо будет потом самому попробовать. Прямо хоть блог о нравах иного мира заводи по возвращении.

Катарина вынесла большую охапку сухих веток, кинув в кострище, а потом встала на колени и достала из сумки трут, в виде сильно разлохмаченной пакли, и огниво. Всего один удар кремня о кресало, и трут начал тлеть, а наёмница приступила его осторожно раздувать.

— Духи места благосклонны, — улыбнулась девушка, заставив меня неуютно поёжиться и оглядеться по сторонам. При слове духи вспомнился ночной кошмар, но раз она говорит о духах места с теплом, может быть, не все потусторонние создания сумасшедшие твари с признаками маньяков-садистов.

— Что готовить будем? — спросил я.

— Похёб... — начала Катарина, но недоговорила, резко встав и прислушавшись.

— Опять разбойники? — шёпотом спросил я, сунув руку за пистолетом.

Наёмница молча покачала головой.

— Духи?

— Пойдём поглядим, — произнесла она и направилась в сторону выхода из этого естественного убежища, а остановилась, стараясь, чтоб её не было сильно заметно из-за кустов. Я тоже выглянул.

Торговый караван в спешке закидывал вещи в телеги и уводил в разные стороны. Над лагерем стоял шум и гам.

А по дороге шла колонна. Вроде такая же, как и торговцы. Вроде и телеги есть, и скот, да только взгляд выцепил среди идущих вооружённых пиками, луками, арбалетами и аркебузами воинов. Тысячная колонна терялась в пыли, растягиваясь на сотни метров. И шли они не беспорядочно. Можно смело различить авангард и боковое охранение, прикрывающее колонну на марше.

— Я щас, — прошептал я и вернулся к сумке, из которой достал небольшой бинокль. Вернувшись, боле пристально рассмотрелся в войско.

— Люценбургская терция, — тихо проговорила, — кто-то готовится к войне. Большой войне.

Я не ответил. Мой взгляд пробежал по одетым в яркие одежды женщинам и девушкам. У многих были разноцветные стёганные гамбезоны, кольчуги, а то и вовсе кирасы. На головах — шлемы. Одним было под сорок, а, может, и больше, другие —

совсем ещё девчонки, на взгляд лет семнадцати. Шли они, изредка переговариваясь, но о чём их беседы, я услышать не мог при всём желании.

— Они же вместо войны могли быть кормящими матерями, могли быть беременными. Стирать пелёнки и готовить еду. Ухаживать за домом, — протянул я. В первый раз я подумал, что это неправильный мир. Женщины не должны воевать. И что феминистки нашей родины неправы, ведя нас к такому же пути.

Внутри возникло щемящее чувство жалости к девушкам, тоски от этого шествия обречённых, ведь многие из них уже никогда не вернутся, никогда не улыбнутся. В первый раз я испытал я его, когда, повзрослев, перечитал книгу «А зори здесь тихие». Вот только этот отряд состоял из тысячи дев, и шли они не за родину биться, а за мелкую монету. От этого было обидно вдвойне.

— Они почти все матери. Они почти все беременные, — спокойно произнесла Катарина.

Я медленно опустил бинокль, а потом и взгляд на землю, и тихо вздохнул.

Это неправильный мир. Ведь, погибая сами, они уносят с собой ещё одну жизнь. Ещё не видевшую прекрасный свет двух влюбленных звёзд.

Глава 8

Шаг через себя

Терция встала на привал у того самого брода, через который мы собирались идти. И теперь вся эта орава из тысячи вооружённых баб мешала движению. Караван торговцев разбежался по кустам, не желая связываться с воинским формированием, немногим отличающимся от банды. Нет, конечно, они подисциплинированнее орды кочевников, но процент наглой и самоуверенной гопоты, попавшей на службу ради лёгкой монеты и думающей, что всё им сойдёт с рук, здесь значителен.

— Как пойдём? — спросил я, быстро доедая купленную рыбу и кальмаров, ибо в сложившихся условиях с горячей пищей весьма проблематично.

Катарина молча собирала вещи, а на мой вопрос лишь глянула куда-то в кусты. Она тоже наспех перекусила вяленным мясом, запив его водой из омута. На мои слова, что нужно кипятить, буркнула, мол, что вода чище ножей солдаток терции. Она явно не хотела связываться с ними, хотя сама наёмница.

Вскоре собрались, и моя телохранительница повела меня вдоль зарослей, выглядывая известные только ей приметы. Порой приходилось натуральным образом прорубаться через кустарник. А через сотню метров вышли к журчащей запруде. Два ствола дерева рухнули в воду, создав из своих веток подобие фильтра, на котором осели принесённые рекой ветки и мусор. Всё это превратилось в преграду потоку, но главное — по стволам можно пройти, не замочив ноги.

— Ты сумеешь перебраться на ту сторону? Или ты изнеженный мальчик?

— Сумею, — ответил я, чувствуя, как подкатывается к горлу ком.

Вместе с мусором на ветках прибило труп. Он был сейчас лицом вверх, и легко можно заметить широкий порез на горле.

— Что застыл?

— Подожди, — протянул я и отвернулся. — Система, включить режим циник.

«Отказано. Вы в фазе быстрого сна».

— Какой к чёрту сон? — зло пробормотал я, а потом пнул первую подвернувшуюся корягу. — Я так с ума сойду. Система, снизить уровень эмоциональности.

«Отказано».

— Система, произвести отказ субличностей.

«Отказано. Согласно протоколу вы должны иметь субличность олух».

— Произвести тест целостности системы.

«Система функционирует в штатном режиме».

— Объяснить причину введения режима олух. Подробный протокол рекомендации.

«Согласно психологическим картам в других режимах вы с вероятностью сто процентов вступите в конфликт с наёмным сотрудником. Это может привести к срыву выполнения задачи».

— Задачи, — прошептал я, наклонив голову. — Я сейчас всего лишь курьер по доставке текстов, подлежащих набору работниками на обычных матрицах из свинцовых букв, и файлов с разлиновками гравюр. Конечно. Никаких конфликтов. Система, показать прогноз конфликта в каждом режиме и основные показатели.

«Режим книжник, — начала подробный рапорт встроенная в мою голову цифровая тварь. — Личностная неприязнь данной категории людей. Наиболее вероятно напряжение отношений со стороны наёмного работника из-за излишней формальности. Режим циник. Крайне агрессивное тестовое отношение к данной категории личности. Причиной служит неустановленная психологическая травма. Режим олух. Лёгкое недовольство со стороны наёмного сотрудника. Повышенная эмпатия в данном режиме позволяет избегать конфликтов».

— Принял, — произнёс я, поглядев на Катарину, которая тоже хмуро меня разглядывала, не понимая, с кем и о чём разговариваю. Для неё я наверняка выглядел умалишённым. — Система, какова вероятность конфликта при откате субличностей к врождённым показателям?

«С вероятностью семьдесят процентов возникнут конфликты на почве бытовых и культурных элементов. С вероятностью пять процентов это приведёт к вашей гибели. С вероятностью шестнадцать процентов это приведёт к гибели наёмного сотрудника».

Я снова поглядел на девушку. Неужели мы настолько несовместимы, что поубиваем друг друга? Хорошо, помучаюсь в режиме Иванушки Дурачка. Всего-то нужно пройти до контрольной точки, отдать чугунную флешку и вернуться. Делов-то.

Глубоко вздохнув, я поправил рюкзак и сумку и направился к брёвнам. При этом старался не глядеть на труп. Чёртова повышенная эмпатия. Из-за неё совсем как дурак себя веду.

— Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу. Ох, доска

кончается, сейчас я упаду.

Несколько раз повторив детскую песенку, перебрался на другой берег, где пришлось немного подождать Катарину. Оказалось, что я куда ловчее и проще справился с преодолением препятствия. Не знаю, какая подготовка в заведении, где учатся паладинши, но меня перед отправкой изрядно гоняли по полосам препятствий, развивая ловкость и выносливость. Хотя до спецназа мы даже близко недотягивали, задачи не те.

— Дем! — выругалась Катарина, когда уже на финишном отрезке, бревно под её ногами качнулось. Пришлось помочь, протянув руку, хотя понимал, что если она свалится в воду, то утащит за собой. Но глубина была не очень большой. Вряд ли больше полутора метров, но упасть с вещами было бы неприятностью. Это опять намочнуть. Опять долго сохнуть самому и сушить вещи.

А хватка у неё была железной, чуть пальцы мне не сломала. Вот что значит постоянно мечом махать.

Когда выбрались из прибрежных зарослей, пришлось обходить стоянку терции дикими полями. Здесь земля уже не возделывалась, и по беспорядочным порослям высокой травы было идти тяжело.

Над нами парили, почти не делая взмахов своими большими крыльями, какие-то падальщики, типа грифов. В траве шуршали многочисленные мелкие обитатели, пару раз видел метровых змей неизвестного вида, и проверять, ядовитые ли они, не хотелось совершенно. Но вскоре вышли на тропу.

— Это чегой-то они ждут? — сразу, как выбрались, спросил я и оглянулся на виднеющийся вдаль брод. Что стало с торговцами, не знаю. Зависит от общего настроения всей этой оравы. Вполне может, что купцы, наоборот, продадут им весь товар. Вкусно покушать и прибарахлиться любит любая армия.

— Терция? — глянув на меня, переспросила Катарина.

— Стервятники.

— О боги, — взмолилась девушка, задрал лицо к небу. — Это просто падальщики. Чего они могут ждать?

— У меня на родине грифов нет, — ответил я, заметив, что субличность олух уже забыла о трупе в реке и вчерашних кошмарах с духами, словно они были год назад. И это опасно. Нужно быть более сосредоточенным, а не по принципу «с глаз долой — из сердца вон».

При моих словах девушка сперва хмыкнула, а потом задала вопрос. Не то чтоб я не ожидал, но он был не в тему с грифами и терциями.

— А цветные картинки делают твои братья?

— Какие картинки? — переспросил, не сразу поняв, но потом до меня дошло. Она говорила о комиксах.

— Про госпожу Илианну, — покраснев, ответила она. Даже на шёпот перешла.

— А, — отмахнулся я, — Этого добра в нашей цитадели столько, что девать уже некуда. И про Илианну, и про леди Летучую мышь — победительницу безумцев, и про странствия сестры Лючии Небесной Странницы с солнечным мечом на летучих кораблях. Даже про властительницу колец есть.

— А кто это, властительница колец?

— Ну, — протянул я и задумался. Если адаптацию Ильи Муромца, Бэтмена и Звёздных Войн ещё помнил, то прошедшая цензуру магистрата история по мотивам бессмертного произведения Толкиена для меня самого была в новинку. Придётся на ходу сочинять. Помнил только, что хоббиты и Горлум там всё же мужского пола остались, а вот остальные персонажи подверглись реверсу.

Так и начал рассказ, опираясь больше на фильм, нежели печатную книгу. Пара влюблённых светил неспешно катилась по небу, припекая голову. Стервятники по-прежнему кружили над головой. Дорога петляла меж невысоких пологих холмов и клочков леса. Один раз издали увидели стадо короткошёрстных мамонтов. Создания неспешно обдирали листву с одинокой раскидистой берёзки, а после чесали бурые спины о её ствол. Даже удивительно, как не выломали бедное деревце с корнями. Я минут на пять залип, созерцая непривычное для меня зрелище. И насколько я понял из пояснений Катарины, мамонты здесь священные животные, которых нельзя убивать, ибо боги покарают.

Рассказ я продолжил, долго и упорно разжёвывая и рассасывая тонкие лоскуты вяленой свинины. Говядину здесь тоже не встретишь. Коровы тоже священны, но это не удивительно. Они и источник молока, и тягачи для вспашки полей и перевозки грузов.

— Прелесть! Моя прелесть! Так вопил проклятый лысый уродец в ночи! — пафосно, как полагается сказителю легенд, произнёс я, дойдя до места, где впервые описывается Горлум. Катарина шла рядом разинув рот. И кажется, я нашёл её слабое место. Под маской суровой наёмницы скрывалась романтическая девушка, мечтающая о настоящих приключениях.

Вот только наш поход тоже можно смело описывать, как самое настоящее фэнтези. Но она не видела в этом ничего необычного. Ну, подумаешь, разбойники, эка невидаль. Или духи, что в них такого? Для неё это было хоть и не каждодневным

событием, но вполне привычным.

— Как думаешь, а Изахелла не проснётся, как тёмная владычица Саурония? — спросила Катарина, достав из сумки полоску вяленого мяса. Она её разорвала пальцами на тонкие лоскуты и сунула в рот.

— А кто такая Изахелла?

— Ты не знаешь? — удивлённо переспросила девушка. Она даже развернулась на ходу и сейчас шла задом наперёд.

— Нет. Расскажи, — улыбнулся я, скользнув глазами по фигуре, спрятанной под кольчугой и тонкой стёганкой, задержавшись на двух холмиках, поджимаемых свисающей перевязью для фальшиона. Ножны висели на левом боку, а ремень был переброшен через правое плечо. Там, на поддоспешнике, были нашиты толстые накладки, чтоб не давило и не тёрло.

Глаза пробежались по полосатым чулкам, а потом я непроизвольно вздохнул. Что-то я слишком заработался, пребывая без женщины. Уже на местную леди заглядываюсь.

— Легенды гласят, — начала свой рассказ Катарина, — что многие тысячи лет назад, в эпоху Морфа, когда деревья росли до небес, все мужчины были высокими и воинственными, а женщины робкими и маленькими, жила принцесса-ведьма. И она неимоверно жаждала власти над всеми королевствами. Желала только для себя одной. Но у неё было девять братьев. Но принцесса так жаждала быть владычицей, что убила их всех по одному. Кого отравила. Кому нож в спину всадила. На кого натравила порчу. Но когда корона уже почти была у неё на голове, объявился родной дядя с ещё пятью сыновьями, и все претендовали на трон. И готова была разразиться война. Принцесса была в такой ярости, что принесла в жертву тёмным богам тысячу детей. И девочек, и мальчиков поровну. И попросила она, чтоб больше ни один мужчина не встал на её пути, и чтоб ни один мужчина не мог перечить ни одной женщине.

Катарина замолчала, поглядев на полоску мяса, но потом продолжила рассказ.

— И вот тёмные боги приняли жертву. Они спустили с цепи тысячи и тысячи ночных духов, и те принялись убивать мужчин во всех королевствах. В домах. В полях. В кузнях. На кораблях. Это было ночью. И светлые боги увидели, что случилось, только утром. И им ничего не осталось, как покарать эту жаждущую власти ведьму. Но тёмные боги помнили о клятве, и всегда будут помнить. И пришлось светлым богам пойти на хитрость, чтоб не вымер род людской. С тех пор все мужи маленькие и робкие, а все

женщины высокие и сильные.

Она закончила легенду и, наконец-таки, сунула в рот вяленый кусок, начав его посасывать, чтоб размяк. А я почесал в затылке. Что-то несмешная сказка получилась. Совсем несмешная.

— А если мужчины принесут жертву и потребуют у богов силы?

— Нет. Пока в силе первая клятва, вторая жертва не исполнится, — покачала головой наёмница.

— А вдруг? — пробормотал я и остановился. Мы обогнули очередной лесок, и на обочине дороги валялось четвёрка изрядно подранных трупов. И это были не местные. — Откуда здесь чёрные люди? — спросил я, брезгливо разглядывая тела негров. Рядом с которыми какие-то пятнистые создания, похожие на леопардовых лисиц дрались с грифами за пока ещё не тронутую человечину. Звуки борьбы смешивалось одну сплошную кашу из рычания, визга, клёкота и хлопанья крыльев.

— Пойдём отсюда быстрее, — быстро произнесла Катарина.

— Мне тоже что-то нехорошо.

— Сейчас сюда львы и гиены поживиться прибегут на запах крови. Ещё больше станет не яси. Они от крови страх перед человеком теряют. Даже блеск железа и огонь не остановят.

Я кивнул и последовал за девушкой. Тем более что откуда-то издали раздался протяжный рык большой кошки. Мелькнула мысль, что на охоту этих хищников явно какое-то табу. А может, и нет. В нашем же Средневековье волки представляли большую проблему, почему бы здесь Средневековым львам и гиенам не портить жизнь населению. И, наверное, у местных стайных хищников, как у тех же волков, выработался инстинкт обходить двуногого. Если он не болен, конечно.

— Так, откуда здесь чёрные? — повторил я вопрос.

— Думаю, торговцы страны Ноб. Редки, но встречаются. Говорят, у них крокодилы больше лодки, коров и людей едят. А ещё говорят у них слоны лысые, а в болотах живёт громадный зверь. Толстый, с широкой зубастой пастью и кровью потеет. Настолько до убийств жаден. Гиппопотамус зовётся. И едят там всё друг друга. Даже люди людей.

Я улыбнулся, вспомнив нашу Африку, и подумалось что если ей рассказать о динозаврах из Аверса, открытого Штатами, не поверит. Обязательно расскажу, но после того как завершу Властительницу колец, и после того как передохну. Язык уже еле ворочается.

— А кто убил торговцев? Звери?

— Люди, — ответила Катарина. — Товаров нет. Украшений

на телах тоже. А нобийцы любят украшать себя.

Мы шли весьма быстро, опережая терцию. Тем же приходится двигаться с обозом, а чтоб не уморить волов, двигаются не больше трёх километров в час. По расчётам, мы встанем на привал, оторвавшись от них километров на шесть. От негритянских трупов точно на пяток ушли, аж ноги гудят.

Вскоре небесная пара начала касаться верхушек деревьев, небо налилось густой синевой, а насыщенный запахом трав воздух перестал быть знойным. Щебет одних птиц сменился пением других. Кузнечики в траве запели ещё сильнее, а над головой уже начали с тихим писком носиться первые летучие мыши, слишком нетерпеливые для того, чтоб дожидаться полной темноты. Невдалеке над самой кромкой зелёного травянистого моря бесшумно пролетела большая сова.

— Уходим, — вдруг произнесла Катарина. Она схватила меня за руку и потянула к ближайшим кустам, в рощу, одну из множества подобных, что сотый раз огибала дорога. Роща могла даже претендовать на небольшой лесок, но всё рано терялась среди таких же однообразных зарослей.

— Опять разбойники? — прошептал я.

— Не знаю, — тихо-тихо ответила девушка.

Я прислушался и смог различить крики, звон металла о металл, лай собак. Всё это доносилось из рощицы, в которой мы хотели спрятаться. Но глупее будет остаться на открытом месте.

— Если до темноты не нападут, до утра можно будет спать спокойно.

— Почему им не перестрелять нас из засады?

— Хорошие лучники на разбой не пойдут.

— Понятно, — протянул я в ответ, поглядев на блажащую рощу.

Мне совсем не нравилась перспектива новой стычки с разбойниками, и пальцы сами собой легли на ворот камзола, замерли на секунду, а потом извлекли пистолет, теряющий свои очертания в надвигающейся темноте из-за малых габаритов и чёрного цвета. Во вторую ладонь лёг тактический фонарик, свет пока не включил. Если что, сразу скрещу руки по полицейскому образцу, когда фонарь держится обратным хватом, а запястье становится упором для оружия, да и фонарь меньше дрожать будет. И плевать на запреты. Своя шкура дороже.

Катарина достала один пистолет, и взвела курок. Пару ему составил фальшион, зажатый в правой руке. До сих пор не понимаю, почему она не меч типа каролинга выбрала. Но ей виднее.

— Что дальше? — прошептал я, оборачиваясь на звук. Крики

стихли, звон тоже. Зато меж стволов показался свет. Но он не двигался, а медленно разгорался на одном месте.

— Придётся подождать, а как стемнеет вконец, пойдём по дороге.

— Мы все ноги переломаем.

— А ты предлагаешь ждать, пока нас псы найдут? От собак не убежим.

— А духи?

— Гнилой березняк далеко. Случай встретить опасного мал.

Я кивнул. Темноты, так темноты, а темнело быстро. Буквально через десять минут всё погрузилось в сплошную черноту, чтоб даже рук видно не было, не то что дороги, и только небо разгорелось мириадами мерцающих звёзд. Птицы смолкли, зато летучие мыши, ставшие полновластными хозяевами ночи, пищали над головами. А здесь их было очень много.

Я усиленно вслушивался в ночные звуки, старался угадать силуэты людей на фоне далёкого костра, но тщетно. Обрывки голосов были слишком редки и разрознены, чтоб уловить их суть. Несколько раз подавала голос собака. Один раз послышалось протяжное мычание.

Катарина прошептала что-то неразборчивое и нехорошее, но в тот миг, когда я хотел переспросить, почувствовал, что меня несколько раз подёргали за рукав. Следом раздался детский голосок.

— Дай.

От неожиданности по спине пробежали мурашки, а на голове волосы встали дыбом. Я не спецназовец, который спокойно может сидеть в засаде, даже когда на его место позарится лев, решив пометить, как домашний кот метит автомобильное колесо или край дивана. Я не спецназовец и потому чуть не выматерился вслух, включив при этом фонарик.

Луч осветил высушенный труп ребёнка лет трёх. Пустые глазницы. Обтянутый кожей скелетик. Пучок скомканных волос на порванной коже, в дырках которой виднелся голый череп. И это создание тянуло ко мне ручку, словно в вечном детском вопросе: «Чё купили?»

Яркий свет пришёлся не по душе существу, и оно отбежало на несколько шагов и оттуда протянуло руку, показав ладошку: «Дай».

— Погаси, — зло выдавила из себя Катарина.

— Это что за гадость? — часто дыша, переспросил я. Фонарь в моей руке описал круг, осветив ещё несколько таких созданий.

— Это потеряйцы. Погаси свет.

— Что им надо? — переспросил я, послушавшись Катарину, и

снова оказавшись в полном мраке. Из глубины леса снова завывла собака, за ней ещё две.

— Заткнись, — процедила наёмница, попытавшись пнуть нежить ногой. Дух захныкал и забегал вокруг нас.

— Отстань, — сдавленно прорычал я. — Пошёл прочь.

После виденной раньше нечисти я действительно боялся потусторонних. Можно сказать, приобрёл себе фобию. А этот ещё и назойливый как банный лист.

— Дай, не то закричу, — обиженно проскулил мумиёныш.

— Что ему надо?

— Всё равно. Просто дай.

Я сунул руку в карман и вытащил небольшую медную монетку, которой мне трактирщик дал сдачи. Собаки не смолкали.

— Держи и проваливай, — зло прошептал я, тяжело дыша. Ненавижу привидений и нечисть. Если будут анкетировать на базе, так и напишу большими буквами на всю страницу. Ненавижу.

Потеряец отбежал от нас. Это было слышно по шелесту травы под его ногами. А отбежав, замер неподалёку, и спустя несколько секунд громко закричал.

— А мне человек денежку дал!

Так он и помчался по лесу, крича во весь голос. «А у меня денежка! Человек дал!»

— Сука, — выругался я вполголоса, ибо теперь между деревьев замелькали факелы, а голоса стали ближе. Ну и, конечно, собаки.

Бежать было бессмысленно, и остаётся только принимать бой. С такими мыслями я поудобнее сжал пистолет. А буквально через десяток секунд к нашему небольшому убежищу выскочили собаки, обложив со всех сторон, как лайки кабанчика.

Вскоре появилось и пятеро человек с факелами и во всеоружии. У них можно было различить тканые накидки-сюрко, сшитые из тканей гербовых цветов их хозяйки и надетые поверх кольчуг. В руках небольшие деревянные щиты, тоже разукрашенные на один манер. А у одной женщины лук, который она немедленно направила в нашу сторону.

— Кто такие? — грубо произнесла ближайшая воительница, кинув факел под ноги и доставая из-за пазухи боевой топорик.

«Рекомендация: не оказывать сопротивления. Большая вероятность гибели в случае боестолкновения».

Очнулась, сука. Про нежить система молчит, а сейчас тупые рекомендации даёт.

— Я ещё раз спрашиваю. Кто такие?

«Рекомендация: представиться паломником».

Я быстро глянул на Катарину, которая вжалась в дерево и водила пистолетом из стороны в сторону, целясь то в одну псину, то в другую. А к чёрту эти рекомендации. К чёрту эту субличность. Буду вырабатывать у себя новую привычку.

— А зачем я буду с тобой разговаривать, чернь! — тщательно проговаривая каждое слово, ответил я и включил фонарик, направив его прямо в глаза главной. — Отведи меня к своей госпоже!

Я надеялся, что мой голос не дрожит, как того требовал стиль поведения субличности. Надеялся, что и руки не дрожат от адреналина.

— Кто ты?! — закричала женщина.

— Неправильный ответ, — произнёс я, убирая пистолет в кобуру и доставая другую вещицу. — Я сказал, к госпоже!

«Нарушение рекомендации!» — вопил в моей голове синтетический голос.

А я вспоминал сейчас героев старых фильмов. Именно героев. И в данный момент лучше всего подходили голливудские блокбастеры. Пафосные и бесстрашные. А ещё мысленно повторял раз за разом: «К чёрту рекомендации. К чёрту субличность. Только бы получилось».

Прикусив губу, я сделал шаг вперёд и изменил фокусировку фонарика, отчего пятно света охватило половину поляны.

— Этот свет поглотит ваши души. И вы вечно будете прокляты. Вечно будете скитаться в ночи, как нежить. И если вы убьёте нас, то никто не сможет снять с вас проклятье.

Ещё шаг вперёд, и застыл посередине, глядя в глаза предводительнице.

— Кто вы? — неуверенно переспросила женщина. А я погасил фонарь, и тут же зажёл другой, от зажигалки. Он был как яркий светлячок, зажатый в кулаке. Вот разожмёшь пальцы, дунешь, и он улетит восвояси.

— Я сейчас разожму руки, и твоя душа растворится в лесу, обрекая тебя на вечные муки. Ибо не стоит злить халумари.

— Полупризрак, — раздался шепоток со стороны. — Точно, полупризрак.

— Душа, — с придыханием пробормотала вторая ратница, осеняя себя защитным знаком.

Я думал, моё сердце не выдержит такого напора адреналина и выдаст остановку от перенапряжения в течение тех долгих секунд, что предводительница нервно соображала над происходящим. А потом она вдруг упала на колени. Даже псы смолкли.

— Пресветлый господин, прошу, не проклинай. Пожалуйста.

Как же я вас, суеверных, люблю. Вот не повелась бы она этот блеф, не знаю, что со мной было. Ведь не со всеми мы в этом мире ладим.

— Веди к госпоже, — спокойно ответил я, шагнув мимо коленопреклонённой ратницы, хлопнув о накидку кулаком с зажатой в ней зажигалкой. Фонарик погас. — Возвращаю душу. Не благодари.

Глава 9

Дама сердца

Будь собран. Будь надменен.

Так я твердил сам себе под лай борзых собак, топот сопровождающих нас воительниц и частый повтор набившего оскомину системного сообщения: «Вы нарушили рекомендацию». Да в гробу видел все эти рекомендации, особенно от глючного компьютера.

«По инструкции вам полагается сдаться в плен и ждать прибытия спецотряда для освобождения», — выдал мне развёрнутую справку внутренний голос.

Да чихать я хотел на твои советы. Все считают, что рыцари нашего, что феодальные воительницы здешнего средневековья благородные, добрые и справедливые. Ага, если бы. Большинство из них, охреневших от власти и беззакония ничем от разбойников не отличались. Все, вплоть до королей и королев. Вся разница была в том, что одни работники меча и топора имели родословную и были приняты в круг знати, а другие вышли из простолюдинов. А пограбить могли и те и другие без зазрения совести. В истории полно тому примеров.

С такими мыслями я вышел на поляну, где горел большой костёр, в свете которого виднелось несколько лёгких колесниц. Да, именно колесниц, классических, как в Древней Греции, разве только с запряжённых в них поджарыми беговыми бычками вместо лошадей.

Боком к нам стояла женщина лет тридцати пяти в неплохих доспехах. Накидка-сюрко, сшитая из жёлтой и красной тканей, лежала на краю ближайшей телеги, а сама женщина задрала руки, дожидаясь, пока совсем молоденькая девчонка, скорее всего, оруженосец, хотя правильнее будет оруженоска, не развяжет шнуровку на боку кирасы, надетой поверх кольчуги. Кольчуга тоже была непростая, ибо в нижний ряд подола для красоты были вплетены кольца из медной проволоки. На земле аккуратно лежали уже снятые наплечники и шлем в форме полусферы без забрала, но с узорной полумаской и кольчужной бармицей, защищающей шею и нижнюю часть лица от скользящих ударов. Здесь же небольшой круглый щит с гербом и стёганный подшлемник.

«Биометрические данные в базе отсутствуют», — известила меня система, но это и немудрено, переписи населения здесь не проводилось. Однако, если судить по гербу, женщина была

безземельной рыцаршей, служащей своему сюзерену за деньги. И это вполне понятно. За просто так только дураки и дуры служат.

Женщина пристально смотрела на меня, в то время как к ней подбежала посланная на разведку солдатка, та, чью душу я якобы хотел украсть. И она быстро зашептала что-то, показывая в мою сторону рукой.

Я оглядел поляну дальше. У костра разделявали тушу дикой козы, а чуть подальше рылись в сумках. И все при этом бросали на меня частые взгляды. А ещё дальше, почти скрываясь в темноте, на толстой ветке покачивались два висельника в грязных грубых одеждах.

Пока я стоял и размышлял, как поступить, нас взяли на прицел четыре широкоплечие лучницы, а щитonosцы, кто с топором, кто коротким копьём обступили по краям. Собаки бегали по кругу, изредка погавкавшая, но не нападая.

— Осторожнее, дура, — прорычала рыцарша на свою оруженоску.

— Простите, госпожа, узелок не хочет, затянулся.

— Не порви, — пробурчала леди, — хороший шнурок две сликвы стоит. Из довольствия вычту.

Сликва — серебряная монета, имеющая хождение в соседнем с нашим лагерем королевстве. Золотая называется силинг. А медная — пениг. Магистрат, пытаясь показать независимость, имеет другие деньги — серебряные солиды и золотые марки.

— Простите, госпожа, — не останавливая процесс растёгивания, ответила оруженоска и сразу прокричала. — Тук, отстань! — это уже предназначалось белому бычку, освобождённому от своей повозки и сунувшему нос под локоть девчужке.

Животинка тихо и обиженно промычала и легла на траву, начав методично водить челюстями в пережёвывании травяной жвачки.

— А что будет, — начала рыцарша, поглядев в усыпанное звёздами небо, виднеющееся в зазоре между кронами деревьев, — если кто-то возьмёт одного наглого халумари в плен и потребует выкуп?

Я усмехнулся. Пленные за деньги — широко распространённая практика в средневековой Европе, а здесь, несмотря на отличия от нашего мира, всё же Европа. Тот факт, что многие вещи имеют сходство, называется конвергентным развитием. Схожие условия вызывают схожие проявления. Хотя рыцаршами можно назвать эту даму, лишь ориентируясь на её социальную нишу. Слово «рыцарь» произошло от слова «всадник», приобретая со временем другой смысл. Здесь имело хождение

слово армасерв, изначальное значение которого было «вооружённый слуга», что больше перекликается с японским «самурай — служивый человек». Но по всем проявлениям она рыцарь. Хоть и без коня. Что уж тут поделывать, не приручаются здесь дикие лошади, хуже зебр. Значит, и звать в переводе проще рыцарем.

— Заплатят, — улыбнулся я. — Только потом будут приняты меры, чтоб этого не повторилось.

— А что будет, если такой халумари присоединится к висякам?

— Придут ночные охотницы и перебыют всех, а головы выставят на всеобщее обозрение.

— А откуда они узнают, кто убил?

— Узнают, — улыбнулся я, вспомнив, что система, помимо рекомендаций и контроля субличностей, выполняет ещё и функцию чёрного ящика.

Рыцарша сперва задумалась, а когда оруженоска, наконец, развязала упрямый узелок и помогла снять кирасу, вздохнула с облегчением.

— Хорошо, что этого кого-то, кто так захочет, здесь нет, — ухмыльнулась она. — Я леди Ребекка да Лидия да Мосс. Маркиза Инесса Арская возложила на меня задачу немного уменьшить число разбойниц вдоль тракта, а то всех купцов распугают. И так пошлости снизили, чтоб привлечь побольше.

— Юрий да Наталья. Халумари, — сделав вежливый поклон, ответил я. С этой барышней нужно быть осторожным, но и заискивать не стоит. Скорее держаться как с равной. И плевать на рекомендации, гласящие, что нужно скромно отмалчиваться, как требует этикет. В наших сказках эльфийки не ведут себя, как испуганные белошвейки. Чем я хуже?

Леди Ребекка медленно подошла поближе, осмотрев с ног до головы ещё пристальнее, а потом взгляд перескочил на молча стоящую рядом со мной Катарину, задержавшись на пистолете и фальшионе.

— А что будет, если какой-то халумари напьётся этим вечером?

— Если его не будут вешать, пороть или брать в плен, то ничего.

Воительница медленно расплылась в хитрой улыбке.

— Герда, Клэр! — прокричала она, слегка повернув голову, — Достаньте ещё две чаши. Деревянную для храмовницы и серебряную для этого дерзкого красавчика. И этих с глаз долой, — махнула она в сторону мертвецов.

Она так и сказала, «храмовница», но как догадалась, не

скажу. Сам не знаю. Лично я не видел ничего, что выдавало в Катарине паладиншу. Зато после её слов солдаты убрали оружие. Всего их было двенадцать человек.

Я снова вежливо кивнул и последовал за леди Ребеккой к огню. Там сел на небольшую скамеечку, которая всего ладонь в высоту будет. Её мне вынули из колесницы. Такую же поставили для рыцарши, а вот Катарине пришлось сесть. Она положила слева от себя ножны с фальшионом прямо с перевязью. На пистолетах аккуратно сыпала в рог затравочный порох, при этом спустила курки, придерживая их пальцами. Это был жест вежливости. Нас пригласили к огню, и заряженное оружие — нарушение гостеприимства.

В это время одна из солдаток развязала верёвки, отчего трупы с глухим неприятным звуком упали на землю, с тем чтоб их по очереди уволокли за руки в темноту леса.

А ещё увидел, как Катарина сжала руку, пораненную подвижным затвором моего пистолета. На бинтах поступила кровь. Я поглядел на рыцаршу, а потом залез в свою сумку и вытащил аптечку.

— Дай, перевяжу.

— Клэр! — так громко, что пришлось поморщиться, заорала леди Ребекка. — Что ты так долго копаешься?!

— Иду, госпожа, — подбежала оруженоска, протянув три чаши. Деревянную — моей телохранительнице. Большую медную с чёрным узором — наставнице. Маленькую серебряную — мне.

— Клэ-э-эр, — со вздохом протянула рыцарша, — ну кто подаёт чаши без вина?

И на что их ставить?

— Простите, госпожа.

Я с интересом наблюдал за этим нравоучением, роясь при этом в аптечке. Если бы Клэр была служанкой, её бы уже бранили чёрным словом, то бишь благим матом, а здесь лишь недовольные вздохи. Значит, оруженоска.

Тем временем перед нами девушка, а было ей лет пятнадцать, опустила на траву перед нами свой щит. Следом на траву опустился кувшин, а щит небольшая тарелочка с домашним сыром.

— Садись рядом.

— Спасибо, госпожа.

Девушка опустилась на траву.

— Ну, Клэр, сколько учить можно. Ты сидишь на полшага дальше от стола, чем я. Храмовница, ты тоже за плечом своего наемателя. Ты не деревенщина, должна знать это. И вина не больше трёх глотков.

Катарина глянула на рыцаршу, а та ехидно ухмыльнулась. Отчего наёмница поджала губы, густо покраснела, опустила глаза и, не вставая с травы, отодвинулась назад. На этом их словесный поединок закончился, и я мог приступить к задуманному.

— Дай руку, — тихо попросил я. Сразу за этим размотал старый бинт. Рана была не серьёзная, но если попадёт грязь, может быть лихорадка. Достав тубик с перекисью водорода, обильно плеснул на ватку и протёр руку девушки.

Рана вспенилась. И я сразу почувствовал, как все смотрят на меня, а леди Ребекка даже подалась вперёд.

— Что это?

— Мёртвая вода, — пояснил я, — болезнь крови убивает.

А потом быстро намотал новенький бинт, кинув старый в костёр. Ребекка выпрямилась, на секунду нахмурилась, а потом поглядела в сторону Клэр.

— Дитя моё, — ласково протянула рыцарша, — во имя чего должна воительница свершать благие подвиги?

— Во имя богов? — робко спросила девушка?

— А ещё?

— Во имя королевы?

— Ещё.

— Во... во имя благородных юношей, — с запинкой ответила Клэр.

— Ну, так попроси у халумари позволения совершать подвиги во имя его чести.

Катарина как-то нехорошо зыркнула на рыцаршу, а я решил не вмешиваться и принять роль наблюдателя. Обет вершения не накладывал на меня никаких обязательств, кроме одного — помнить имя той, что даст клятву. Это как дама сердца. Нужно только какую-нибудь вещь подарить.

— Но, госпожа, — залепетала девушка краснея и нервно теребя кончик косы. Кстати, только у неё была одна косичка. У остальных воительниц, что у леди, что у её солдаток — по две. Ещё одним исключением была Катарина с шестью косами. Не по ним ли она узнала статус храмовницы.

— Что? — нахмурилась рыцарша.

— Он же неблагородный. И он... ему уже лет триста. Он же халумари.

— Дура! В том то и дело, что он халумари. Вот если бы не граф да Кашон, который вспомнил ни с того ни с сего, что у него есть внебрачная дочь от интендантки его охраны, и не признал тебя полукровкой, ты бы так и прозябала среди слуг. И ни один благородный юноша не даст клятву помнить твоё имя. Ты бастардка! А так, слёзы дождя, тебя хоть этим попрекать не будут!

И помнить тебя и твои подвиги будут ещё триста лет.

«Слёзы дождя». Это выражение равнозначно нашему сочетанию «горе луковое». Зато всё встало на свои места. Вдовствующий граф да Кашон, был известным на всю округу ловеласом и хитрым политиком, несмотря на то, что мужчинам в политику здесь очень сложно залезть. Не знаю точных причин, по которым он признал девочку, но, скорее всего, мать Клэр во время перестановок в ближнем окружении внезапно доросла до начальницы охраны или казначея, и чтоб обеспечить себе преданность и не опасаться ножа в спину, лорд дал дочке благословение. Отцовскими чувствами здесь и не пахнет. А других вариантов я не вижу.

— Но он же не человек, — прошептала Клэр.

— Не в мать пошла, и не в отца, — ещё раз протянула леди Ребекка, потеряв переносицу, — Я тебе, дура, первые связи предлагаю. Кто знает, где они пригодятся.

На этом Клэр сдалась, и под любопытствующие взгляды всего небольшого войска подошла ко мне поближе, а потом опустилась на левое колено.

Лицо девушки было слегка растерянное, в противоположность ухмыляющейся физиономии Ребекки и надутой Катарины. Глаза бегали по моему лицу, а губы беззвучно шевелились, словно она повторяла какие-то слова, но никак не решалась произнести. Наконец, она опустила голову и забормотала.

— Благородный юноша, не окажешь ли честь принять подвиги, что обязуюсь свершать с именем твоим на устах, не внемлишь ли просьбе помнить имя моё и не откажешь ли в просьбе, — Клэр запнулась и нервно сглотнула, — вложить в ладони мои что-нибудь в дар.

Я молча кивнул и лишь огромным усилием воли сохранил серьёзное выражение лица. Чую, вернусь на базу, сделаю доклад, и все сотрудники будут по полу от смеха кататься. Это же надо вляпаться в анекдот и стать дамой сердца, ну то есть мужчиной для души. Но ритуал требовал завершения, иначе нанесу огромное оскорбление этой будущей рыцарше. И потому с огромным облегчением стянул с уха ненавистную серьгу, навешанную мне специалистами по имиджу и местной культуре. Будь они прокляты сто раз.

— В нашем мире, мире полупризраков, есть традиция. Обмывать достижения и свершения. Дай свою чашу.

Клэр начала поднимала со щита свою кружку с вином, а я опустил в неё серьгу.

— Теперь выпей, оставив лишь вещь. И с этого мгновения она

станет твоей по праву.

Оруженоска коротко поглядела на Ребекку и приложила к краю.

— Имя, — прошептала леди, когда девушка допила напиток, — имя скажи.

— Имя мне Клэр хаф да Кашон, — торопливо выговорила оруженоска, что значило наполовину графиня. Помнится, в русской истории тоже нередки были случаи признания графьями и князьями детей, сделанных на стороне, но если здесь добавлялось слово хаф, то дома, в восемнадцатом веке обрезали часть фамилии. Например, князь Потёмкин и Елизавета Темкина, внебрачная дочь его и Екатерины второй. А если взять глубже, то князья Древней Руси тоже признавали детей вне брака. Пример тому князь Владимир Святославович рождён был рабыней-ключницей.

— Юрий да Наталия. Свободный халумари, — с улыбкой произнёс я в ответ. — Я принимаю твою просьбу.

— Выпьём! — прокричала рыцарша. — Герда, ткни в козу, готова ли.

Сидевшая у вертела солдатка чиркнула ножиком по туше.

— Сырое.

Все пригубили хмельное и замолчали, задумавшись каждый о своём.

Смешанный с дымом запах запекающегося мяса, шипящего падающими на угли каплями, стягивал желудок лёгким голодом. От костра исходил приятный жар.

Рядом чесался о дерево выпущенный из упряжи бычок. Грызла сухую лепёшку одна из солдаток Ребекки. Борзые собаки лежали высунув язык у ног второй. Третья же с тихим ворчанием чистила пучком сухой травы деревянную ложку. Все поглядывали в сторону угодившей на этот ужин козы. Даже слышалось урчание чего-то желудка.

— Расскажи о себе, — вдруг произнесла Катарина. — Расскажи о том, как ты жил дома.

Я поглядел на наёмницу, которая с задумчивым видом крутила в руках свою чашу.

— Что именно ты хочешь услышать?

Она пожала плечами.

— Наши края, отличаются от ваших. И я не знаю с чего начать, — пробормотал я, вспоминая школу, срочку, купленную в ипотеку квартиру, глупую работу неудачные отношения и расставание с девушкой, бросок словно в омут с головой на собеседование на роль рабочей лошадки прогрессорства, форсированную подготовку к переброске, отдающуюся болью в

мышцах и опухшей от тонн информации головы, прошедшую словно в тумане операцию по подсадке гель-процессора, тошноту и рвоту портала, а потом новый дивный мир. И весь рассказ ещё нужно адаптировать для местных реалий.

А потом я заговорил. Слова рисовали город-миллионник, созданный из стекла и стали, асфальта дорог и нескончаемого света фонарей, вечной спешки и одиночества среди толпы. Рисовали множество людей, большинство из которых ты видишь в первый и последний раз, хотя с рождения живёшь с ними в одном мегаполисе. Рисовали царапающие своими небо летучие корабли — самолёты. Рисовали огни рекламы, жадно бросающиеся на проходящих мимо людей со своими «купи, вложи, трать». Рисовали детей, играющих с голограммами на обочинах серых дорог. Рисовали великую сеть, где вместо обретения бесконечных знаний мы впустую тратим часы свои жизни, оторвавшись от реального мира, действительно став наполовину призраками. Слова рисовали не только тоску и печаль, но и ткали для окруживших меня женщин другой, волшебный мир. Он был таким, что мясо и мёд — это еда не на праздники, а на каждый день. Что мы не боимся ночной тьмы, потому что почти не встречаемся с ней лицом к лицу. Что трудятся за нас рукотворные големы-роботы, и живые рабы не нужны. Что все люди, невзирая на чины и сословия, обучены грамоте и счёту. Что можно сесть в быстрое авто и домчаться в единый миг за сотни миль, не тратя времени на долгое странствие. Что великая сеть не только пожирает души, но и дарит свободу, какой раньше не было.

Я говорил, и меня слушали, разинув рты. Я говорил, умолчав о том, что не советовали рекомендации системы, как, например, о демоне в моей голове или числе солдат в нашем стане, не нужно им знать этого. Как нельзя знать о политике, армии, оружии, а также всем, что может опорочить образ халумари.

Я говорил долго, замолчав, лишь когда передо мной легла чаша с горячим мясом. На рёбрышках, как люблю.

Глава 10

Зайти на огонек

Архимагесса Николь-Астра сидела на полагающемся ей по праву месте — троне главы совета, вырезанном из дуба, украшенном позолотой и драгоценными камнями. Она даже не сидела, а горделиво восседала на нём, подложив обшитую багряным бархатом подушку для мягкости. Ухоженные пальцы с золочёными ногтями, обильно украшенные перстнями медленно постукивали по дубовой столешнице зала собрания, а взгляд карих глаз направлен на вырезанную посередине нишу, где крупный, тщательно промытый и просеянный песок с лёгким шуршанием создавал объёмную карту прилегающих к цитадели магистрата земель. Леса, поля, горы, реки, замки и деревни, все они воплотились в жёлтом песке.

Стук разлетался по небольшому, исполненному в белом мраморе и малахите залу с высокими окнами. Дополняли убранство украшенный золочёной резьбой потолок, тончайшие шёлковые занавеси на окнах и покрытые цветной эмалью медальоны-барельефы, каждый в локоть поперечнике.

На карту глядела не только она. За столом молча сидел весь малый совет. Все двенадцать волшебниц. Сильнейших женщин этой части света. Многие на равных говорят с королевами, а иным это ещё предстоит.

— Линда, — далеко уже не юным и оттого низким и хриловатым голосом позвала архимагесса начальницу тайной канцелярии, — что там твои глядуны шепчут нового?

— Нам бы старое дерьмо разгрести, — ответила ей седовласая сухая женщина, чья длинная и густая белая коса, подхваченная для контраста пурпурными нитями, свисала почти до самого узорчатого паркета.

Линда да Маринья могла себе позволить грубые слова, ибо была второй после архимагессы личностью в совете. Могла, и постоянно этим пользовалась, за что её за глаза прозвали старой прачкой, ибо материлась, как чернь.

— Да Кашон посадил в темницу свою экономку, обвинив в измене и растратах, — продолжила Линда, откинувшись в кресле. — Новую уже назначил. Пробуем подобраться к ней, подсунуть затычку в виде смазливой мужичка из нужных нам людей. Она уже давно вдова и против не будет. Особенно если на прежнего любовника какое-нибудь дерьмецо нанюхать, — Линда сделала паузу, широко зевнув, и продолжила. — Графиня Да

Кананем опять сиськами меряется с торговыми гильдиями Галлипоса, пошлины не поделили, как бы провокаций не было. Да Кананем та ещё сука. А маркиза Арская держит нейтралитет. Она хочет усидеть на трёх членах сразу. И с гильдиями не поцапаться, ибо те ей отзвывают серебром и золотом за безопасность дорог и порта, и отношения с Да Кашоном не испортить, несмотря на то что он хочет присунуть свой скользкий стручок в соляные шахты Галлипоса, и с Да Кананем они кузины.

— Что в Таркосе? Старушка жива?

— Пока да, но нам нужно срочно пристроить её младшенькую, чтоб не было грызни за престол. Междоусобица обернётся падением прибыли от торговли зерном. Сама знаешь.

— Хорошо, — протянула архимагесса, отпив из золотого кубка разбавленного вина, и перевела взгляд на пухленькую ведьму в зелёном бархатном платье, — Карина, что с халумари?

— Бесят! — процедила та в ответ и кинула надкушенное яблоко в воссозданную на песчаной карте обитель полупризраков. — Я старшая архивариесса, а не шпионка. Я их не понимаю!

Николь-Астра тяжело вздохнула и шевельнула пальцем. Яблоко тут же высохло и рассыпалось в труху, а потом песчаная волна отнесла этот мусор к краю ниши.

— Выговорись. Полегчает. И мы слушаем. Может, чего нового узнаем, — произнесла она.

— Они перерыли всё в округе. Делают глубокую лунку, землю заматывают в прозрачную ткань и отвозят к себе. Каждые пятьсот шагов лунка. Кроты бесовы. Шесть артелей землемеров. А зачем им земля, не знаю. Для колодца мало. А соли, разных руд и золота там нет. Наши лозоходчицы все пощупали сто лет назад. Засылаю горностаев или птиц, чтоб потом мои глядящие-в-даль подсматривали, но пока ничего не понятно. Говорят на своём языке, не подслушаешь, хотя понемногу учимся чужой речи. Их зверомужики не проявляют никаких признаков войны. Всё строго по распорядку, можно на часы не глядеть и время сказать. Проснулись, поели, занялись муштрой. Опять поели, опять муштра. После ужина либо глядят на большое волшебное зеркало с картинками либо читают. Всё. И эти цветные бумажки со сказками для черни уже бесят.

Карина стиснула кулак, глядя на архимагессу, а та молча слушала. Она сама назначила главу хранилища знаний на это задание, ибо считала, что белокнижница засиделась, того гляди пылью покроется.

— Каждый раз, когда прихожу листать эти разноцветные небылицы, чтоб нечаянной крамолы на богов не было, меня

просят поколдовать. И комната эта. Она мне не нравится. Вся в каких-то светлячках. Всё жужжит и гудит. И этот халумари, слащавая тварь, глядит нехорошо. Не как на женщину, и не как на чужой кошелёк. Как на потрошённую крысу. Поколдуйте, да поколдуйте. То свечу подсовывает, чтоб зажгла, то монету, чтоб сдвинула. Бесит!

— Успокойся, истеричка, — грубо прокаркала Тереза по прозвищу Лютая. Высокая и до сих пор жилистая глава стражи когда-то получила стрелу в горло. Жизнь спасли, а прежний голос нет. — Их никто не понимает. Торгуют безделушками. Помогают всем за медную монету. Книжки печатают. В политику не лезут. Я тоже не знаю, что им нужно.

— Поколдуй, говоришь, — протянула архимагесса. — Поколдуй.

Она вдруг вскинула брови и улыбнулась.

— Послушай, моя дорогая. Отказывайся колдовать. Улыбайся, будь вежливая и ласковая, пей вино, да хоть трахайся с ними, но не колдуй больше. А я пока подумаю, что с этим делать. Линда, пересчитай всех халумари, что не в обители, и приставь к каждой артели по девке. Пусть магессы будут не сильные, но с головой. Чтоб все видели, что халумари делает добрые дела, а рядом с ним член магистрата.

— Умом тронулась? — переспросила глава тайной канцелярии. — Зачем нам это? Ты только усилишь их влияние. Как бы ни обернулось потом нам членом в голову.

Николь-Астра встала и оперлась на стол.

— А думается мне, что у них нет магии, — прошептала она. — Они пытаются понять её. А магия — наш козырь. И если мы сможем предложить им нечто очень нужное, то, чего у них нет, сможем диктовать новые условия и требовать поддержки.

— И чем они помогут? В чём? — хмыкнула глава стражи.

— А вот ты это и должна выяснить, — ехидно произнесла архимагесса...

* * *

— А-а-а, Галлипос, — радостно протянула леди Ребекка, когда мы выехали на очередной склон. Да, наутро рыцарша приняла решение возвращаться, чтоб пополнить припасы, и предложила подбросить нас. Вместо оставшихся трёх дней, поджарые беговые бычки доставили нас за день. Всю дорогу стоял на подножке её колесницы. Это лучше, чем брести пешком. И пришлось быть на ногах, как в переполненном трамвае, так как

имелся шанс отбить пятую точку о деревянную скамейку, ибо амортизаторов у этого транспортного средства не было совсем.

Как-то подумалось, что наши не подумали о транспорте, отправляя меня пешком. Запросто же можно было купить беговую корову, несмотря на то, что она стоит как местный спорткар. Бюджет страны такую сумму не заметит. Вернусь, обязательно найду того, кто делал рекомендации. Выскажу, что думаю.

Всё то время, что Катарина ехала на колеснице Клэр, наёмница хмуро молчала. Даже когда спешивались на привал, не проронила ни слова, лишь угрюмо грызла свои лепёшки из солёного пресного теста, да запекла на углях своих улиток, раскалывая их потом камнем, как грецкие орехи.

А впереди, в окружении пшеничных и льняных полей показался большой город, стоящий на большом озере. До него осталось несколько километра, но даже отсюда были видны высокие шпили храмов и целых два замка. Огромное озеро, по размерам сопоставимое с Ладожским морем, кокетливо красовалось множеством корабликов с разноцветными парусами. Противоположного берега не видно, лишь ровная линия горизонта и вечерние кучевые облака, готовые принять два солнца, как мягкая перина.

Около десятка ветряных мельниц с медленно вращающимися лопастями заставили улыбнуться и поглядеть на рыцаршу и оруженоску, но на дона Кихота Ламанческого и Санчо Пансо они не тянули, типаж не тот. Ребекка скорее мельнику по шее даст, чем кинется на мельницу с оружием. Причём без суеты, с расчётливым спокойствием и несколькими запасными планами на всякий случай. А Клэр даже не пойдёт в бой на мельницу, пролепетав, мол, я думала подвиги, а там просто деревяшка. Если их сравнивать с персонажами ролевых игр, то Ребекка — воин сотого уровня, прокачавший всю ветку умений, а оруженоска только ещё изучает меню, шмыгая носом, и думая, не получит ли дюлей от самого простенького врага. Ей бы смелости побольше, но девушка росла обычной бургершей, а тут сказали: «Завтра ты рыцарь, и никого не колышет».

— В купальни! Я хочу помыться! — громко произнесла рыцарша, отчего я опешил. Не от мальчиков. От слова помыться. Горожане, проживающие рядом с нашей базой, просто панически боялись водных процедур.

— А как же учение о святости воды и недопустимости осквернять её своим телом? — оглядев весь бабский отряд, протянул я вопрос.

— Ха! Ты наслушался бредней последователей Ниркаты? Плающая Агния — вот правильная богиня, ну и

покровительница удачи Такора тоже. Если бы магистрат не поставил свою цитадель в этом рассаднике грязи, они бы уже давно от чумы подошли, и дешёвый гранит добывать было бы некому. У них даже в колодцах вода тухлыми яйцами воняет, не то что здесь.

Я задумался. Либо меня ввели в заблуждение, либо наши ботаники из отдела изучения местной культуры слишком засиделись в кабинетах. Что-то каким-то абсурдом пахнет. Хотя если здесь пантеон, то вполне может быть, что чуть ли не каждый город имеет своих богов-покровителей. И в каждом городе свои правила. Даже в средневековой Европе Испания и север Германии были фанатичные не любители водных процедур, а восточная часть прежней Римской империи, то есть Византии, были менее строги к этим веяниям. Подумав так, поглядел на Катарину. Она же тоже в том городе живёт. Неужели, тоже грязнуля?

Поймав мой взгляд, наёмница сперва нахмурилась, а потом подняла кисть с двумя прямыми пальцами.

— Я чту учение Пресветлой Небесной Пары. И вся моя семья тоже.

— Халумари, пойдём с нами! — насмешливо предложила леди Ребекка, пригладив ладонью волосы.

— Мы не пойдём, — вдруг подала голос Катарина, и все обернулись, заставив девушку поджать губы и процедить продолжение речи. — Я должна его доставить по месту, иначе контракт не выполнен, и мне не заплатят остаток обещанной суммы. А с купальнями может многое случиться. Шана и Сол мне в свидетели.

— Она права. Долг требует прибыть к братьям моим как можно скорее, и путь наш лежит в слободу ремесленную, — согласился я со вздохом. Но заметку про купальни в голове поставил, надо будет их посетить. Хотя бы просто из любопытства.

Ребекка пожала плечами, мол, как хочешь, зато подала голос одна из её помощниц, та, которую звали Герда.

— Господин, а слобода-то, похоже, горит.

— Что? — переспросил я, привстав на цыпочки и приложив ладонь на манер козырька. В правой части города виднелись столбы сизого дыма. Сперва-то и не придал этому значение. Мало ли, вдруг это углежоги или коптильня. — Точно горит?

— Да, в прошлом году, когда гончарницы погорели, так же было.

Я прикусил губу. Как-то нехорошо получается. Вся дорога из лёгкой прогулки превратилась в сплошной триллер. То нечисть,

то разбойницы, то пожар. Дракона для комплекта с гоблинами не хватает. А гоблины в этом мире есть, вообще?

— Можно ли попасть туда побыстрее?

Леди Ребекка поглядела сперва на меня, потом на город. Ответила не сразу.

— Я не буду загонять бычков до смерти, но до слободы довезу. Девчата, поехали! — прокричала она и щёлкнула небольшим бичом. Ездовое животное дёрнуло ушами от похожего на выстрел звука, недовольно замычало и перешло на лёгкую рысь. Колесница загромычала на ухабах. Мне опять пришлось вцепиться в край этой одноосной повозки, в то время как рыцарша непринуждённо держала поводья в одной руке. Сама конструкция колесницы всё же имела пазы для небольшой перекладки, на которую можно сесть, но её, видимо, не применяли для быстрого спешивания. И это немудрено, ведь в отсутствии конницы высокоомобильная единица всегда должна быть готова к десантированию и пешему бою, да к тому же лишние нагромождения конструкции — это лишний вес, снижающий скорость. Простота в угоду эффективности.

Тем временем мы быстро обогнули несколько гружённых сеном телег, благо ширина дороги позволяла хоть и впритирку, но разминуться.

Город быстро приближался, и стало отчётливее видно, что это действительно пожар. Люди суетились, ломая небольшие постройки и растаскивая всё ценное подальше от огня. А из нескольких больших бочек с водой цепочкой подавали ведра.

Вскоре накинул рюкзак на плечо и прыгнул с остановившейся колесницы.

Наших я увидел сразу. Да и немудрено их не узнать, так как несколько мужчин в серых льняных одеждах орудовали огнетушителями. Можно было бы съязвить, что не только я с фонариками иду на мелкие нарушения перечня вывозимых вещей, но сложившаяся ситуация совсем не для шуток.

К моему прибытию начавшую гореть пристройку к мастерской уже почти потушили. Я видел её на фотографии во время ориентирования при получении задания. Хотя там она мне казалась больше. А так — обычное одноэтажное здание из бревенчатого каркаса и обмазанной смесью глины и соломы решётки из жердей. Окна без стёкол с простыми ставнями, которые закрываются на ночь. Крыша из черепицы поверх такой же решётки, разве что использованы не прутья, а стволы тонких деревьев. Дверь в грубом коробе. В общем, средневековая быстровозводимая конструкция. Наши не стали заморачиваться, а купили готовое здание, где раньше гончарная мастерская была.

Я обвёл глазами людей и нашёл нужного. Сан Саныч, зам начальника отдела внешнего контакта, зовущийся на местный лад Александр да Виктория, сидел поверх небольшого ящика и держался за ободранное плечо. Увидев меня, он горько ухмыльнулся и подвинулся, приглашая сесть рядом.

— Ничего, отстроим заново, — протянул он, кивнув на здание. — Жаль только, что время упущено будет. Там учебники были для детей и взрослых. Азы математики. Ну и комиксы для неграмотных. Но те не жалко.

— Что загорелось?

— Это у стекольщиков полыхнуло. Но как-то слишком уж быстро загорелось, как бы не поджёт был. А домики, сам видишь, почти впритык стоят. Вот нас и зацепило. На месте только дежурный был, мы-то сами на переговорах с местным подразделением магистрата были. Так он говорит, пока ящик с ноутом и типографское оборудование вытаскивал, уже разгорелось не на шутку. А здесь пожарных машин нет. Пока вся слобода не сбежалась, потушить не получалось.

Он тяжело вздохнул, а потом поглядел на хмурую Катарину, на меня и на вставших тут же леди Ребекку и Клэр.

— Моё почтение, добрая госпожа, — привстал он и слегка поклонился, а потом повернулся ко мне. — Ты же материалы принёс?

Ребекка с оруженоской легко кивнули в ответ и развернувшись направились к своим людям. Я уже хотел пошутить, что надо стрелкнуть номерочек телефона и ссылку в соцсети у девчат, раз обещал помнить, но шутка была бы неудачная.

— Да, — ответил я, доставая чугунную флешку.

Сан Саныч взял и начал крутить в руках, поглядывая то на постройку, то на меня.

— Это хорошо, а то почтовые голуби почему-то перестали долетать.

— Я дублирующий канал передачи данных? — с небольшой досадой спросил я. Всё неприятно, что не сказали о птицах.

— А ты хотел, чтоб без подстраховки было? Нарочный всегда надёжнее, чем всякие голуби. Хоть и медленнее.

Я кивнул, а зам начальника продолжил.

— Путешествие нормально прошло? Сильно устал?

— Не очень. Помыться бы только.

— Хорошо. Этот пожар все карты спутал. Теперь придётся дежурить в усиленном режиме да сгоревшее восстанавливать. Рук не хватает.

— Хотите, что я остался здесь? — скривившись от

перспективы застрять в Галлипосе надолго, спросил я. Хотя чего я жалею, сам ведь к приключениям стремился. А раз надо, значит надо.

— Не совсем, — покачал головой Сан Саныч, — отправишься в Таркос.

— Зачем? — переспросил я.

— Ничего сложного. Поедешь представлять нашим союзникам стратегическое сырьё — картошку, морковку, кукурузу и подсолнух. Так сказать, альтернативные источники питания. Аналитики говорят, что процесс внедрения может растянуться на целые десятилетия и начинать нужно уже сейчас. Слишком уж консервативны местные жители. Сейчас их нужно хотя бы ознакомить. Я бы сам поехал, но видишь, что стряслось, — тоскливо махнув рукой в сторону погорелого здания, произнёс он.

Я кивнул. До Таркоса три дня пути. Но если везти овощи, то нужна телега и вол. А поскольку не умею обращаться со скотиной, ещё и помощник в этом вопросе. Видимо, это отразилось на моём лице, так как Сан Саныч достал из кармана кошелёк и протянул мне.

— Завтра. Всё завтра. Сегодня отдохни. Здесь пятьдесят серебряных. Сходи в купальни, классное, кстати, место. Пошарьсь по старому рынку. Сними комнату. Мы до наших апартаментов проводить сейчас не можем. Да и места там нет. Всё битком, как у гастарбайтеров. А поедешь, используй субличность книжник.

— Так это... — начал я, а потом смолк. Сказать о неисправной системе или нет? Впору монолог Гамлета прочесть: «Быть или не быть? Вот в чём вопрос». А потом добавить: «Бедный Юрик». Меня точно снимут с задания и отправят назад, да только сейчас начинается настоящее задание. Не курьер, а полномочный представитель нашей цивилизации. Герой. А если сбой будет прогрессировать? Тогда и мозги придётся на свалку выбросить. Я слышал, первые системы могли давать сбой, и эффект получался как от лоботомии.

— Блин, — вслух выругался я, а мысли бежали чехардой. Нужен ли будет им герой с лоботомией? А если с другой стороны поглядеть, то на Земле я и не герой и никому не нужен. Никто не ждёт. — Блин.

— Чего не так? — переспросил Сан Саныч.

— Да это... Катюшу рассчитать нужно, — придумал я на ходу отмазку. Не нужен я дома никому, рискну здоровьем.

— Катюшу, — ухмыльнулся зам и ещё раз смерил девушку, — Ясно.

Он вздохнул и перешёл на местный язык, тогда как до этого разговаривали по-русски.

— По договору она получит остаток по возвращению вас в обитель. А на текущие расходы я завтра дам. Деньги лежат у местных менял под охраной. Ах да, Юрий, прежде чем пойдёшь отдыхать, заскочи в трактир «Пьяная курица», там найдёшь ещё одну наёмницу. С обозом лучше иметь дополнительную охрану, да и статус в глазах местных повысишь.

— Может, утром?

— Лучше сейчас. Выручи тётю Урсулу. А то сопьётся до утра. Мы ей часть задатка дали. Девушка хорошая, с рекомендациями, — чему-то улыбнувшись, произнёс Сан Саныч.

Я вздохнул, а потом поглядел на Катарину. Та пожалала плечами.

— Помощь не нужна?

— Справимся, — махнул он рукой, предоставив нас самим себе.

— Пойдём? — спросил я. — Найдём эту Курицу.

Катарина пожалала плечами, и пошла за мной. Трактир искали до самой темноты, и я уже часто поглядывал по сторонам, чтоб какой-нибудь полтергейст не перешёл дорогу. Хватит с меня чертовщины.

Наконец, на одной из улиц наткнулись на заведение. Чем-то оно смахивало на кабак, в котором классические пираты из фильмов распивают ром и хором орут «Тринадцать человек на сундук мертвеца». Но зайти пришлось.

Всё, как и ожидал. В тусклом свете масляных свечей шла драка. Один столик опрокинут, а на свободном пространстве какая-то здоровенная женщина лет сорока была лицом о табуретку какую-то девушку, намотав косу на руку. Женщина была в цветастой юбке, смахивающей на шотландский килт, кожаных сапогах с отворотами, распахнутом поддоспешнике и серой сорочке, похожей на солдатское нательное времён Великой Отечественной, и под которой виднелись здоровенные сисяндры. Она походила своим мощным телосложением и тяжёлым лицом то ли на разбойницу из мультфильма про бременских музыкантов, то ли на шпалоукладчицу с советских плакатов. Рядом на полу стонали ещё четыре osoby не совсем прекрасного по местным меркам пола, и, откровенно говоря, больше похожие на гопоту.

И сам собой возник вопрос, а может уже никого и не надо спасать? Поздно уже. Но любопытно, что ещё несколько женщин в заведении, по-прежнему сидели за столами и лишь с интересом поглядывали на происходящее. Кто-то даже щерился, словно в цирке.

— Ты кого учить решила? — громко задала вопрос

шпалоукладчица, оторвав лицо кашляющей девицы от деревянной поверхности. — Ты не знаешь, как правильно руками браться, что за мужской стручок, что за меч, а ещё тявкаешь. А я прямо в битве за Меникборг рожала, соплячка.

Поверженная, что проямлила.

— Что? А-а-а, рассказать эту историю?

Шпалоукладчица развернула девушку к себе лицом, а потом взяла за ворот и оторвала от земли, с тем чтоб поставить шатающуюся особу на ноги.

— Значит, пули и стрелы свищут над головами. Дым от мушкетов. Везде орут и железками брякают. Значит, закрыли меня щитами. Встали в небольшое каре. А я тужусь. Ну, велели богини рожать, что сделаешь. Родила, значит, кошкодёром пуповину обрезала, всучила дитя нашей целительнице, сделала пару вздохов и в бой. А ты, поди, обгадишься при виде кухонного ножа.

Шпалоукладчица придерживала девушку за ворот, и дёрнул меня чёрт вмешаться в драку с вопросом.

— Любезные, как мне найти наёмницу Урсулу?

Ну вот приспичило испортить местное веселье.

Шпалоукладчица поглядела на меня, как-то нехорошо улыбнулась, после чего я услышал щелчок взводимого курка. Это Катарина изготовила пистолет.

А женщина хмыкнула и несколько раз хлопнула девушку с разбитым лицом по щеке.

— Ты не Урсула? Что? Значит, нет. Сейчас найдём.

Она оттолкнула жертву от себя, отчего та рухнула на пол как куль с картошкой.

— А ты не Урсула? — пнула она ещё одну валяющуюся на полу жертву под рёбра. — Тоже не она. Ах да, тётя Урсула — это же я! — радостно воскликнула она, а потом развернулась к залу. — Девочки, тётя Урсула снова в деле. И потому ей нужно проспать.

Я глядел на эту головорезку и даже засомневался в нужности второго телохранителя, притом что Сан Санычу верил. Но как бы самому на обед этой трольчихе не угодить.

Глава 11

Ночные страсти

— Товарищ генерал.

К начальнику экспедиции, генерал-майору Санникову, Петру Алексеевичу, над которым шутили, что он, как царь Пётр прорубил окно в средневековую Европу, подошёл высокий небритый заместитель по контактам и технической разведке, которому собственно и подчинялся отдел внешнего контакта. Небритыми были все, кто не относился к «волнистым попугайчикам», то есть нам. И солдаты с офицерами, и научный персонал, и технические работники обзавелись небольшими бородами. Это было специально согласованно психологами и магистратом, дабы не навести смуту. Высокие и широкоплечие, в сравнении, конечно, с местными, мужики вызывали у местных когнитивный диссонанс. Проще сказать, что это сказочные полулюди, нанятые халумари в помощь себе в качестве войска. Эдакие зверомужики. Местные охотно верили в эту сказку.

Генерал стоял посередине бетонного бункера и глядел на святую святых лагеря — пятиметровое кольцо портала, подпитываемое с той стороны специально построенной для этого атомной электростанцией. Сейчас через кольцо, похожее на увеличенный томограф, медленно проезжали электроплатформы на небольших колёсиках, груженные продовольствием и имуществом. Рутинная процедура. Но генерал всегда лично был при переброске грузов и личного состава.

— Товарищ генерал, — повторно позвал его заместитель.

— Что?

— Есть плохие новости, и сеть хорошие.

— Только давай без этих баек. Говори по порядку.

Генерал снова заложил руки за спину, переведя взгляд на подъехавший к платформам погрузчик. Ежедневно перебрасывалось туда-сюда до нескольких тонн грузов. Ежедневно отправлялись образы и результаты исследований.

— У нас пропало три квадрокоптера. По данным разведки, они были атакованы хищными птицами. Участились случаи пропажи почтовых голубей. Вышел из строя второй геле-процессор, человека отправили на обследование.

— Он хоть жив? — спросил генерал, обернувшись на заместителя. В глазах мелькнуло беспокойство.

— В состоянии комы.

— Один оглох, второй в коме, — пробормотал генерал. — Что

эксперты говорят?

— Возможно, что это воздействие того же характера, что блокирует радиосвязь.

— Ясно, — со вздохом пробурчал Пётр Алексеевич. — Что-то ещё?

— Да. Наш цензор госпожа Карина отказывается колдовать. Научный отдел в панике. А ещё магистрат начал приставлять ко всем группам своих ведьм.

— Чем мотивируют?

Зам пожал плечами.

— Беспокойство за наше благополучие.

— Аналитики предсказывали такой сценарий, — криво улыбнулся генерал. — Это значит, что они затеяли игру. Но это нам даже на руку. Продолжайте работу, делайте вид, что не догадываемся об их интригах. Умоляйте Карину поколдовать. И смени контактёра, это наверняка он спровоцировал отказ.

* * *

Я лежал и глядел во тьму, в которой терялся потолок. Уставший после долгой дороги, только и смог что помыться из тазика на заднем дворе гостиницы и побриться на ощупь. Благо, темень такая, что меня, голого, никто и с двух шагов бы не разглядел. Уже помывшись, столкнулся с Катариной, тащившей ведёрко подогретой воды. Она тоже давно ополоснулась и сейчас разместилась на лавке у окна.

И вот я, чистый, таращился во мрак. Гостиница была получше, чем предыдущая. Во всяком случае, мне досталась небольшая кровать с хорошим матрасом, вдобавок занавешенная балдахинном. Ткань была не ахти какая, всего лишь некрашенная шерсть, похожая по фактуре на плотную мешковину, но и комната предназначалась не принцам с принцессами, а небогатым дворянам, мелким купцам и зажиточным мещанам. Всё убранство составляли сундук для вещей, начищенная до блеска медная ночная ваза с крышкой, масляный светильник, канделябр на три свечи, заменяющие прислуге кровати лавки, стол и кувшин с водой. В общем, уже не хостел, но ещё не местный люкс. Скорее, эконоом.

Урсула. Эта крупная женщина забрала из трактира сумку с вещами, похожую на обычный вещево́й мешок, оделась и снарядилась во всё, что имела. А имела она бригантный доспех, приставлявший собой подобие куртки-безрукавки из плотной ткани, подбитой изнутри железными пластинами, отчего снаружи

виднелись только многочисленные заклёпки. С шайбами, чего не было у земных аналогов. Под доспехом, называвшимся коротко бригантиной, была кольчуга, а под той плотный поддоспешник. На плечах — простые, без множества сочлений и иных элементов, наплечники. На голове — шлем, похожий на выполненную из железа шляпу с полями. Шею прикрывала выполненная толстая стёганая манишка, края которой наплзали на наплечники и спускались до середины груди. Латный наруч только на левой руке. Дополняли защиту кожаные трёхпалые рукавицы с пластинками на тыльной стороне ладони. На ногах — чулки-шосы из плотного льна, на коленях стальные наколенники. Ну и высокие кожаные сапоги с одетыми на них поножами.

Из оружия у неё имелись два клинка. В качестве вспомогательного — небольшой, похожий на древнеримский гладиус и называемый здесь кошкодёром, то есть для боя в тесном помещении, или когда приходится идти в ближний бой. Но основным у неё был двуручник. Она несла его на плече, замотанным в плотную ткань.

Сейчас эта женщина, которая всю дорогу хохотала и рассказывала байки из жизни, по-богатырски храпела. Подложив под себя большой мешок с соломой, она устроилась прямо под дверью с гордой фразой: «Мимо тёти Урсулы никто не пройдёт», и тут же вырубилась.

Я лежал и слушал не только её храп. В соседней комнате за тонкой дощатой стенкой кто-то самозабвенно трахался. Крики, стоны, скрип кровати и томные жадные словечки типа «ещё», «хочу больше» и «не останавливайся» не прекращались уже второй час. Эти ненасытные делали лишь небольшие перерывы, дабы с хихиканьем и жарким шёпотом испить вина.

Стоит ли говорить, что для меня, не имевшего секса уже несколько месяцев, это было нелёгким испытанием. Не помогали ни подушка, ни затыкание ушей пальцами. Наконец, я просто смирился, слушая громкий стук своего сердца и то, как ворочалась с бока на бок Катарина.

— Вот же блин, — со вздохом процедил я, когда из-за стены донёсся очередной, особо громкий стон.

Рядом нервно сглотнула и тяжело вздохнула храмовница. Она невнятно пробормотала, а потом пошарила рукой и что-то швырнула. Видимо, попала, так как это что-то шлёпнулось о мягкое, а Урсула ругнулась сквозь сон и снова захрапела.

Может, и мне стоило напиться в стельку?

— Юрий, — вдруг заговорила Катарина, ещё раз сглотнув, — а у тебя были женщины?

Я вздохнул, думая, что ответить. Нас не учили постельному

этикету, а девушка не глупая крестьянка. Она образованная и даже в какой-то мере культурная. Читать умеет и писать. Обучена счёту и некоторым весьма сложным для местных реалий наукам. Читит традиции. Даже подранков добивает.

Но вот не знаю, что ей ответить, а молчать будет глупостью. Разве что, по совести сказать.

— Да... — начал я и запнулся, сжав губы и обдумывая число. — Одна.

Это было недалёко от правды. Случайные связи я не хочу впутывать в рассказ, а девушка, за которой я действительно долго ухаживал, была одна. Пожили вместе почти год, а потом разбежались.

— У меня тоже один раз был мужчина, — как-то тоскливо протянула Катарина. — Четыре года назад.

— Так давно? — тихо спросил я, облизнув губы. — Не сошлись характерами?

— Он умер. Он... его посадили на кол, и он долго умирал. Три дня... Три дня я стояла на коленях перед местом казни и молилась, пока он не отдал душу своим богиням.

Сперва я подумал, что девушка заплачет и начнёт рассказывать долгую историю о том, как её первая любовь была убита, но она вздохнула и через силу начала давить слова.

— А... тебя... не казнят... если ты... ну... другая вера... другое сословие?

— Нет, — дрожащим от волнения голосом, ответил я.

— Я боюсь, — прошептала девушка. — Это глупо, но можно я просто лягу рядом? Ты ведь не человек. Вдруг растаешь в воздухе или станешь зверем. Ты же сам говорил, что можешь превращаться в обезьяну.

Я уже хотел закричать, мол, а что, секса не будет? Но вовремя прикусил губу и угукнул в ответ. Если не может по каким-то своим причинам, лучше не торопить. Я же не дикарь-насильник. Да и изнасиловать её вряд ли получится. Но, чёрт возьми, я бы занялся тем же, что и соседи за стенкой. И не один раз. От такой мысли я ещё сильнее прикусил губу, почувствовав вкус крови во рту.

В этой сплошной тьме прошелестела ткань и с тихим стуком на деревянный пол опустились ножны. Насколько помню, Катарина была сейчас без кольчуги в одном лишь стёганном льняном гамбезоне поверх платьев, которые специально надела после водных процедур, ибо такой минимум полагался телохранителям. А платья у неё два — верхнее, тёмно-серое, с небольшой вышивкой на вороте и рукавами до локтей, и почти белое исподнее, заменяющее сорочку. Оба до колен длиной.

Здесь, вообще, у женщин не приняты длинные повседневные наряды. Только церемониальные или парадные опускались до земли. А вот льняные либо шерстяные чулки — обязательны, как у мужчин гульфики.

Ещё раз зашелестела ткань, но на этот раз это был балдахин. А потом заскрипели доски под матрасом. Девушка отнюдь не хрупкая. Спортсменка, однако. Причём не легкоатлетка.

— Я здесь, — прошептал я, надеясь, что храпящая в углу Урсула не проснётся, и не обломает хотя бы этот первый шаг.

Кровать скрипнула ещё несколько раз, в то время как Катарина бочком подползла ко мне. В итоге я ощутил локтем её тело.

Да, глупая ситуация. За стенкой орут от оргазма, а я рядом с девушкой, и ничего. Я плотно зажмурился, будто в этом был толк, в такой-то темени, и несколько раз мысленно повторил: «Успокойся». Правда, это мало помогло.

— Я не растаю и не стану чудовищем, — прошептал я, повернувшись набок и осторожно положив ладонь на живот девушке. Вроде жив, рука не сломана, значит, можно продолжать.

— А ты... ты восхвалишь небесную пару? А то я боюсь, — прошептала девушка. Пальцы чувствовали, как дрожит её тело. И я чуть не выругался вслух. Ну почему в этом средневековье так всё сложно? Она ведь тоже хочет.

— Принять твоих божеств? Я должен посоветоваться со своим старейшиной, — протянул я с досадой в голосе. Вот так ломаются надежды и мечты.

— Узнать, не во вражде ли наши божества, чтоб не навлечь кару?

— Да, — выдавил из себя, в то время как ладонь нырнула под курточку, и начала медленно опускаться к подолу платьев.

— Подожди, — прошептала Катарина, замерев, словно прислушиваясь.

— Хорошо, мы не будем гневить богинь.

— Нет. Ты слышишь?

Я тоже замер, пытаюсь понять, что происходит. Пара за стеной уgomонилась. Урсула храпит, как раньше. На улице какие-то прохожие пьяно переговаривались. А потом я всё же различил звук шкрябанья за стеной. На втором этаже.

— Духи? — неуверенно прошептал я.

Катарина пару секунд помолчала, прежде тихо, но отчётливо произнести.

— Идемони.

Шуршание не прекратилось и не изменилось. Его источник медленно двигался от угла к окну.

— Блин, — пробурчал я по-русски. — Ещё один облом.

С большой неохотой убрал руку с бедра Катарина, до которого уже успел добраться, и полез за пистолетом. Вторая рука нащупала под подушкой имитирующий свечу фонарик. Но зажигать я его не стал.

Наёмница, легонько скрипнув кроватью, скользнула под пологом балдахина, а затем послышались прикосновения к полу, словно она что-то искала на ощупь. Вскоре брякнули ножны, а с крохотной задержкой раздался шелест вынимаемого клинка. Босые ноги сделали два шага к окну, сменившись едва заметным скрипом петель на ставнях.

Мы оба замерли, слушая, как источник шуршания почти приблизился к окну.

— Проклятье, — тихо выругалась Катарина и быстро захлопнула едва приоткрыта ставни. — Только не это, — прошептала она. — О, Небесная Пара, за что?

Я не смог удержаться и соскочил с кровати, включив фонарик. Оказывается, наёмница подпёрла спиной створки, а лицо её было перекошенным и багровым.

— Катарина, что там? — тихо спросил я, держа пистолет в руке. Пальцы сами собой сняли его с предохранителя. — Мне слово идемони шептать?

— Там... никого... нет, — процедила девушка, глядя на меня каким-то непонятым взглядом.

В этот момент в окно постучали.

— Катарина? — переспросил я, но девушка смолчала. — Катюша?

— Там никого, — торопливо ответила она, но стук в окно повторился.

— Открой. Мы всё решим, — спокойно произнёс я.

— Не открою.

— Открой, — повысил я голос так, чтоб это не казалось грубостью, когда постучали в третий раз. — Пожалуйста.

Девушка зажмурилась, что-то прорычала, а потом в одно движение развернулась, отошла от окна. Ставни медленно раскрылись.

А когда я рассмотрел, что произошло, чуть не выругался.

— Клэр?!

За окном, цепляясь рукой за оконную раму, являя нам неимоверно воодушевлённое лицо, была именно она. Оруженоска Ребекки улыбалась так, что казалось, лицо треснет.

— Милостивый господин Юрий, не примите ли вы от вашей почитательницы скромный дар. Господин Сасанич сказал, что в стране халумари принято к цели своего вождения являться с

цветами. Я собрала ромашек.

Девчурка сунула в окно вторую руку, в которой был букет. А я состроил жалостливую физиономию и поглядел на пистолет. Как-то само собой появилось желание пристрелить «Сасанича», коим он стал из уст будущей рыцарши. И что делать с пятнадцатилетней дурой, которую явно тонко и изощрённо потроллили? Не выгонять же взашей. Всё же, дочка целого графа.

— Кто? Где? Это воры?! — громко прорычала из угла Урсула, хватаясь за кошкодёр. Наёмница вскочила с мешка с сеном и быстро оказалась у окна, где замерла, щурясь и часто моргая спросонья. — Это что за дырка малолетняя?

— Это есть юная графиня Клэр хаф да Кашон, — спокойно произнёс я, глядя в сияющие от восторга глаза оруженоски. Только недавно став на путь истинного дворянства она, наверняка ещё не растеряла весь романтизм происходящего. Подвиги не стали бытом. А тут ещё первый кавалер сердца, пусть и по науськиванию своей наставницы.

— А мы чё? Во дворце ночуем? — растерянно оглянувшись и обведя взглядом комнату, спросила Урсула, что заставило меня улыбнуться. — Я не помню, чтоб стражу щемила. А это чё, всамдельная графиня?

И я, и Катарина одновременно кивнули.

— Ваша Сиятиства, чё же вы там? Вы внутрь пожалуйста, — расторопно подошла к окну и протянула руки женщина. Возрастная наёмница, в отличие от Катарины, говорила неграмотно. Её диалект простой горожанки отличался от академической речи так же, как разговор официального лица от колхозной байки. Мат, нестандартные выражения и сравнения.

Клэр легко нырнула в проём, а потом быстро встала передо мной на колени, протягивая цветы. Я же чувствовал себя не в своей тарелке. Совсем. Никакие лекции профессоров, никакие земные сказки не могли подсказать, что делать. Я же не Дульсиня, чтоб томно вздыхать на балконе и ронять надушенный платок восторженному рыцарю.

— А он чё, тожа граф? — тихим шёпотом спросила Урсула у Катарины, но та лишь зло зыркнула на неё, скрестив руки на груди. — А чё это мы стоим, как столбики? Надо же, деточку накормить.

Я мельком глянул на наёмницу, которая вчера размазала по стенке четверых вооружённых девок, выбивая из них кровавые сопли, а сейчас превратилась в курицу-наседку. Но сейчас меня больше заботит Клэр. Я старше на девять лет. Да, цивилизация с хорошим питанием, развитой медициной и минимум изнурительного труда делает меня моложе, но такую разницу всё

равно не сократит. Плюс гены способствуют. Помню, мне, уже ушедшему на дембель, не хотели пиво в магазине продавать. Но она всё равно ещё ребёнок.

Подумав немного и представив себя эдакой Рапунцель, я умилённо улыбнулся и принял цветы. Засунуть бы их Сасанычу в одно отверстие вместо вазы. Уже соображал, что делать дальше, но Клар, радостно пискнув, вскочила с колен и быстро вернулась к окну.

— Милостивый господин, приличия требуют, и я должна уйти, — протараторила эта, по подростковому нескладная и при этом возвышающаяся надо мной на целую голову, особа и перекинула ногу через подоконник. В следующий миг она ойкнула и буквальным образом свалилась вниз. Раздался грохот и тихое постанывание.

Я бросился к окну, вглядываясь в темень.

— Клэр?

— Я здорова, — жалобно протянула она, — локоть ушибла, и только.

В узкой улочке послышался шёпот, и возня, а потом смог услышать: «Герда, помоги». Ну, слава всем здешним богиням, она не одна. В то же время мелькнула мысль, что в земном средневековье барышень оберегали от нежелательной беременности заточенной в башне принцессы. А если принцесса сама лезет в башню к принцу? Юношу что лишать девственности, что не лишать, на физиологии это никак не скажется. Или лучше её здесь обозвать юнственности? Наверное, тот же строгий этикет оберегает от нежелательного зачатия неугомонную принцессу.

Снизу снова раздалось невнятное бурчание, на которое последовал ответ: «Ничего не глупо».

Я вздохнул и прикрыл ставни, а обернувшись, увидел две физиономии. Ухмыляющаяся Урсула и хмурая, плотно сжавшая губы Катарина. Вспомнился рассказ храмовницы о посаженном на кол возлюбленном. Если я прав, то этикет здесь очень суров. Куда суровее, чем в нашей нынешней Европе, где всех пугают судом за неосторожный взгляд в сторону феминистки. И не зря мне система советовала в том трактире с приставучими шахтёрками вести себя, как книжный червь.

Буду знать. Буду осторожен.

Глава 12

Ведьмины склоки

— Юрий, — услышал я сквозь сон и открыл глаза. Балдахин был сдвинут рядом с кроватью стояла хмурая Катарина, уже одетая в платье и с оружием. Лучи только вставших светил, пробивающиеся сквозь щели в ставнях, и надсадно кукарекающие петухи, скрипящие доски запахи простой еды придавали утру некую обыденность и беззаботность, словно не на другой планете, а в деревне у бабушки. Хотя, если приглядеться, можно заметить, что рядом с каким-нибудь тонким, но ярко-белым лучиком есть ещё один — блёкло-красноватый. Небесный муж по имени Сол, всегда рядом со своей супругой Шаной. И всегда блёкнет в её сиянии.

Я вздохнул. Этот мир-перевёртыш совсем не такой, как описывали лютое средневековые известные писатели. А может, я ещё не встретился с тем всеобщим дерьмом, в которое окунулся дон Румата. Я не видел глобальной охоты на ведьм, хотя успел побывать в нескольких передрягах. Но разбойники везде есть. Не видел гонений на умных, хотя ещё и не встречал с таковых. Умников здесь ищут другие. Другие их и спасают от неприятностей. Я всего лишь «старший куда пошлют», которого, как и волка, ноги кормят. На пару с головой.

— Где Урсула? — спросил я, садясь и свешивая ноги с кровати.

— Внизу, — ответила Катарина. Она поправила перевязь с ножнами и подошла к окну, неспешно раскрыв его. Утренняя свежесть вместе с утренними же шумами ворвались в комнату. Сквозняк прошёлся по помещению, словно полновластный хозяин, проверяющий, всё ли имущество на месте. А под окном спорили, кому убирать навоз, оставшийся после тяглогового вола. Спорили самозабвенно, с трёхэтажным матом, отчего не все слова понимал. Но догадывался по общему контексту. Мат, он и на другой планете мат.

— Мне приснилось, или ночью к нам действительно через окно залезла Клэр? — пробормотал я, а потом увидел рассыпавшуюся охапку ромашек на столе. Значит, была.

— Озорство сильней рассудка, — огрызнулась девушка, тоже глянув на букет. — Оно проронило в душу уверенность, что раз положено иметь мужчину сердца, то и в окна залезать тоже надо. Но, зачем именно этой ночью? Другую ночь не могла выбрать? Вот она незрелое яблоко.

Я вздохнул и потянулся за вещами. Словосочетание «незрелое яблоко» означает наивность, ну или наивную дуру. Да, Клэр действительно не блещет хитростью, и набитых обучением шишек не видно. Не успела ещё набраться цинизмом. Впрочем, именно такой и должна быть юная рыцарша — идеалисткой с горящими глазами, уверенной в том, что весь мир существует только для приключений.

Стоило накинуть курточку, как дверь распахнулась, и в неё вошла Урсула. В зубах зажата ложка, в руках корзинка с большим куском сыра, ломтём хлеба, несколькими яйцами, тремя луковичками, вязанкой сырокопчёных колбасок и бутылкой из плохого стекла.

— Фафафа э фафефа, — произнесла она, не выпуская столового прибора изо рта.

— Что? — переспросил я, достав пистолет и проверив перед дорогой.

— Пфу, — выплюнула она ложку в корзину. — Отдавать не хотела.

Урсула поставила имущество на столик и начала выкладывать содержимое, довольно глядя на добычу.

— Ты?

— Трактирщица. Значит, эта для самых серебрятых гостей, у кого деньги есть. А я чё, у нас и деньги есть, и целая графинька в окно лезла. Чем мы не серебрятые гости? А она, значит, рогами в землю, грит, нету такого добра. Ну, я в дверь в кладовку и выбила. Всё там есть. Тока эта, юн спадин, я у ты из кошель пару серебряных взяла. Совсем без денег не по совести брать.

Я пропустил мимо ушей необычное обращение «юный господин», похожее на бытовое сокращение «ваше благородие» в «ваш бродь» в Царской России. А вот про непредвиденные расходы вопрос возник.

— Тебе же задаток дали.

Урсула пожала широкими, совсем не женскими плечами, и как ни в чём не бывало ответила.

— Юн спадин, у меня семеро ртов дома, я муженьку почти всё отдала. Иль ты подумал, что пропила всё? А пару серебряшек на трактир не жалко.

Я поглядел на Катарину, которая подошла к столу и начала перебирать покупку.

— Сыр дерьмо из выжимки. Лук не сахарный. Яйца не варёные. Хлеб уже чёрствый.

— Ой-ой-ой, — покривлялась Урсула, — тоже мне неженка. Хлеб в яйца покрошить, сыром закусить. Зато пороссячи колбаски хорошее.

— Хорошие? Да этот поросёнок своей смертью умер! — повысила голос Катарина, — я бы на эти монеты доброй еды на рынке купила, а не у скупой трактирщицы негодные товары за полцены для лепёшки-рубленки для мимоходящих купцов.

Лепёшка-рубленка. Это очень близкое подобие пиццы. Поверх теста кидают всё, что осталось, и запекают. Бедняцкая еда.

— Ой-ой-ой, не учи мамку, — огрызнулась Урсула. — Так съедем!

Я слушал эту перепалку и вспоминал рынок в Заберёзье. А ведь Катарина действительно долго и придирчиво выбирала запасы в дорогу. А улитки... да чёрт с ними, с улитками. Нравятся они ей. Я, вон, тоже окуней сушёных люблю, могу и без пива трескать.

— Девушки, хватит.

— Юн спадин, не серчай. Пустое. Эта дура походной доли не нюхчила, а уже старую матру учить вздумала. У меня старшенькая ей ровесня.

— Я не нюхала?! — взорвалась храмовница, покраснев как варёный рак, даже желваки заходили, и зубы заскрипели. — Я с семи лет в храме Небесной Пары училась у самых прославленных воительниц! И с самых первых дней нас наставляли, что жить в походе — не значит быть свиньёй! А ты канорское белое к этому дерьмовому сыру! И лук с сырыми яйцами! Даже без соли!

— Вас кухарками быть учили или драться? — с ухмылкой подбоченилась Урсула. Пальцы её легли на рукоять двуручника, остриё которого было упёрто в пол. Она вальяжно пододвинула меч поближе и облокотилась на него, как старуха на клюку. Даже подбородок положила на ладони, обхватывшие большое полированное яблоко на навершии клинка. А глаза ехидно смотрели на храмовницу.

— Я сейчас покажу, чему меня учили, — процедила Катарина.

Я не успел открыть рот, а в следующую секунду два ствола со щелчками взводимых курков смотрели в лицо Урсуле. И губы тряслись от ярости.

Вот только в это же самое время остриё двуручника замерло в сантиметре от горла храмовницы. Для этого мечница, не выпуская навершия, сделала резкое движение правой ногой, пнув кончик клинка носком сапога, а когда тот сделал дугу, перехватила левой рукой за фальшгарду, уподобив длинный меч копью. И сдаётся мне, что в реальной стычке была бы обоюдка.

— Ловкая сучка, — улыбнулась Урсула, опуская двуручник.

— Она тебя на слабо взяла, — выдохнул я, думая, что схлестнись они на самом деле, остановить бы не успел. А два трупа в моей комнате было бы слишком.

— Да ты... — выдавила из себя Катарина, а потом, витиевато ругнувшись, топнула и сунула пистолеты, опустив курки. Доска под ногой жалобно скрипнула, словно жалуясь, что её почём зря обидели. — А сыр всё равно дерьмовый! — выкрикнула она и схватила со стола колбаску, от которой отхватила изрядный кусок.

Я улыбнулся. Она только что снисходительно рассуждала о юной Клэр, и вот сама психовала после слов Урсулы как девчонка. Конфликт поколений, мать его.

— Это всё хорошо, — произнёс я, поглядев на двух наёмниц и взяв небольшой кусок сыра, — но время не ждёт.

После моих слов все смолкли и налегли на еду. Я не рискнул сырых яиц, тогда как мечница с удовольствием уплела не меньше десятка, взболтав с хлебом, и закусив луком. Катарина быстро нарубила сырокопченость. Я же сделал бутербродов.

Вино оказалось неплохим, хоть и кисловатым. Нотки мяты и яблока добавляли ему некую необычность. А сыр действительно был не очень. Почти безвкусный и жёсткий, как кусок резины.

Вскоре мы вышли из трактира. Небесная пара уже поднялась над домами, быстро вытесняя прохладу с узких улочек Галлипоса. На окнах ещё были закрыты ставни, стайки мелких птиц, похожих на чёрных-причёрных воробьёв, с шумным чириканьем дрались за потерянную кем-то корку хлеба, где-то плакал младенец. Под ногами шуршала зола, которой посыпали пяточок перед порогом. Хоть малая горсть, но должна лежать.

А ещё там попадались коровьи лепёшки. Посему приходилось не только красотами города любоваться, но и под ноги глядеть, чтоб не вляпаться остроносими туфлями.

— Урсула, — позвал я мечницу, которая легко и непринуждённо стала частью моего приключения, в отличие от Катарины, поначалу ершившейся и показывающей свой характер. Женщина обернулась, и я продолжил: — Ты сказала у тебя дома семь ртов. Как они без матери обходятся?

— У меня муженёк хозяйский, — ухмыльнулась она. — А я сперва с походов жалование и долю от трофеев приносила. Купили дом и аж три коровы. Великая Рогатая Матрэ бережёт скотину, и молоко есть. А чё ещё детям надо? Старший портняжную лавку открыл. Щас в пикодавки не хожу, и так повидала все цвета мира. Но и стражницей скучно. Зато от чьих-то тушек пададь отгонять проще луковицы, а серебришко карман никогда не тянет.

Я улыбнулся и искал взглядом Катарину, а та немного отстала. Девушка остановилась рядом с открывающейся лавкой, в которой суетилась широкоплечая немолодая женщина.

Заинтересованный ситуацией, вернулся.

Лавка представляла собой местную разновидность магазина с тысячью мелочей. Гвозди, верёвки, масляные лампы, ночные горшки, бижутерия и прочая ерунда. Сомневаюсь, что это произведено самой торговкой, больше похоже на ломбард. Но в то же время Катарина молча стояла и глядела в дальний угол. Там среди петель для дверей и окон лежало медное изделие. Некое подобие наплечника из позеленевших от времени чешуек, нашитых внахлёст на толстую ткань. Каждая размером с лепесток розы, и на каждой грубо отчеканена римская двоечка. Несколько шнурков должны были подхватывать изделие на бицепсе, под мышкой и наискось через грудь. По идее этот наплечник должен прикрывать руку от плеча до локтя, но вряд ли он боевой, скорее для понтов, как элемент парадного облачения. В общем, типичная паладин-женщина среднего уровня нашла бронелифчик в стартовой локации. Харизма плюс сто пятьсот. Кошелёк минус сорок. Торговка задрала цену на окислившийся старый хлам с выцветшим подкладом неимоверно, и Катарину банально давила жаба. Ведь на сорок серебряных можно месяц хорошо питаться.

— Пойдём, — позвал я девушку, и та со вздохом повернулась ко мне.

— Да, — грустно кивнула она, и последовала за мной. — С такими орден входил в поверженный Драконовый Круг, когда те решили отыскать Изохеллу и её наследие. Это было двести лет назад, но память о битвах ещё жива в легендах. Земля содрогалась. Сталь рубила проклятых тварей, проливая реки чёрной крови. Синее пламя поднималось до небес. И с тех пор у нас только две колдовские гильдии, а не три.

Последние слова она произнесла громко и пафосно. А я намотал на ус и положил в чёрный ящик ещё одну легенду. И то, что орден воевал с магами, тоже запомнил. Сдаётся мне, они специально были созданы для противовеса колдуньям. Иначе бы те давно захватили власть во всём мире.

— Думаешь, наследие существует?

— Конечно, — отозвалась Катарина. — Круг что-то успел найти. И чтоб никто больше не искал, об этом не говорят вслух, но стремясь ослабить осаждающие башню силы, круг выпустил проклятье. С тех пор у нас нет цевалей, и никто не ездит на их спинах. Они умерли в один миг и больше в целом свете не остались.

— Цеваль, цеваль, — поиграл я словом на языке. — Цеваль, шеваль... лошадь, что ли?

Я замолчал. Хорошо, что в нашем мире нет колдовства, а то оно наделало бы бед посильнее атомной бомбой.

Так и дошли втроём до книгопечатного цеха, где нас уже ждали. Шумно пил из ведра тяговый вол, запряжённый в крытый брезентом фургон. В фургоне виднелись мешки и ящики. А ещё, рядом с Сан Санычем сидела не очень высокая по местным меркам молодая и весьма приятная женщина, одетая в неброское серое дорожное платье, поверх которого накинут плащ с капюшоном. Конечно, имелись обязательные по этикету чулки в полоску, на ней были надеты в бело-зелёную. На голове — аккуратный берет из чёрного бархата с брошью-булавкой. На поясе ножны с кинжалом. Казалось бы, типичная небогатая горожанка, вот только пояс сделан из хорошо выделанной кожи, ножны из дорогого дерева с красивой резьбой, на туфлях имелись серебряные пряжки, на платье пришиты серебряные пуговицы, а тоненькая булавка была золотая с небольшим красным камушком. Это говорило о достатке.

— Ваши спутники, госпожа Лукреция, — вежливо произнёс Сан Саныч, а когда женщина окинула оценивающим взглядом нашу троицу, по-русски прошептал: «Будь вежлив».

* * *

— Госпожа Лукреция, — скромно постучав в дверь, позвала хозяйку служанка. — К вам посланница из магистрата.

— Пусть войдёт, — ответила магесса, быстро сунув под крышку писчего стола лист бумаги со сметой домашних расходов. Посланникам необязательно знать, что прибыль практикующей колдуньи несколько выше, чем-то, что она сообщала в казначейство. Хочется жить красиво, а надо и пяти местным храмам дань оплатить, чтоб не обвинили в преследовании учениям Изохеллы, и в магистрат гильдейский взнос, и в городскую управу подходящий налог. Это не цитадель, где осели самые сильные и самые богатые ведьмы. Они-то не платили никому и ничего.

Лукреция да Бэль всегда держалась показной скромности, но шкатулка с драгоценностями всегда была предусмотрительно полна серебром, а порой и золотом. Она мечтала скопить состояние и купить колдовской титул минор консулари, то есть младший советник, что фактически равно баронессе. Пусть даже безземельной, но чем она хуже обедневших дворянок, служащих фрейлинами у других? Те с дырявыми карманами ходят, задрав нос, словно она не колдунья, а нищенка. А титул даёт право носить герб, надевать синий бархатный плащ с золотой вышивкой и передвигаться по городу в паланкине. Это не считая налоговых

послаблений и возможности занять себе в клиенты знать. Весьма амбициозно в тридцать лет, да только на титул копить и копить. От этого на лице колдуньи сама собой возникла грустная улыбка. Она не сдалась. Она предана своей мечте, но чем старше становилась, тем больше понимала, что шансы как воск свечи — тают безвозвратно.

Лукреция достала новый лист, на котором уже было написано «Дражайшая моя подруга» и окунула перо в чернильницу. В это время в небольшую рабочую комнату, где в камине без дров горел холодный, но красивый огонь, а на подоконнике стоял горшок с неприметным цветком, вошла посланница. Сухопарая и высокая, она была облачена в чёрный балахон, совсем как жрицы ночи.

— Я слушаю, — делая вид, что очень занята, произнесла хозяйка дома.

— Тебе надлежит срочно убыть на миссию походного покровительства. Магистрату надобно, чтоб ты следила за подопечными, докладывая обо всём не реже одного раза в месяц, и делала так, что во всех их начинаниях, что не вредят магистрату, подопечным не чинили препятствий, — без какой-либо предыстории произнесла гостья. Впрочем, посланницы всегда так говорили. Сухо, без вежливости по делу. Как учёные вороны.

— С чего бы это? — ухмыльнулась Лукреция, — Я просто городская ведьма. Одна из многих.

— На тебя пал выбор совета. На время миссии ты освобождаешься от гильдейского взноса. В случае плена гильдия обязуется выдать доверенному беспроцентную лицу ссуду на выкуп. В случае смерти — выплатить родственникам компенсацию в размере сорока месячных взносов.

Лукреция ухмыльнулась, думая, что швырнуть в лицо посланнице серебро и откупиться от этой дурости, было бы проще. Меньше крови попортится.

Это, видимо, легко прочиталось, так чёрная гостья сверкнула глазами и добавила.

— В случае отказа — лишение лицензии и гражданская казнь.

А вот это совсем плохо. Это означало, что даже в глухой деревне не получится на корку хлеба наколдовать. Сперва придут стражницы, строго предупредят, возможно, даже клеймо на груди оставят на память, а на второй раз сожгут.

Лукреция поджала губы и опустила руку с зажатым в него пером.

— Почему я?

— За тебя похлопотали, — сухо ответила посланница.

— Кто?

— Кассия.

— Сучка старая, — процедила волшебница, сжав кулаки до хруста, а потом быстро скомкала лист бумаги, бросив его в камин. Розовое пламя быстро лизнуло свою жертву, но разжечь настоящий огонь не смогло. Оно лишь для красоты. — Когда и где быть?

— Через час. В ремесленной слободе. В этом письме подробные инструкции, — продолжила посланница, достав из-за пазухи свиток с заговорённой сургучной печатью, и протянув его волшебнице.

— Слобода большая.

— Подопечные приметные, — в первый раз улыбнулась какой-то неведомой шутке чёрная гостья.

— Кто они? — зло поглядев на посланницу, спросила Лукреция да Бэль, городская записная ведьма.

— Хаулмари...

Глава 13

Картофельный посол

Лукреция сидела на грубо сколоченной из свежих досок скамье у мастерской халумари, глядя, как те возятся с большим странным зеркалом. Оно было тёмное, с сине-фиолетовым отливом, и состояло из множества чешуек. К зеркалу тянулись длинные жилы, продетые в дырочки на боку большого, обитого медью сундука. Сундук вчетвером вытаскивали, такой он тяжёлый был. Что это, колдунья понять не могла, а полупризраки говорили на своём языке, немного грубым с его звонким «Р» и частым шипением, непохожим на обычное «Ш». Ещё в нём было много букв «А».

Переговаривались они тихо, и в голосах слышались досада и сожаление. Но это как раз и не удивительно. Пожар в стеклодувнях Галлипоса коснулся и их халупы. По углам давно шептались, что жадная Да Кананем, имея свои мастерские, хочет расширить поставки поставщицей бутылок и оконных стёкол во всём королевстве, а вольные гильдии этого города как кость в горле. Графиня хотела добиться беспошлинной торговли, а когда совет отказал, была в ярости. Так что, когда Лукреция увидела кучу углей вместо домов, ни на зёрнышко не удивилась.

Её сейчас больше занимали новые спутники и тот свиток, что доставили с магистрата. И всё-таки Кассия — старая блохастая сука. Пока Лукреция будет в странствии, перехватит всех покупателей.

Волшебница зло стиснула ремешки своей дорожной сумки, в которой едва-едва уместились колдовские принадлежности, сменные нательные и ночные рубахи, а также туалетные и столовые принадлежности. Даже пришлось оставить запасные туфли. Котелок в походе важнее.

Да, спутники.

Лукреция быстро глянула на вооружённых охранниц. И если мечница в темно-зелёной бригантине была смутно знакома, ибо часто ошивалась на рынке, предлагая в услугу свой двуручник, то вторая её занимала несколько больше. Храмовница не прошла посвящение, и судя по амулетам, вплетённым в косы, на самых последних годах обучения. Раньше таких топили, как щенков с изъёмом, а сейчас запечатывают внутреннего зверя и выпускают в люди. Но в этом заслуга магистрата. Стремясь смягчить вражду, совет магесс сам предложил свои услуги. Воительницы богинь и богов вынуждены были пойти на поводу общественного мнения и

создать видимость перемирия, ибо гибель учеников плохо влияет на репутацию, ведь никому не хотелось отдавать детей на обучение, если имелось хоть зёрнышко возможности, что его ожидает участь бешеной собаки. А орденцы тоже люди. Им тоже хочется, чтоб чада могли пойти по стопам матерей. Не одно десятилетие ушло на то, чтоб приучить орденских кормиться с руки. Разве что старая гвардия, вроде яростной Клавдии или бешеной Ларисы, держится за прежние нравы, где каждая магесса — враг. Но скоро и они уйдут в прошлое.

И всё же, волшебнице хотелось взглянуть, что за зверь запечатан в душе храмовницы, и насколько надёжно это сделано. Не хотелось бы очутиться лицом к лицу с ночным кошмаром любой чародейки — спущенным с поводка неуправляемым чудовищем. Ещё на слуху была кровавая Элеонора. Десятилетняя девочка порвала в клочья шестнадцать магесс, прежде чем подоспевшие воительницы Агнии ткнули носом в землю дитя, потерявшее человеческую суть. А ведь просто упустили миг срыва, и не успели запечатать порченную.

Тем временем старейшина подошёл к халумари, юному и даже вполне приятному на мордашку и одетому, по благоличию десятилетней давности. Если бы имелась ещё и серьга в ухе, то точно можно подумать, что ему лет триста. Никакого вкуса в одежде, совсем как у глухих провинциалов. Он, конечно, может сослаться на приверженность традициям, но пусть боги покарают того, кто эти традиции придумал. Он словно пугало с вещами из дедушкиного сундука.

Пока волшебница разглядывала этого полупризрака, старейшина принялся что-то ему разъяснять, показывая на обоз и загибая пальцы. Голубоглазый юнец кивал в ответ и несколько раз бросил взгляд на Лукрецию, словно речь заходила о ней. А когда юнец перешёл на шёпот и кивнул в сторону храмовницы, старейшина сперва застыл с раскрытым ртом, а потом со смехом хлопнул ладонью по плечу собрата и повешал на шею что-то вроде амулета...

* * *

— Юра, — позвал меня Сан Саныч, — подь сюды.

Я поглядел на магессу, которая недовольно поглядывала на нас, и подошёл поближе.

— Да, шеф.

— Смотри, — начал начальник, — там, в фургоне, два мешка картошки, ящик помидор, мешок морковки, мешок кукурузы в

початках, ящик спелого подсолнуха и десяток бутылок растительного масла, — он рассказывал, таким тоном, словно я ребёнок, которого отправляют в школу, и чтоб не забыл сменку, не порвал форму и не потерял учебники. — Просто приедешь, поклонись старой баронессе. В общем, ве́ди себя как купцы в сказке про царя Салтана. Ой вы гости-господа, вы откуда и куда. Старушка хоть и невысокого титула, имеет очень много крепостных и большие пахотные земли. Владеет десятком мельниц, собственный замок с очень большой стражей. На неё работает почти две тысячи человек. Политикой она не увлекается, иначе давно бы маркизой стала. Будь просто очень вежлив. Немного и для тебя положил полезностей. Под скамьёй возницы мешок.

— Сан Саныч, может всё же кто-то более подготовленный? Я в этом ни в зуб ногой, — скривился я, заметив, как магесса брезгливо поморщилась, глядя в мою сторону. Словно на дурачка сельского.

А баронесса, то есть местная военнообязанная помещица, действительно влиятельна в региональном масштабе. Каждая десятая хлебная корочка в сорокатысячном Галлипосе — с её полей. И две тысячи работников — это очень много. Для сравнения во времена начала правления Ивана Грозного, что принято за точку хронологического сравнения с Реверсом, наш Новгород имел тридцать тысяч жителей, что примерно сопоставимо по времени с реалиями Реверса. В это же время на Земле на поле боя правят терции и стрельцы. Это пик развития рыцарства и начало массового внедрения огнестрельного оружия, пока ещё уступающего по огневой мощи арбалетам и лукам. Столетьем позже их сменят мушкетёры и лёгкая мобильная кавалерия. Столетьем позже д'Артаньян будет спасать подвески Анны Австрийской, но пока в смежном времени Колумб только-только открыл Америку, испанские конкистадоры спешат в Новый Свет.

Здесь же ещё великих географических открытий нет. Слегка запаздывают, но они не за горами. Дело только в оснащении флота. Он тоже малость опаздывает, держась на галерах. Местная Леонардия да Винчия только скончалась, если, вообще, была. А если и была, то наверняка великой волшебницей. Реверс был во власти своеобразного позднего Средневековья. И да, Иван Грозный родился позже смерти великого Леонардо.

Шеф некоторое время глядел на меня, словно решая, что сказать, а потом заговорил.

— Там идёт какая-то возня. Аналитики говорят, что магистрат затеял игру и приставил к каждому отряду по члену

волшебной гильдии для контроля и протекции.

— Тогда тем более, — повысил я голос. — Тут нужен опытный политик.

— Нет. Если у них есть нечто вроде гипноза, то посылать человека, владеющего всей информацией опасно, — покачал головой шеф.

— И для этого иду я, — нахмутив брови, подытожил я. — Не осведомлённый о дальних стратегических планах. Сан Саныч, я справлюсь, — поглядев ему в глаза, ответил я.

— Верю, — с улыбкой кивнул начальник.

— Сан Саныч, можно нескромный вопрос? Барышня спрашивает, не против ли будут наши боги, если... ну... в общем, я о сексе. А то тут сложная система религий. Сложнее нашей.

— Не вздумай! — нахмурился начальник. — Девочке всего пятнадцать. Тебя наши по местному обычаю сами на кол посадят. Перед телекамерами. К тому же Клэр знатного рода. Политический скандал будет.

— Я не о ней. Я о Катарине, — прошептал я, легонько кивнув в сторону храмовницы. Шеф перевёл взгляд на девушку, а секунду спустя расхохотался и хлопнул по плечу. — Боги не против. А вот начальство против детишек точно будет. Не время.

Убрав руку, Сан Саныч снова хохотнул, а потом достал из кармана прибор размером с зажигалку. Тот был водонепроницаемым, на чёрном шнуре и имел закрытый резиновой заглушкой на разъёме порта ввода-вывода. И он сразу же оказался на моей шее.

— Зачем это? — просил я, поддев прибор пальцами.

— Не скажу. Но постарайся не потерять.

Я поглядел на волшебницу, а потом направился к ней. Конечно, начальник меня может подвести и представить, как полагается в высшем свете, но я почему-то решил взять инициативу в свои руки. Интуиция так подсказала.

Ведьма, при моём приближении выдала нечто, похожее на дежурную улыбку. Я сделал вежливый поклон, с лёгким взмахом своим беретом, на что она привстала и грациозно кивнула. Чувствуется в ней интеллигентность и уверенность в себе.

— Госпожа, мы не представлены. Юрий да Наталия. Свободный халумари.

— Лукреция да Бэль. Практикующая магесса синей книги. Членесса магистрата.

Я улыбнулся, вспоминая, что может значить фраза «синяя книга». Но нет, термин был незнаком. Переспрашивать в лоб будет глупо. Потом узнаю. А слово «членесса» аж резануло привыкший к местным феминитивам слух.

Хотел уже было открыть рот, чтоб продолжить беседу и позвать женщину с собой к фургону, как долго молчавшая система подала голос.

«Ошибка добавления антропометрических данных в базу. Вы находитесь в фазе быстрого сна».

Я вздохнул, а программа продолжила.

«Запрос на передачу файлов по локальной сети. Выполнить?»

«Да», — едва шевеля губами, ответил я, а волшебница прищурилась, глядя на моё лицо. Представляю, что она могла подумать обо мне в этот момент.

«Обновления карт. Загрузка. Обновления справочника. Загрузка. Обновление базы личностей. Загрузка».

Я молча слушал систему, глядя в карие глаза этой ухоженной шатенки. Чем-то она была похожа на Монику Белуччи в тридцать лет. Только рост где-то метр восемьдесят пять, и щёки чуть более пухлые, словно могла себе позволить слегка отъесться. В общем, очень красивая женщина.

«Загрузка завершена, — произнесла система и тут же добавила, — ошибка сохранения».

Я стиснул зубы и поглядел на шефа. Нет, специально не буду говорить о неисправностях. Так справлюсь.

— Вам плохо? — тихо спросила волшебница. — Вы весь пунцовый.

— Мигрень, — выдавив из себя улыбку, ответил я. — Прошу меня простить. И прошу проследовать к нашей повозке.

Судя по глазам ведьмы, она мне нихрена не поверила, но тоже сделала покер фейс на своей симпатичной мордахе. Она подхватила увесистую сумку и пошла за мной. У самого фургона на её лице снова мелькнула некая тень брезгливости, когда её взгляд скользнул по моей одежде, отчего я даже оглядел себя. Вроде бы всё на месте, птички не какнули, дыр нет, гульфик цел.

— Могу ли я узнать цель нашего путешествия? — намеренно отстранённо спросила волшебница, забросив поклажу под брезент.

— Таркос, — ответил я, последовав за этой особой, и увидев, как шеф меня перекрестил напоследок. Так, словно стеснялся, но душа требовала. А на его лицо было выражение какой-то тоски, словно ребёнка провожал из провинциальной деревни в столичный институт на экзамены. Хороший он человек.

Сесть внутри пришлось на рюкзак с личным имуществом, так как никаких скамеек не имелось. Да и так всё было наполовину заставлено овощами, а пространства фургона соразмерно грузовой газели. Следом за мной заскочила Катарина. Храмовница села рядом со мной, она молча глядела на ведьму с

какой-то вымученной улыбкой и остекленевшими глазами.

— С тобой всё хорошо? — тихо спросил я. Не знаю, что за чёрная кошка пробежала между этими двумя особами, но когда наёмница шмыгнула носом, Лукреция даже ноги поджала.

— Да, — прошептала Катарина в ответ. — Скажи ей, пожалуйста, что я человек. Я настоящая.

— Зачем? — нахмурился я и ещё тише спросил. — Она же и так тебя слышала.

Действительно не понимал, что происходит.

— Пожалуйста, поручись за меня, — краешком рта проговорила девушка, — скажи, что именем самой ночи ручаешься.

Я себя чувствовал не просто не в своей тарелке, а полноценным дауном. Совершенно не понимал ситуации. Какое поручительство? Зачем?

И тут на козлы повозки с криком: «Пошёл, родимый! Пошёл, рогатенький!» заскочила Урсула. Когда бычок потянул фургон и тот с лёгким покачиванием тронулся с места, она оглянулась на нас и ухмыльнулась.

— Эта, юн спадин, ты просто скажи, что эта бестия схватила тебя за стручок и не выпотрошила, — на всю округу, как колхозница в поле, произнесла мечница. — А эта, стручок-то у него, добрый, али нет? — подмигнув Катарине, спросила наёмница, заставив покраснеть и меня, и её.

— Стручок как стручок, — выдавила из себя храмовница. И судя по выражению лица, она сейчас была готова убить Урсулу.

Я же перестал понимать, вообще, что-либо. Меня обсуждают при мне же. Уже оказывается, что я переспал со своей спутницей, хотя сам не в курсе событий. Хотя чему я удивляюсь, это же бабы. Они же без сплетен никуда, но вот что за поручительство такое?

— А что, меня должны были выпотрошить? — немного ошалев от таких новостей, спросил я. Зато ведьма выдохнула.

— А эта как повезёт, — ухмыльнулась Урсула. — Но обычно орден трижды печать перепроверяет. Трупы на улицах им не нужны.

Я потёр лицо и забормотал.

— Без стакана не разберёшься.

Видимо, пробормотал на местном, так как Урсула сразу оживилась пуще прежнего.

— А эт завсегда, юн спадин! Тётя Урсула не даст умереть от жажды.

И она сунула руку в мешок под козлами, между прочим, предназначенный мне, и вытащила из него бутылку. И это было не местное пойло, а земное шампанское. Неужто эта тётка уже

успела порыться в вещах. Помня её прошлое в роли ландскнехта — запросто.

За этой бутылкой последовали ещё три, как раз по одной на каждого пассажира. Одну я взял и зажал в руках. Вторую пришлось сунуть в пальцы неподвижной Катарины.

— Лукреция, — тихо произнёс я, протягивая третью волшебнице. — Я ручаюсь за неё. Мы были в одной постели, и я жив.

Магесса сперва поглядела на бутылку, словно не понимая, что от неё хотят, и только потом взяла. Она вздохнула и повернула голову в сторону удаляющейся мастерской. Узенькие улочки и невысокие рабочие домики ремесленно слободы, сливались в некий затейливый калейдоскоп. Везде виднелись работающие женщины, несущие горшки, корзины и мешки. Все они с неодобрением провожали фургон, заставляющий их прижиматься к стенам. В этой тесноте с ним тяжело разминуться.

В какой-то момент Лукреция подалась поближе к борту, со скрипом стиснутых зубов глядя на благообразную женщину, которая помахала нам вслед рукой. Казалось, от той ненависти, что излучала волшебница, можно дозу радиационного облучения получить.

— Гайнас, — процедила она ругательство, означающее старинное название гиены. То есть, ночной падальщицы. А я вздохнул, хороший у меня коллектив подобрался, дружный, весёлый, приветливый, и тараканы у них как на подбор — культурные, образованные, послушные. Ведьма, которая ни с кем разговаривать не хочет, да ещё и шпионка. Храмовница, которая почему-то могла меня разорвать. И до кучи тётка-ландскнехт без каких-либо комплексов. А если вспомнить другие встречи, то ещё и наивная до неприличия Клэр. Пожалуй, только леди Ребекка отличается умом и сообразительностью, но ей палец в рот не клади, откусит как шоколадку, а потом ещё и повесит на суку.

В общем, добрый женский коллектив.

Оторвавшись от проклинаний старушки, Лукреция начала крутить фольгу на горлышке бутылки, разрывая ту в клочья.

— Нет, не так! — закричал я, когда волшебница впиалась пальцами в проволоку.

Женщина остановилась и, сверкая глазами, поглядела на меня. Я же взял свою бутылку и сунулся к заднему борту, для чего пришлось облокотиться на колени Катарины, но тут уж можно не комплексовать, раз назывался любовником, буду вести эту линию до конца. К тому же такие планы я имел, но сначала надо выяснить, почему меня могли выпотрошить, а то против ножа презервативы не помогут, знаете ли.

Бутылка оказалась за пределами фургона, и я быстро её откупорил. Пробка с громким хлопком вылетела куда-то вверх, из горлышка полилась пена, а проходящая мимо мастерица чуть не выронила тюк с тканями, наверняка думая, что это выстрел. Естественно, мне помахали вслед кулаком.

После этого я сел на место и дождался, когда прогремят ещё три выстрела. Шампанское пить пришлось прямо из горлышка, и я пожалел, что нет ведёрка со льдом, ибо оно было тёплое. И ради этого можно побыть прогрессором — дать этому миру холодильники.

— Ну что девушки! За знакомство! — громко произнёс я. — Меня зовут Юра! Едем к старой баронессе в незваные гости.

— Лукреция да Бэль.

— Катарина да Мария да Шана-ун.

— А я тётя Урсула.

— Вот и перезнакомились, — ухмыльнулся я, когда барышни приложились к горлышкам. В общем, мне нужно шпионить за ведьмой, а ведьма будет шпионить за мной. То ещё веселье.

Глава 14

Настоящие герои всегда идут в обход

Город потихоньку удалялся от нас, съедаемый по кусочку низкими холмами. То один откусит от Галлипоса дольку, то другой. Вскоре и весь он скрылся из виду, вместе со своими храмами многочисленных богов, замками и усадьбами знати и теснящимся друг к другу друг другу двухэтажными домиками горожан. С рыжей черепицей на остроконечных крышах они казались неким антуражем для сказки типа «Золошок», «Красавчик и чудовище», «Бременские музыкантши» и «Красный колпачок».

Небо быстро портилось, его затягивало тучами, а деревья, уютящиеся между распаханых полей предсказывая скорый дождь. И в сырости мне меньше всего хотелось ехать, особенно если непогода затянется на несколько дней. Ещё со срочки ненавижу раскисшие дороги, прилипшую к сапогам жирную грязь, промокший насквозь комбинезон и испачканный до самой башни танк. Ненавижу ошмётки грязи и грязные брызги, вырывающиеся из коллектора системы охлаждения, оседающие на лицо тонким слоем и стекающие чёрными каплями за шиворот. Ненавижу само слово «грязь». Неважно, в каком она виде, жидкая, засохшая или замёрзшая.

А пока что сухая дорога тянулась изогнутой серой лентой между зелёными возвышенностями, как молния курточки между тугими женскими прелестями.

Тряхнув головой от такого сравнения, а они с увеличением срока пребывания в этом мире приходят всё чаще и чаще, я перевёл взгляд на своих спутников, наткнувшись на то, с чем сравнивал холмистую местность, ибо приписанная к нам волшебница горделиво щеголяла весьма аппетитным видом, открывающимся в неглубоком декольте. Несмотря на выпитое шампанское, градус дружбы не пошёл вверх, лишь снизил остроту взглядов. Ну а игристое однозначно признали неплохим «пойлом» для богатеньких неженков, и что хмельная жжёнка всё же лучше. На что мне осталось пожать плечами, ибо указанное зелье всего-навсего местное бренди и не всегда дотягивает до земного по качеству, хотя у знатных леди оно может быть действительно коллекционным, даже будучи сделанным из груш, яблок или ежевики.

Телега мелко тряслась на дороге, и только вещи в мешках под

пятой точкой амортизировали вибрацию. Катарина избегала глядеть на волшебницу, достав сейчас небольшой молитвенник с рукописным текстом. Но в содержимое не всматривалась, а держала книгу в руках, словно желая что-то этим показать. Что-то похожее на: «Я человек. Я не зверь». При этом храмовница перехватила мой взгляд в сторону декольте, а потом недовольно покосилась на свою грудь, несколько уступающую в размерах имуществу магессы. В итоге Катарина ещё сильнее насупилась.

Лукреция же нервно кусала губы и постоянно поглядывала на удаляющиеся холмы. При этом крутила в руках какую-то булавку, словно не могла найти выход из какой-то сложной ситуации. Но свою историю рассказывать не спешила, обмолвившись, что так приказал магистрат. Мол, нужно оказать содействие.

А Урсула молча сидела на козлах, изредка вздыхая. Бутылки от выпитого она убрала себе, сказав, что в хозяйстве пригодятся, когда настоечка дома подоспеет.

В общем, угрюмая поездка. И вино закончилось. Чтоб как-то скрасить сложившуюся обстановку я начал ковыряться в выданной мне торбе, которая на поверку оказалась обычным солдатским вещмешком, с каким прадеды на войну ходили. Шампанского там, разумеется, больше не было. Зато нашёлся тряпичный мешочек с обычной карамелью. Это предназначалось для подзарядки моего сопроцессора, который с аппетитом вампира-сладкоежки уплетал углеводы из крови, превращая их с помощью катализа в необходимое для работы электричество. Помимо сказанного, там оказался большой зонт ярко-оранжевого цвета, словно его сшили из спасательного жилета. И надо сказать спасибо, что он не розовый, так как от наших аналитиков-культурологов всего можно ожидать. Они серьгу мне в ухо уже вставляли. Но с самим зонтом товарищи всё же угадали.

В подтверждении идеи непогоды сперва поднялся ветер. Потом где-то неподалёку ударил гром, и по тенту тихо застучали капли дождя.

— Добры дамы и юн спадин, — вдруг подала голос Урсула, — эта... а мой живот твердит, чё жрать пора!

Наёмница обернулась, не выпуская поводьев из рук, а потом скосила глаз на мои конфеты. Урчание желудка было даже громче нарастающего шума дождя, отчего я понял. Что со сладостями наёмница тоже успела ознакомиться. Но как бы то ни было, я согласен с женщиной. Ели мы уже давно.

— Где обедать будем, — тихо спросил я, — в фургоне или под деревьями?

— Да, под дождём как-то не сподручно, — ответила Катарина, убирая молитвенник, который так ни разу и не

открыла. Она, вообще, начала говорить очень тихо. — Но к вечеру тучи разойдутся, и Небесная пара снова будет сиять. Тем более что нам нужно быстрее добраться до Таркоса. А там можно и задержаться.

— Да, на полгода, — поддакнул я.

— На полгода? — вдруг повысила голос и удивлённо спросила волшебница. — А поменьше никак? И позвольте спросить, что мы будем делать там? И когда обратно?

Я пожал плечами.

— Покажем баронессе овощи, и обратно.

— Зачем? — переспросила волшебница, которая начинала нервничать всё больше и больше. К тому же она неразборчиво выругалась.

— Так приказал мой старший, — ровным голосом отчеканил я. — А вам, госпожа, какой от этого вопроса прок? Я даже не знаю, зачем вы с нами.

Магесса нахмурилась и поджала губы. Разговор зашёл совсем не в то русло, но лучше сейчас расставить все точки на места, или, как говорят местные, разложить семена по мешочкам.

— Так надо, — процедила она, недовольно зыркнув исподлобья.

— Кому надо? — изогнул я брови и начал ворчать как старый дед. Кажется, меня здесь считают трёхсотлетним, а раз так, то можно немного понудеть. — Еду я по своим делам, и тут к нам подсаживается ведьма. Что ей надо? Сколько она с нами пробудет? На хрен она нам нужна?

— А вот вы, почтенный Юрий, зачем туда? Торговать? Или связи налаживать? Скудноваты ваши дары для связей. И для торговли скудноваты.

— Вот незадача, — всплеснул я руками, — мне упали на хвост и ещё обвиняют в чём-то.

— Во-первых, я не сельская ведьма, а практикующая волшебница. Во-вторых, я назначена для вашего сопровождения. А в-третьих, много чести для вашего хвоста, чтоб на него зариться! — повысила голос магесса.

— Не так громко, — прорычала рядом со мной Катарина, пальцы которой сжались на посеребрённом кинжале. Но Лукреция, которой шампанское явно дало в голову своим хмельными газами больше нормы, уже разошлась, да так, что не остановить. И от недавней неловкости перед храмовницей не осталось ни следа.

— А то что? Ты кинешься на меня с лаем, как та собака, чью суть в тебя влили? Шавка подзаборная! — упёрла она руки в боки. И казалось, готова идти до конца.

— Тихо, обе! — прокричал я, отчего на меня все усталились со смесью недоумения и раздражения. Не подобает местным мужчинам так себя вести. Они должны смиренно помалкивать, пока женщины ссорятся и всаживают друг в друга клинки. — Плохая из вас, госпожа Лукреция, шпионка. Ничегошеньки вы не умеете. Даже тайны выведывать. И ты, Катарина. Пьяная гордость превыше всего? Так это не твою честь задевают, а мою. И я уж постараюсь за неё постоять.

Волшебница сперва стиснула зубы, а потом сделал глубокий вздох и наигранно улыбнулась, словно перед ней важный, но неприятный клиент.

— Эта, юн спадин, — подала голос Урсула, которая единственная была трезвой после бутылки шампанского. — Вы эта... суд чести хотите? Я могу за вас встать, но шибко не хоца с магуньей драця. Она же меня своим колдовством того... раз и голова в брызги. Мне семеро ртов кормить. И храмовнице тоже низя. Им запрещено на суды чести вставать, даже запечатанным.

Я подался вперёд, пропустив мимо ушей слова наёмницы.

— Скажу, с какой целью мы едем, если скажете, зачем вы с нами.

— Я просто сопровождающее лицо, — с улыбкой ответила волшебница.

— Вот и я не скажу ничего. Но притворяться, что ничего не происходит, тоже не могу. Так что вы нам не мешаете, молча стоя в сторонке, а я притворюсь, что мы друзья.

Лукреция откинулась и прислонилась затылком к тенту, сквозь который уже начали проступать капли дождя. Я потёр лицо руками и вздохнул. Магистрат приставил явного наблюдателя из числа непосвящённых в общую стратегию, то есть ситуация была один в один как у меня. Но могли быть ещё и скрытые шпионы. Один этот факт был косвенным подтверждением того, что телепатия, про которую говорил Сан Саныч, могла иметь место в этом мире, хотя и необязательно ей быть широко распространённой. А если саму ситуацию сравнивать с шахматами, то две пешки столкнули лбами, выведя до поры до времени из тайной игры. И это значит, где-то делают свои ходы более сильные фигуры.

Окружение снова погрузилось в стук дождя по тенту и удаляющийся гром. Мерное поскрипывание фургона, урчание желудка Урсулы, и громкое недовольное сопение Катарины. Но про обед никто интересоваться не стал.

— А если мы притворимся друзьями, — вдруг тихо заговорила волшебница, поглядев на булавку в руках, — можно сделать крюк в тройку дней?

— Зачем? — угрюмо переспросил я.

— В Ганивилле сейчас ярмарка. Можно продать зачару́ньки, — заговорила магесса, охотно сменив тему разговора. — А в Таркосе я ничего не продам. Там пошлина грабительская на волшебство. Тем более, мы полгода там пребывать будем.

— Ух ты, — протянула Урсула, словно никакой стычки сейчас и не было. — А что есть?

И в то же время я увидел, как Лукреция оживилась. Она явно любила своё ремесло. А про полгода — это враки. Мы от силы на недельку задержимся.

— Приворот, отворот, на удачу, от мелкой хвори, от малых тварей, для спокойной домашней скотины, от мигрени, от москитов, для мужской силы, от мужской силы. Да, мало ли. Могу любые чары сделать, но только до четвёртой степени.

С этими словами она быстро достала из своей сумки большую шкатулку. Внутри, в бархатные подушечки были воткнуты многочисленные булавки-фибулы. Из меди, серебра и железа. С украшениями и без.

Я поглядел на этот хлам, похожий на прилавок на барахолке. Наши, небось, тоннами закупают такое барахло на исследования. А делать петлю не хотелось. Хотя жёстких сроков не было, за необоснованную задержку могут высказать пару ласковых словечек. К тому же это опять дерьмовые гостиницы и дешёвая еда. И чем дальше, тем больше возникало желание вернуться на базу и отдохнуть в нормальных условиях.

— Мне нельзя, — ответил я, покачав головой.

— А давайте заключим сделку, — не унималась волшебница. — Я помогу вам с визитом, а вы всего-то путь другой выберете.

— Чем поможете?

Лукреция улыбнулась и приосанилась.

— Для начала приодену вас по приличию, а то вы в совершенно неподобающем для такого красивого юноши тряпье, как столетний дед.

Я поглядел на свою курточку, мысленно выругавшись на аналитиков. Они говорили, что здесь в цене традиции. Что я одет по проверенным канонам, и это подчеркнёт мой статус, а оказалось, что нацепили на меня вышедшее из моды барахло. Тотто и Клэр, и Катарина в один голос твердили, что мне за триста. Всё дело в одежде.

Лукреция, заметив мой взгляд, продолжила оживлённо описывать плюсы нашего соглашения.

— В Ганивилле знаю нужных женщин. Наймём службу-пажа.

— Зачем мне паж? — опешил я.

— Не подобает благородному господину быть без слуги. И так, наверное, косо смотрят.

— Мне не нужен паж, — нахмурился я.

Начальство точно по голове не погладит за такую инициативу.

— Вы не беспокойтесь. Это не портовая дрянь, и не заморыш из приюта. В деревне проще найти честного мальчонку, чем в большом городе.

Волшебница наклонилась вперёд таким образом, что два её достоинства чуть не вывалились из декольте. От этого Катарина надулась, как морская свинка.

— И вам уступлю свои изделия по себестоимости. Конечно, не всё разом, а то, что от ярмарки останется.

Я взял с подушечки небольшую медную булавку-заколку с грубо отчеканенным узором на серебряной бляшке. Это походило на сплюсненную пломбу, какой что-то опечатывают, только прицепленной к концу булавки.

— Хорошая зачарунька, пасьбон называется, — продолжала говорить до сих пор не совсем трезвая волшебница. — Ваша избранница всю ночь будет довольна.

Я вспомнил озорную парочку, развлекавшуюся за стенкой в гостинице, и поглядел на Катарину, которая густо покраснела, но смолчала. Пасьбон означало страсть.

— А это работает?

— Я уже десять лет торгую зачаруньками! — обиделась Лукреция. — Все всегда довольны. А вот эту так возьмите.

Она не поняла сути моего вопроса. Я знал, что есть артефакты. И слышал слухи, что начальник научного отдела чуть не повешался, пытаясь понять, как они функционируют, но так ничего не узнал. А волшебница тем временем взяла железную заколку, на которой красовалась свинцовая блямба с выбитым символом, похожим на букву С.

— Что это?

— Силенса. Спокойствие. Хорошо для собак, чтоб ночью не были.

— У меня нет собаки, — вздохнул я.

— Ну, для внутреннего зверя храмовницы тоже подойдёт, — волшебница перевела свой взгляд побелевшую от злости Катарину. — Ты же из простолюдинок. Вам обычно дух и кровь либо от вепря прививают, либо от сук породы бойцовая гвардейская. С силенсой будет тихая и покладистая.

— У меня не вепрь и не псина, — процедила храмовница, заставив Лукрецию поморщиться, словно та лимон съела. — И

моего зверя запечатали очень хорошо. Мне ваша силенса не нужна. Я жрать вашу печень не собираюсь, хотя рожу набью с превеликим удовольствием.

Девушка подхватила рукой одну из своих кос, так что медальон, вплетённый на самом конце, остался на ладони, и сунула под нос. И волшебница уставилась на гравировку так, будто протрезвела в один миг — молча и серьёзно.

Я глядел на эту сцену и интуиция, обычно живущая у человека в пятой точке, и которая зачастую очень точно предсказывает неприятности, подсказывала, что нужно вмешаться. А если проще, то я сейчас задницей чувствовал беду.

— Хорошо. Мы поедем сделаем крюк. И пасьону, и силенсу я возьму для себя.

— А можно мне четыре пасьона, — вступила в разговор Урсула, поняв, что никакого суда чести не будет, и всё решилось мирным путём.

— Можно?

— А можно для мужа прищепку на стручок, чтоб в моё отсутствие не гуливал. А то он эта... озорной. Уже дважды из чужой койки вытаскивала.

— Найдётся, — натужно улыбнувшись, ответила Лукреция. При этом она не сводила глаз с Катарины.

Я мысленно выругался. Опять эти недомолвки. Опять эта потусторонщина. Нужно с этим что-то делать.

— Мне кто-то пояснит, что это за зверь?

— Щас скажу, юн спадин, — повернувшись на козлах и потянувшись рукой к моим карамелькам, пробасила Урсула. — Значит, в главном храме ордена, это который в Коруне стоит, над молодыми девками проводят ритуал. Там их как-то смешивают со зверьём. После чего у них сил немерено, и нрав как у зверя. Раньше ловили диких, сейчас выводят особые породы. Так проще и выкидышей меньше. Обычно собак запихивают, но бывают и другие. Лютые зверюги. Я как-то видела, как храмовница-вепрь одна на строй пикенёрок бросалась. Вся проколота, а остановить не могут. Пока в упор из десятка аркебуз не расстреляли, успела человек тридцать покрошить. И это одна. А если их несколько? Бойцовые суки могут весь день по следу бежать, а потом порвут в клочья. А ежели до посвящения послушница не сможет сдержать дикость, её клеймят, зверя запирают и отправляют на все семь ветров.

Я опустил взгляд. Вот оно что. Отсюда и комплексы у Катарины.

— И что у тебя за зверь?

— Львица, — тихо ответила девушка. — Довольны?

Она вдруг схватила заколку-силенсу и прицепила себе на ворот.

— Только это мне всё равно не нужно, но если вам уютнее станет, то буду носить.

Я улыбнулся и взял пасыону, подбросил на ладони и подмигнул девушке.

— Ты молодец. А у нас говорят, что настоящие герои всегда идут в обход. Тётя Урсула, правь бычка к Ганивиллю...

* * *

...Ливень усилился, пряча от взгляда всё, что дальше десяти шагов. Ветер шатал стену воды то вправо, то влево, а молнии сверкали часто-часто, убегая от настырного грома, и словно хотели спрятаться от него под пологом сплошной серости.

А на мокрой дороге остановились две колесницы с белыми беговыми бычками. На них стояли закутанные в серые плащи фигуры с надвинутыми на лица глубокими капюшонами.

— Проклятый дождь, — пробурчала одна и закашлялась. — Все следы размыл.

— Тебе это мешает? — низким, почти старушечьим голосом ответила другая.

— Не очень. Они все едино будут двигаться кратчайшим путём. К вечеру нагоним.

— Бездна им в помощь, — ухмыльнулась старуха, а потом продолжила. — Я думаю, надо будет потом избавиться от исполнителей.

— Сама знаю, — огрызнулась простывавшая. — А что с халумари делать? Его же нельзя убивать.

— Что хочешь, но он не должен дойти до Таркоса. Присутствие полупризраков подле баронессы сейчас совершенно лишнее, — проскрипела старуха.

— Хорошо. Опою маком и брошу в какой-нибудь подворотне, — снова закашлявшись, ответила простывшая. — Но с ним сучка из магистрата.

— Ты испугалась торговли? Посыпь дорожку медью, на монеты больше отребья слетится. Тебе его жалко, что ли?

— Хорошо, а полупризраки, что если они мертвецов пытаться умеют?

— Тебе за что серебро сыплут? За сомнения? Сожги трупы...

Глава 15

Ночной психоанализ

Темнело. Дождь кончился, но прохладный сырой ветер пронизывал до костей. Тент фургона не спасал от сквозняка, и приходилось кутаться в плащ.

Из-за разбитой дороги не успевали до заката в промежуточный пункт в виде какого-то небольшого села, поэтому пришлось сделать привал на ночь. Нужно было поесть самим и накормить гужевого бычка. Когда собирали нас в поход, сунули помимо заморских овощей ещё и запас корма для животинки. Это большой мешок с отрубями, смешанными с сушёным жмыхом льняных и конопляных семян, оставшимся после получения масел. Наш рогатый тягач с превеликим удовольствием приложился к грубо сколоченному ведру, в которое насыпали яство. Воду он и так из ближайшей лужи нахлебается, так что бегать с этим же ведром до какого-нибудь озера или речушки не было нужды. А отпускать пастись по свежей травке на ночь глядя мы не собирались. На привязи побудет.

Бычком занималась Урсула, ласково глядя по бокам и шее, в то же время при приближении Катарини он слегка нервничал, наверное, чуя в ней хищное существо. Честно говоря, я не особо представлял, как неведомая магия может превратить человека в мутанта, да и в массовое производство ведьмаков вызывало интерес.

Сейчас храмовница отошла в кусты по нужде, а Лукреция стояла немного поодаль и растирала затёкшие ноги и спину. Вторым вопросом было — можно ли верить волшебнице. Не знаю. Но раз начальник допустил меня к этому совместному предприятию, то не вижу причин, чтоб хотя бы ждать от неё диверсии. А шпионство... да пусть шпионит на здоровье. Я же тоже за ней шпиону.

С такими мыслями я закрыл глаза. Говорят, если представить перед собой яркое тёплое солнце, то действительно станет теплее. Красивая байка, но мечтать невредно. Кстати, о байках.

«Система, произвести подключение внешнего устройства».

Я сжал в кулаке выданный мне прибор, и процессор с некой заминкой ответил.

«Принято. Устройство обнаружено. Подключено».

«Что это?»

«Анализатор магнитных полей и их колебаний от миллиметрового до километрового диапазона, анализатор

проникающих ионизирующих излучений».

Хоть одна приятная новость от этого глючного прибора. Но всю лепоту этот же самый прибор сам же и испортил.

«Ошибка записи полученных данных».

Я тихо выругался и поглядел на волшебницу. Эту незадачу нужно как-то решать. Прогрессор я или нет? Хоть от руки записывай все показания.

«Система, вывести амплитуду радиоволн на слуховой нерв в виде звукового синусоидального сигнала с максимумом амплитудной модуляции обеспечивающим защиту нервной системы и здоровья внутренних органов. Диапазон радиоволн подстроить под диапазон человеческого слуха. Каждый момент фиксации частиц ионизирующего излучения вывести в виде щелчков».

«Принято».

Улыбнувшись, потянулся к сумке и сунул туда руку. Блокнот и ручка на местах, а значит, можно использовать простейший научный приём — непосредственное наблюдение явлений. Но вряд ли это в конечном счёте принесёт пользу, на базе и аппаратура чувствительнее и системы искусственного интеллекта, заточенного под распознавание необычностей. Там и нейтрино-детектор есть, и томографы. Зато совесть чистая, что не бездельничаю.

Осталось слушать, что я и сделал. Сперва была тишина, а потом удалось различить треск, характерный для разрядов молний удаляющейся грозы. То, что прибор работает — хорошо, а плохо то, что эти долбанные птицы своим чириканьем, в сговоре со сверчками и кузнечиками, мешали вслушиваться в высшие сферы тонких материй — хреново в квадрате. Грёбанные враги науки. Хоть камень в кусты кидай. А тут ещё и бычок мычит. И грязь под ногами у всех хлюпает.

Я спрыгнул с фургона, стаскивая вслед за собой мешок с личными вещами, а потом поглядел на вышедшую из небольших, но густых зарослей храмовницу. От своих планов на неё я не отказывался, зря, что ли, у начальника консультировался по реалиям местных отношений, но девушка явно комплексовала. Теперь причину её комплексов понимал, а вот что с ними делать — нет. Значит, буду медленно развивать отношения. А раз здесь гендерный реверс, то ломиться напролом — дурной тон. Здешний юноша должен быть в меру скромным, прям принцесса с горошиной. Останется вариант с поговоркой про путь, сердце и желудок. Только прокормить боевую девицу весьма сложно. Хоть комбикорм заваривай вёдрами, как для телёнка. Но нет же, она же львица, значит, мясо нужно. Только где я его столько возьму?

И ведь кормить не только лее, а ещё и остальных. Ладно, волшебница — Гипердьюймовочка полтора зёрнышка употребит, а вот Урсула стрескает не меньше тройной нормы.

— Дем! — раздался недовольный возглас Катарины. — Не тот порох взяла.

Я порывлся в сумке и достал на тусклый свет мешок со специями. В наличии обыкновенные перец, соль, лавровый лист, укроп, а потом ухватил, припрятанный в углу большой чугунный котёл, вытащил это чудо наружу и направился к храмовнице.

— Что не так?

— В запасном роге пушечный порох. Вот безголовая, о чём думала?

— Сказать, о чём? — раздался со стороны хохот Урсулы, на что Катарина с шумом вдохнула и задержала дыхание.

— На затравку пойдёт, — наконец, выдохнула храмовница, и заткнула рог пробкой. Я поглядел на эту ёмкость под заряд. Если получится, выпрошу у наших наручников. Чтоб распечатали на трёхмерном принтере банадалерки — маленькие ёмкости под пороховые заряды. Их полагаешься вешать на перевязь на небольших шнурах. Хотя нужны ли ей принадлежности для мушкета, а не пистолета?

— А в чём разница? — спросил я. — Порох ведь и есть порох.

Прежде чем ответить, на меня поглядели как на блондинку в автосервисе, а я ведь в самом деле не знал. В век высоких технологий и автоматизированной промышленности сталкивался только с готовыми патронами и снарядами.

Подумав так, я улыбнулся. Здесь притвориться блондином не зазорно. От меня же не ждут воинского искусства и ремесленного мастерства.

— У него пылинки разного размера. Самый большой идёт в пушки, если его засыпать в пистолет, просто пшикнет. Пистолетный разорвёт пушку. А самый лучший идёт на затравку, он малейшей искры вспыхивает.

Я сконфуженно скривился. Средневековый человек тукнул лицом в грязь прогрессора. Вообще-то, это мы их должны просвещать, а не наоборот.

Пока Катарина заставляла меня краснеть, Урсула принялась за костёр. Наёмница с громким треском наломала дров, сложив их в кучку. Сунула под низ пучок соломы и бересту. А потом пришла её очередь ругаться.

— Вот, старая дура, огниво в телеге забыла.

— Сейчас помогу, — отозвалась волшебница, которая устала стоять в сторонке. Она наклонилась к дровам. А потом вдруг выпрямилась и поглядела на меня, словно забыла что-то.

— Любезный Юрий, принесите ещё соломы из телеги.

Я оглядел женщин и направился к фургону. Они специально это, что ли? Уже подходя к телеге, я начал отмахиваться от жужжащего над ухом комара. А потом замер. Это было не насекомое, это датчик передавал информацию о магнитном поле. И оно колебалось в микроволновом диапазоне, быстро наращивая мощность. В какой-то момент звук прервался так, словно гитарная струна лопнула, и резко я обернулся. Из-под кучи веток потекла струйка дыма, к которой наклонилась Урсула, начав осторожно раздувать. Волшебница же ещё раз обернулась, сталкиваясь со мной взглядом.

Вот тебе и всамделишная магия, а меня она нарочно сбагрила, чтоб колдовать за спиной. Ну и пусть, я тоже не лыком шит.

Достав из своей сумки блокнот, и вытащив пучок сена, вернулся к костру с таким видом, будто ничего не заметил, и ничего необычного не случилось.

— Вот, — протянул я пучок.

Волшебница приняла его и вытерла руки, бросив напоследок в огонь.

— Благодарствую, — с улыбкой произнесла она.

Я ухмыльнулся и снова направился к фургону. Угощу-ка их попозже варёной картошкой. Её много, спешим часть на международные контакты. А сейчас обычной отужинаем.

По пути достал из кармана фонарик, темнеет быстро, и внутри фургона уже ничего не видно. За спиной всё громче и приветливее трещал костёр.

Включив свет фонарика, вытащил из собранной мне сумки — несколько железных ложек, помеченных штрихами — их потом сложу в полиэтиленовые пакетики, как образчики генетического материала моих спутниц, и пусть учёные ищут в них паранормальные явления. Сбоку слышались шаги, и, обернувшись, увидел Лукрецию, которая с очень сосредоточенным видом подошла поближе.

— Это что за магия? — тихо спросила она, глядя на фонарик.

— Где? Что? — давя улыбку и оглянувшись с глупым видом по сторонам, переспросил я. На что волшебница сперва насупилась, а потом вежливо улыбнулась:

— Почтенный Юрий, мы условились быть друзьями. Не позволите ли вы взглянуть на ваш светильник. Очень занимательные чары на нём.

Я погасил фонарик и не менее вежливой улыбкой ответил:

— Если мы друзья, помогите воду донести до костра. Тяжеловато для меня.

Волшебница поджала губы, но всё же взяла осиновый бочонок на сто геміно. Это примерно двадцать семь литров. Не такая уж и большая ноша, но если она мира хочет, то пусть потрудится малость. Зря я, что ли, скандал организовывал? Есть такой принцип в переговорах — сперва нагнетать обстановку с заведомо невыгодными целями, а потом осуществлять откат к нужным позициям. Дети им инстинктивно пользуются, закатят истерику в магазине, мол, хочу большого медвежонка, ревут, орут, а родители, охреневшие от ценника, прыгают вокруг. В итоге чадо соглашается на недорогую вкусняшку, которую изначально никто не планировал брать. И цель-то изначально была вкусняшка. Вот так.

Так и здесь — создаём очаг социального напряжения с магессой, а потом улыбаемся и идём на уступки. И она думает, что сама нашла подход к наглому и истеричному халумари. Грубый метод, зато проверенный тысячами и безотказный, если не злоупотреблять.

Вскоре вернулись к огню, который уже полыхал на полную, разгоняя совсем уже сгустившуюся тьму. А вокруг костра витал запах укропа, причём так ядерно. Под моим недоуменным взглядом Катарина показала пальцем на Урсулу и угрюмо произнесла:

— Это она. Я отговаривала. Не руки же ей ломать.

— Что она? — не понял я, повнимательнее оглядев место стоянки. Котёл пуст. Женщины сидят на местах. Бычок монотонно жуёт свою жвачку и пялится на глупых людей. Фургон тоже цел.

— Вот сучка, — пробурчала Урсула, — сама тоже пользовалась.

— Чего пользовали? — ещё раз переспросил я.

— Душную травку.

— И что вы с ней сделали, — интрига заворачивалась всё сильнее и сильнее.

— Как чё, — всплеснула руками Урсула, — натёрлись. Не ходить же вонючими, как грязепоклонницы.

Я усмехнулся. Сам же отдал им мешок с травами, не рассказав о назначении. А укроп запросто мог быть здесь недорогим аналогом парфюмерии, ведь даже на Земле мыло и шампуни пахнут фруктами и ягодами, а в условиях средневековья и вовсе грань между приправой и отдушкой была призрачна. Жаль только, что они слишком часто в моих вещах роются, надо будет высказать пару ласковых. Совсем распустились.

Ещё раз оглядев женщин, вздохнул. Катарина как раз встала с земли и потянулась, а недовольная волшебница подошла с бочонком воды поближе и опустила его на землю.

— Круг насыпать нужно, — пробормотала храмовница, а

потом вдруг выгнулась, почти встав на мостик. Я такой фокус только в фильмах про кунг-фу или матрицу видел. Там, где только что была грудь девушки, просвистела стрела. Когда Катарина выпрямилась, уже держала в руке фальшион, с которым не расставалась в походе даже во время сна.

Мгновением позже кто-то схватил меня за шиворот, да так, что куртка затрещала, оторвали от земли и самым натуральным образом швырнули внутрь фургона. И дураку понятно, что случилось нападение. Но кого? Опять разбойников.

«Система, анализ окружения!»

«Режим недоступен. Вы в фазе быстрого сна. Данные будут недостоверны».

— Два чтоб тебя! — выругался я вслух. — Хоть анализ сновидения бы выдала!

«Произведена атака со стороны лесного массива. Предварительная подготовка отсутствует. Исключая крайние тенденции Фрейда, вы боитесь леса, как источника неизведанного. Ваше подсознание создаёт образ тайного противника...»

Слушал этот психологический бред вполуха. Некогда останавливать компьютер, чем тот пользовался, непрерывно бормоча. Быстро достав пистолет из внутренней кобуры, щёлкнул предохранителем и высунулся из фургона.

— Спрячься! — закричала почти в самое ухо Урсула, она стояла, прижимаясь к тенту, и держала в правой руке кошкодёр, а в левой — двуручник обратным хватом и за фальшгарду, словно в готовности одно оружие выкинуть, а второе применить по ситуации.

— Кто напал? Где Катарина? — продолжил я расспрос.

В стороне раздался выстрел. Потом ещё один. А через пару секунд третий, причём он отличался от пистолетных, словно стреляли из ружья. Вспышка от затравки была слишком далеко от спускового механизма из-за длинного ствола, а приглядевшись, увидел, как в траву упало нечто с огоньком, как раскуренная сигарета — зажжённый фитиль для фузеи.

«Согласно учению Зигмунда Фрейда, — продолжала шептать в ухо система, — образ объекта семь-шесть-семь-три Катарина вызван долгосрочным отсутствием личных отношений. Образ непостоянен и в то же время наполнен сочетанием агрессии и скромности, предположительно вследствие ранее пережитой психологической травмы, вызванной болезненным расставанием».

— Ага, травма. Щас будет травма головы навывлет, — пробурчал я и услышал гневный вопль, снова раздавшийся над ухом.

— Под телегу, дура! — снова закричала Урсула, бешено крутя головой, на которой болтался наспех надетый шлем без подшлемника. Но крик предназначался не мне, а Лукреции, которая стояла, подобрав полы платья руками, неподалёку. — Там колдуй! — продолжила наёмница.

— Она тоже биться будет? — переспросил я, нырнув внутрь и подтянув мешок с картошкой, чтоб оборудовать позицию для стрельбы.

— Ай, не смейся. Опять тёте Урсуле всё самой делать придётся, — нарочито беззаботно ответила мечница, в то время как из темноты лесного полога доносился крик боли, как свидетельство того, что как минимум одна пуля кого-то достала. — Ну и девчонка немного поможет.

Голова указанной девочки вынырнула из-за другой стороны. Она глянула на нас, а потом на волшебницу, упавшую на четвереньки, и снова исчезла.

— Блин, — выругался я по-русски, а затем продолжил по местному, — а где боевая магия?

— Нет пока боевой магии, — пыхтя и бормоча проклятия, отозвалась Лукреция, — я ремесленница от гильдии волшебниц. Мне время нужно. Вот если бы фузею дали.

— Нужно напролом, а то перебьют издали, — прорычала Урсула, шмыгнув носом, — да ты не оставишь, юн спадин. Украдут, прямо от титьки утащат.

— Не переживай, халумари не сдаются! — ответил я, высунувшись из фургона, и в то же время что-то звякнуло о шлем мечницы, словно стрела срикошетила.

— Спрячься!

Я нырнул внутрь, слушая какое-то бормотание из-под телеги. Я как-то не так представлял ролевые игры с магами. Думал, они выжгут всё вокруг, демонов призовут, а не попрячутся под фургон.

«Образ волшебницы, — продолжала система свой анализ, — вызван желанием доказать, своё превосходство над местной культурой, в которой якобы существуют сверхъестественные силы и возможности. Торжество цивилизации над примитивным началом».

«Где ты такого бреда нахваталась?» — мысленно буркнул я, глядяваясь в едва заметные в сгущающемся ночном пологе силуэты.

«Сборник вопросов и ответов по сновидениям. Анализ произведён по тегам наиболее частых запросов. Сохранён в кэше при юстировке системы».

— Сука, — в который раз выругался я, — все данные

сохранены в кэше?

«Данные частично утеряны».

— Потом разберёмся, — произнёс я, прицелившись в одну из фигур, когда Урсула бросилась в лес, по-прежнему держа два клинка. Было видно, как она швырнула свой кошкодёр, словно метательный нож, и сразу схватила двуручник как полагается. Маленьким мечом в кого-то попала, и когда нападавшая воскликнула, сделала добивающий большим. Я ожидал богатырского взмаха, и чтоб от плеча до паха развалить, но вместо этого, наёмница нанесла неприятельнице укол, держа меч одной рукой за рукоять, а второй — за середину клинка.

Откуда-то с другой стороны раздался ещё один крик, и оставалось гадать, враг это или нет. Почти сразу же в тент воткнулась ещё одна стрела, и я выстрелил в ответ. Никогда не стрелял в людей, но эти не оставили выбора.

Почти сразу за этим я чертыхнулся, вовремя спохватившись, и при этом радуясь, что промахнулся.

«Система, ты можешь вести отслеживание по принципу свой-чужой?»

«Недостаточно освещения».

— Нахрен ты такая хорошая нужна? Меня сейчас прибьют, а ты хрень гонишь.

«Запрос не понят».

Я замолчал и сосредоточенно вгляделся во тьму, где кто-то кого-то крошил, так как нет смысла ругаться с искусственным интеллектом. Это просто программа. Зато послышался нарастающий гул, как от работающего трансформатора, и это заставило напрячься. Так как рядом колдовали, и если это не наша магесса, и у противника есть своя, то нам хана. Но нет. Гудение оборвалось, а в лесу завопили, и голос явно незнакомый.

Металл звенел о металл и бряцал о дерево, отрывистые выкрики глушились деревцами и кустами. Трудно было различить среди силуэтов, мелькающих в редких просветах, Урсулу и Катарину. Даже фонариком не посветишь, сразу стрела прилетит на огонёк, как мотылёк. И сражающиеся не выходили к костру, действуя наверняка из тех же соображений.

Я прикусил губу и вслушался в бормотание волшебницы, одновременно с этим послышался новый звук — тонкий писк, словно комариный. Опять волшебница мудрит?

Но придумать причину не успел. В темноте замелькал огонёк тлеющего фитиля, и он однозначно не мог быть своим. Я прицелился в силуэт, включил лазерный целеуказатель и несколько раз выстрелил, а потом быстро погасил указку. Будут ли меня мучить угрызания совести? Может быть, но сейчас бы

живым остаться.

Фитилёк упал вместе с владельцем и застыл на одном месте, но несколько секунд спустя быстро подскочил, и гроыхнуло.

Выстрелившая, а ею оказалась Катарина, петляя как заяц, проскочила мимо костра и подбежала к фургону. Девушка сунулась внутрь почти по пояс.

— Дай свою лампу.

— Большую или маленькую?

— Любую!

Я сунул ей в руки тактический фонарь.

— Сверху пимпочка. Она зажигает.

Девушка не ответила, исчезнув где-то в стороне. Вскоре между деревьев загорелся белый пучок света. Он выдернул из тьмы чьё-то лицо, заставив отпрянуть владелицу, а потом луч задёргался и запрыгал, так как Катарина начала дубасить фонариком противницу, словно шестопёром. Потом раздалась ругань наёмницы, которая начала вращать вещь в руках. Она пыталась выключить, и в попытках даже сверкнула себе в глаза. Но всё же это у девушки получилось, и свет пропал.

Снова бой в темноте, из которого вырвался громкий возглас.

— Кто ещё хотит с тётей Урсулой побыркаться? Она научит жизнь любить!

Я ухмыльнулся. Мечница не унывала даже в этот момент. А после её крика, раздался звук, словно кого-то сильно-сильно ударили, и к костру кубарем вылетела незнакомая женщина в войлочной стёганке в виде жилета поверх короткого платья и с тряпичным капюшоном-шапероном, совсем как у Робина Гуда. Я хотел выстрелить, но женщина схватилась за горло, словно её душил кто-то невидимый, и выгнулась дугой. В ушах стоял противный свист.

Среди стволов деревьев снов мелькнул белый свет фонарика. Он быстро ошупал лесок своим лучом, но никого не нашёл.

— Катарина! — раздался крик Урсулы. — Где-то рядом бычки мычали. Они на колесницах были.

— У них были заводные. Наверняка уже ушли. Не догоним.

— Проклятье! Телята бы не лишние были.

«Данная часть сновидения не поддаётся анализу. Возможно, параноидальный бред».

— Заткнись, — процедил я и выпрыгнул из фургона.

От этого анализа пользы никакой. Лучше пойду, объекту своего сновидения помогу, вдруг ранена, и не знает, что понарошку.

Но Катарина вышла к костру и остановилась.

— А что так быстро кончилось? — проговорила Урсула, тоже

проявившаяся из тьмы.

— Всё, — кивнула храмовница.

— Нужно добычу собрать.

Я хмыкнул. Как же, совсем как в ролевухе, без лута никуда, но Катарина внезапно подскочила на месте, как ужаленная.

— Нужно круг насыпать, а то падальщики на кровь сбегутся! Ты трупы поближе подтащи, а я прокружу. Растащат ведь всё, — продолжила храмовница, а потом повернулась на каблуке и ткнула пальцем в грудь Урсуле. — И без меня не копайся!

— Да не-е-е, — добродушно протянула мечница. — Будь спокойна. Мы же почти как мать и дочь апосля этой бучки.

Урсула дождалась, когда Катарина уйдёт за край пространства, освещённого уже начавшим гаснуть без дров костра, а потом повернулась ко мне и подмигнула.

— Я тока чуток по-матерински больше возьму. Но ты же, юн спадин, не будешь клеветать на мать семерых детей? Мне их кормить надо. А ей зачем деньги?

Я улыбнулся и покачал головой.

— Делим на четверых. Поровну.

— Правильно, — самодовольно хлопнув мне по плечу тяжелой ладонью, согласилась Урсула. — Всегда знала, что халумари плохого не посоветует. А долю магички я у себя постерегу. Вдруг не вспомнит.

При этих словах я повернулся и пошёл к фургону, возле которого стояла и отряхивала платье волшебница. Надо же налаживать контакты. И в блокнот не забыть записать результаты работы сканера.

И всё же хорошо, что все живы и невредимы. Как-то быстро я привык к этим женщинам. Вроде всего ничего вместе путешествуем, а уже привязался. И психоанализ мне не нужен.

Я точно знаю, что всё это по-настоящему.

Глава 16

Грабь награбленное

— Это всё как-то неправильно, — произнёс я, глядя, как наёмницы приступили к отыскиванию трупов. Эйфория и состояние «Уря, мы все живы!» успело развеяться, и на её месте возникла пустота. И хотя я понимал, что либо они нас, либо мы их, но совесть цивилизованного человека не хотела соглашаться.

— Не думаю, — отозвалась Катарина, перевернув лежащее у костра тело с посиневшим от удушья лицом, и начала перечислять другие, очевидные только для неё причины. — Проклятые места далеко. Мёртвых мы отпустим с миром и оружие отберём, чтоб не могли в загробном мире вспомнить о нём, к тому же они первые напали. Да и никакой кометы-предвестницы на небе не видно. Не думаю, что убитые вернутся озлобленными тенями.

После её слов я нахмурился, так как имел в виду отнюдь не зомби. Катарина замолчала, а потом вдруг улыбнулась, снова поняв всё по-своему.

— Ты не переживай. Мы не убийцы и не разбойницы, мы честно защищали свои жизни.

Говорила она при этом мягко и даже с некой доброй снисходительностью. Вспомнилось, как я на Земле успокаивал свою бывшую, которая нечаянно задавила на машине кошку. Я тогда обнимал её и шептал на ухо, мол, ты же не специально, это она сама кинулась под колёса. А бывшая молча всхлипывала и кивала после моих слов. Сейчас всё обернулось другой стороной, и боевая кошка думает, что успокаивает мужичонку, который ей по росту едва доставал до плеча. Гендерный реверс расставил роли и стереотипы по своим правилам, и сейчас перед ней был «слабый пол», нуждающийся в утешении. Вот только я в этом не нуждался, прекрасно осознавая необходимость происходящего, да и предыдущей стычки с местным криминалом хватило, чтоб расставить приоритеты по местам.

Я вздохнул, улыбнулся и отвёл взгляд в сторону. С удовольствием побеседовал бы с одной из нападавших. Хотя бы по такому вопросу, кто на нас навёл. Ведь, в отличие от засады, не будут разбойницы просто так догонять непонятного кого, если нет возможности хорошо пожить. А бегать за каждым — времени не напасёшься.

За широким незримым кругом, насыпанным Катариной из пепла, шебуршилась какая-то мелочь, и непонятно, нечисть или

просто дикая живность. Я старался не обращать на неё внимания, но всё равно не мог отделаться от мысли, что за нами наблюдают.

«Система, провести анализ происходящего по периметру светового пятна от открытого источника пламени».

«Провести повторный анализ сновидения?» — тут же среагировала программа на что поморщился.

«Лучше заткнись».

Я снова поглядел за пределы поляны, где с моим фонариком по месту схватки бегала Урсула, и оттуда раздавались громкие крики, так как она не могла найти свой кошкодёр. Лишь полчаса спустя радостный вопль наёмницы известили об успехе поисков.

Волшебница с хмурым видом сидела на дышле фургона и глядела на пламя, и, скорее всего, мысленно была очень далеко. Рядом с ней лежал на траве распряжённый бычок. Он жевал свою жвачку и сонно моргал, для него ночной бой был лишь каким-то шумом во тьме, и, главное, что накормили, напоили и освободили от ноши.

А после нашей короткой беседы Катарина ходила от трупа к трупу, наклонялась к убитым разбойникам, вглядываясь в них, словно силясь узнать, и над каждой проводила короткий ритуал. Двумя сложенными вместе пальцами, указательным и средним, в точности как это делали наши старообрядцы, почти касаясь, проводила над лицами ото лба к подбородку. Храмовница над каждой убиенной шептала коротенькую, в шесть словечек, молитву, обращаясь к небесной паре.

— Что делаешь? — спокойно спросил я, стараясь сглаживать вопросы веры даже в интонации. Я и на Земле так делал, а уж здесь и подавно. Мало ли как может паладинша воспринять мой вопрос.

— Прощаю и прошу принять их души, — закончив свои действия и подняв на меня глаза, ответила Катарина.

— Они же хотели убить нас, — с некой долей сарказма уточнил. Вспомнив, как сам недавно спрашивал, мол, зачем убивать напавших.

— Им уже воздалось, — с лёгкой улыбкой произнесла девушка, — незачем мучить мёртвых непощением.

— А над теми ты не шептала молитв, — кивнул я в темноту, словно мог указать на предыдущих разбойниц.

— Шептала. Но ты отвернулся в тот миг, — пожала плечами Катарина, она вздохнула, встала и поглядела в лес.

— Тётя Урсула! Надо поторопиться добычу делить! А то так к ужину не успеем! — прокричала она.

— А что на ужин?! — громко спросила наёмница, неся целую охапку разных вещей, в большинстве своём выроненное во время

боя оружие разбойниц.

— Сырная похлёбка! — ответила храмовница и поглядела в сторону фургона, где сидела магесса. — Госпожа Лукреция, тоже идите.

— Я неголодная, — буркнула в ответ волшебница, избегая глядеть на мёртвых.

— А добыча? Так положено. Добыча всегда делится на всех.

— Не хочу. Нет там ничего нужного для меня, — снова пробурчала волшебница.

— Так полагается. Богиня удачи не простит, если часть добытого не принести на алтарь. Да и знаки богинь не должны безвременно пропасть в земле, их тоже нужно вернуть в храмы.

Я с любопытством прислушался к этим мелочам, составляющим их походную жизнь, а магесса посмотрела на Катарину и со вздохом встала с дышла. На неё тут же с подозрением поглядел бычок, не горящий желанием снова тянуть телегу.

— Да какие у них деньги? Оборванки ведь, — криво улыбнулась волшебница, в то время как Урсула схватило тело у костра и за ноги поволокла во мглу. Оттуда сразу же раздался шум и хохот, похожий на детский. Одновременно с этим датчик выдал тихий треск, как счётчик Гейгера при низкой дозе облучения. Я сперва не придал этому особого значения, но сейчас связь нечисти с этим треском была очевидна.

— Кыш, уродцы! — завопила Урсула, на что создания взорвались ещё большим смехом, словно обезьянки на ветке при виде смешного. А когда наёмница вернулась костру, в темноте раздался треск одежды и вопли делёжки.

— Не терпится им. У-у-у, недомерки, — прорычала женщина, протерев руки о какую-то тряпку, которую она после бросила в огонь.

— Это кто? — спросил я, кивнув в сторону шума.

— Потеряйцы, — отмахнулась Урсула. — Они завсегда в эту пору настырные. Спасу нет. Скоро жратва будет?

— Скоро, — ответила Катарина, тоже вернувшаяся к костру, после своих молитв. Она на ходу развернулась и провела двумя пальцами по своему лицу. — Идемони.

Из темноты раздался дружный вопль, словно по нечисти кипятком плеснули, но через минуту делёжка возобновилась.

Я поглядел на котёл. Кушать после боя для меня было дико, но было одно «но». После пережитого стресса жрать хотелось, мочи нет. А усталость мешала адекватно воспринимать ситуацию. Казалось, что это всё понарошку. Но к дележу добычи я, всё же, не стал присоединяться. Прогрессор не должен опускаться до таких

вещей, которые могут быть квалифицированы на родине, как явные преступления, к которым мародёрство тоже относится. И кстати. У меня же чёрный ящик есть.

«Система, запись основных жизненных показателей, геопозиционирования и периферии осуществляется в штатном режиме?»

«Запись показателей хранится в кэше с показателем тридцать минут».

Да, получается, в памяти остаются только последние полчаса с циклическим заполнением, как видеорегистраторе автомобиля. Если сдохну, полчаса на анализ будут.

«Система, коротко опиши поток данных зрительной периферии».

«Ночь. Огонь. Лесной массив. Девять человек, шестеро не проявляют жизненную активность, трое опознаны как сопровождающие лица. Крытое гужевое транспортное средство. Млекопитающее отряда парнокопытные, семейства полорогие, рода настоящие быки, вида бос таурус таурус, самец».

«Система, я вижу то же самое. Каким образом периферия совпадает с видеорядом, формируемым в фазе быстрого сна?»

Я около минуты ждал, пока будет дан ответ, но его не было.

«Система?» — с изрядной долей беспокойства позвал я свою внутреннюю помощницу. Не хватало ещё, чтоб она совсем зависла.

«Идёт поиск логического решения», — с заминкой отозвалась она, словно не успевала освободить оперативку для программ формирования речи после перелопачивания своей куцей базы данных.

«Ну, ищи, ищи, как найдёшь, сразу дай ответ», — усмехнулся я, закинул в рот карамельку и переключился на своих спутниц, проводящих инвентаризацию трофеев. А карамелька, между прочим, барбариска. Пряма, Землю напомнило.

Инициативу взяла на себя Урсула.

— Два дерьмовых кленовых лука с пеньковой тетивой, — стоя на коленях и передавая по одной каждую вещь Катарине, а та складывала их на свой плащ. В общем, разбор лута с мобов шёл в полном разгаре.

— Колчаны со стрелами. Стрел много, — продолжила она.

— Двадцать две, — меланхолично произнесла стоящая рядом Лукреция, а потом переспросила: — ты считать не умеешь?

— Умею, — отмахнулась наёмница, — но их много.

— До трёх? — вяло улыбнулась волшебница, она уже вытащила из фургона серый шерстяной плащ и теперь куталась в него. Было, конечно, прохладно, но не настолько, чтоб трястись.

Или она от нервов?

— Вы чё, госпожа, — обиделась Урсула, протянув Катарине колчан, сделанный из обшитою изнутри тканью лыковой плетёнки, как на корзине. Сразу видно — ультрабюджетный вариант снаряжения. — До дюжины!

Рядом раздался смех храмовницы, которая звонко закатилась, согнувшись пополам.

— Чё смешного, я чё, смешинка какая-то? — надулась Урсула, вернувшись к инвентаризации.

— А как ты делить добычу будешь? — утерев слезинку с краешка глаза, спросила Катарина.

— Не бойсь, это я и на взор умею. У меня гляделки намётанные. Держи.

Мечница кинула девушке простенький нож с простейшей рукоятью в виде загнутого хвостовика, как у кочерги. Опять самый дешёвый вариант.

— Опять дерьмо, — произнесла Катарина, осмотрев оружие. — Железо ногтем поцарапать можно.

— Продадим барахольщикам, с тощей коровы хоть капельку.

Это поговорка была синонимом нашей «С паршивой овцы хоть шерсти клок». Забавно искать такие совпадения выражений. Иногда догадываешься. Иногда нет. Например, «нет хуже воды, чем спящая вода» это аналог «в тихом омуте черти водятся», «чёрная овечка» это «белая ворона», «бросать хвалу собакам» — «метать бисер перед свиньями».

А про омут нужно будет запомнить, очень к Катарине подходит. Надо же, цепная львица.

— Хлопушка, — продолжала тем временем Урсула, и я подошёл поближе.

— Можно, я взгляну? — спросил я, а следом у меня в руках оказалось весьма непривычное оружие. Это была самая примитивная пищаль, какую можно изготовить из говна и палок. На грубо струганный черенок от какой-то лопаты было насажено кованая железная трубка длиной с полметра. Оно имело небольшое отверстие, в которое насыпали затравочный порох, а потом просто поджигали тлеющим фитилём или горячей лучной. Черенок даже не упирался в плечо, а ложился на него сверху и поджимался подбородком, чтоб не елозил, так как для поджога нужно иметь одну свободную руку. Но при должной сноровке с одного-двух десятков метров можно нанести серьёзные повреждения даже закованному в броню воину. Главное, чтоб ствол не разорвало от избытка пороха.

Я хмыкнул и передал оружие Катарине. Действительно, бюджетная банда на нас напала.

— Ещё одна хлопوشка, — продолжила Урсула. — Волшебницу бы научить пользоваться. Ей фитиль не нужен для поджога.

— Магесса и так может человека убить, — ответила за Лукрецию храмовница. Вон, потеряйцы обноски делают, сорванные с задушенной магией разбойницы. Была бы волшебница чуть сильнее, шею бы свернула. А ещё одну добивать пришлось, чтоб не мучилась — у неё весь живот в кашу, и орала, как свинца хлебнула.

Урсула продолжила перечислять вещи, среди которых были ножи, один неплохой боевой топорик, который сразу заграбастала себе мечница, мол, дочке подарит. Я морщился, разглядывая трупы, но в делёжку не вмешивался. Только когда перебирание трофеев закончилось, и все они оказались сложенными в кучу, мне подумалось, что личные вещи никто не тронул. Только оружие, снаряжение и деньги. А также различные обереги, которые отдельно от остального сложили на кусок ткани. Бросилась в глаза серебряная бляшка одной из разбойниц в виде монеты с едва различимыми символами жизни и смерти на аверсе и реверсе — знак двулика покровительница удачи Такоры. Кстати, такая же бляшка была и у тёти Урсулы. У наёмницы, вообще, на шнуре был целый ворох медных чешуек с символами небожительниц.

— Де-е-ем! — громко и расстроено протянула Урсула. — Этот хлам даже на десяток серебряных не потянет. — Спихнём побыстрее.

— Я сама поторгуюсь. С пяток монет сверх смогу получить, — протянула Катарина, глядя на добычу, а потом подняла с травы ткань с амулетами, быстро завязала концы в узел и протянула позвякивающую ношу мне.

— Не хочешь со мной в храм знаки отнести? Это благое дело.

Я подставил руки и на мои ладони лёг нетяжёлый по весу и очень нелёгкий из-за причин появления узелок. Пальцы Катаринины осторожно сжали мои, но девушка словно вспомнилась о приличиях и резко убрала руки. В этот момент раздался в голове голос системы, и я едва сдержался, чтоб не выругаться.

«Логическое решение найдено, — выдала запоздалое своё резюме на недавний запрос моя цифровая помощница, — вы лунатик».

* * *

— Дырка безмозглая! — орала сиплым старческим голосом

женщина. Капюшон слетел с головы, показав в свете костра острое лицо с крючковатым носом и выцветшими до серости глазами. Седые, но в меру ухоженные волосы сплетены в две косы, в каждой из которых было по знаку фортуны — медной бляшке с двуликой богиней. Одна сторона хмурая и с мечом, вторая добрая, с дубовым венком в руках. Чеканка грубая, отчего человеческие очертания можно с трудом различить, но это неважно, ведь обереги не для красоты делают.

— Я что сказала?! Обстрелять и уйти! Нет же, разум не дарован небесами! Это сложно?! — не унималась она. От гнева тряслись губы, а грудь ходила ходуном, не в силах держать невысказанные, но готовые вырваться наружу слова.

Вторая женщина, простывшая, была моложе. Ей лет тридцать было, но изуродованное шрамами лицо лишено красоты. Даже не будь их, тяжёлый подбородок и кривые зубы, равно как привычка крутить в пальцах нож, отталкивали желающих пообщаться. Собственно, в пляске фортуны шрамы и были приобретены.

Даже помощницы старухи шарахались в стороны, когда простуженная шла мимо кипящего на огне котла. Чувствовали в ней полное пренебрежение жизнями и внутреннюю злость. Все шарахались, кроме самой старухи. Сорок лет в походах и войнах лишили её этого чувства.

— Я эта... сорок сликв сыпнула вперёд, и эта... объяснила им, что делать, — прокашляла простуженная. — Хóдочниц потом в землю, как ты сказала, — опутив голову и убрав руки с ножиком за спину, продолжила она оправдываться.

— Сорок?! — ещё больше взбеленилась старуха. Она ещё была сильна в свои шестьдесят с косичкой. Жилистые пальцы до хруста сжались в кулак, и казалось, она вот-вот ударит свою помощницу. — Надо было оставить тебя дожидаться виселицы, а не выкупать под залог! О тебе говорили, как о надёжной женщине! А ты...

Старуха сплюнула под ноги, с полным пренебрежения видом.

— Я ещё ни разу не кинула нанималицу, — процедила в ответ простуженная, сверкнув глазами исподлобья. Ей хотелось отыграться за оскорбление, но это не удалось.

— Надёжность, это не только язык за зубами! Это ещё и способность выполнить всё в точности!

Седая женщина замолчала и вздохнула. Заговорила она только через несколько ударов сердца, но уже без крика.

— Это моя вина. Ты привыкла резать портовых недоумиц, а здесь дело куда более тонкое. Нужно было заранее объяснить. Запоминай. На сорок сликв толковых девок не купишь, а твой сброд даже толком оружие в руках держать не умел. Им только по

тёмным улицам одиночек к стенке жать. Найди кого-нибудь из квалдрильи, можешь из латонк нанять.

— Квадрилья вперёд только силингами или марками берёт. У меня из золота — только дырка в кармане.

— В голове у тебя дырка, а не в кармане. Найти — значит, встречу устроить, — с горькой улыбкой ответила старуха, — У них по пути Ганивиль. Городок маленький, но ночное сестринство там есть, всё же торговый тракт очень живой. Там и встретим халумари с ведьмой.

Глава 17

Запретные знания и слова

Катарина сидела, прислонившись к колесу фургона и закутавшись в походное одеяло. После второго подряд нападения разбойниц решили поделить ночь с Урсулой поровну, и, хотя сейчас была её очередь спать, сон не шёл. Но храмовницам и не нужен долгий сон, им вполне хватает четырёх часов, чтоб отдохнуть и снова чувствовать себя бодрыми. Эту способность специально выпрашивали у богини мягкой ночи во время жертвы, ибо каждая поднебесная воительница должна нести службу в дозоре, и бодрость тела и духа в предрассветный час важны не менее ярости и умения пользоваться клинком и порохом.

Катарина сидела, сжимая вплетённую в одну из кос медную бляшку со знаком гварды да леоны — львиной гвардии. Она медленно водила большим пальцем по поцарапанному профилю большой оскаленной кошки, вычеканенном на красном металле, и глядела на своих спутников. Лукреция закуталась в одеяло, как гусеница в шёлк, и притворялась спящей, но храмовника слышала её дыхание, совсем не такое, как у отдавшихся в объятия ночи. Храмовница не чувствовала лютой ненависти к этой женщине, но долгое обучение не прошло даром, ведь её с малолетства готовили биться с созданиями, наделёнными волшебной силой.

Пальцы выпустили знак и прикоснулись к середине груди, где под кольчугой и одеждой, на коже был выжжена печать, запирающая силу. С этим клеймом она пользовалась лишь крохами от той силы, что имела раньше. Не оступись с истинного пути, могла бы сейчас нести стражу в цитадели ордена, быть на вольной охоте, защищая мирный люд от нечисти, идти маршем на дальнюю заставу, сдерживая одним лишь присутствием на дикарей южных границ, даже их мелкие божки, пожирающие души их вождей и шаманок, не осмеливались нападать на земли, над которыми простиралась длань ордена. И бляшка бы сейчас была серебряной, а не медной.

Магесса завошкалась на толстой циновке, протяжно зевнула, поправила небольшую подушку и ещё сильнее укуталась, постаравшись укрыться с головой, и Катарина перевела взгляд на Урсулу. Мечница сидела у огня и держала в руке веточку с насаженными на неё кусочками сыра. От жара тот начинал походить на сырую глину, лепи что хочешь. Женщина счастлива, и Катарина ей даже завидовала, ибо родившая не менее пятерых должна согрешить совсем уж чёрным делом, чтоб посланницы

богинь закрыли перед самым носом полагающийся проход в светлый край вечного дня и вечного лета.

Катарина тяжело вздохнула, ибо была изгоей. Её не принимал орден. С ней не общались прошедшие посвящение сверстницы, считая неполноценной. Её недолюбливали на матчизне, видя в ней опасное животное, ибо печати изредка вскрывались, и тварь, которой становилась изгнанница, могла натворить бед. И требовалось сжечь на огне ещё живую, но лишённую рассудка. Но ведь не все сходили с ума настолько, та же грозная Даяна, тоже выброшенная из ордена, вскрыла вопреки всему печать и вернулась в орден, доказав, что разум при ней. Имён много, но слепой страх толпы и ревность магистрата доводили почти всех распечатанных до костра. И получалось всё наизнанку, не ведьмоотступниц сжигала Алая Стража, а своих же младших сестёр.

Девушка скривила губы в горькой усмешке. Шутка судьбы такова, что пришлось бросить Коруну и переехать в убогий городишко с громким именем Керенбург прямо под самым носом у твердыни магистрата. Только мадрэ не оставила Катарину в чёрный час, последовав за изгнанницей.

Эх, Корунa — столица королевства, сверкающая золочёными крышами храмов, пестрящая разноцветными черепичными крышами богатых домов и ошетилившаяся шпилями усадеб знати, пытающихся переплюнуть соседей в красоте своих дворцов. Полмиллиона жителей. Тёплые воды Нессы кишели торговыми кораблями и рыбацкими лодками. Десятки паромов связывали два берега тёплой неспешно реки шириной в милю. Даже ночью жизнь в столице не замирала. Но там ей не нашлось места. Эх-х-х.

Катарина перевела взгляд на халумари, ходящего вдоль пепельного круга с небольшим фонарём в руках. Острый слух улавливал бормотание. Юрий часто обращался к кому-то, кого, называл Системой, думая, что его не слышат. Пришлый уже в шестой раз обошёл поляну, надолго останавливаясь там, где лежали трупы. До рассвета их никто не тронет, ибо звери и птицы боятся людей, и ждут, пока те уйдут. Падальные нетопыри не любят света костра. А потеряйцам плоть не нужна. Нечисть растащила на лоскуты одежды, оставив в темноте лишь исцарапанные ногтями нагие тела. Других же тварей здесь почти не водилось, проклятые места далеко, и большая редкость, если придёт дем-гиена, которая и раскрошит голову своими чудовищными челюстями, чтоб добраться до мозга. Больше ей ничего не нужно.

Халумари. Девушка улыбнулась. Мужчины сторонились её, предпочитая не рисковать с запечатанной, а этот глядел с

любопытством и не боялся. А ещё он был необычным. Необычным во всём.

Катарина встала с циновки и подошла к костру, где села на землю подле Урсулы.

— Щас бы жжёночки яблочной с докидкой красной смородины. Крепкой, чтоб горела синим пламенем. У тебя нету, нечаём? — с надеждой протянула мечница, обрадовавшись девушке, с которой можно почесать язык. Ведь язык, он сильно чесучий, и почесать — благодать, как вкусного поест после долгого похода.

— Нет, — ответила Катарина, протянув руки к огню. Ладоням сразу стало жарко, тогда как спина чужла ночную прохладу. — Тётя Урсула, а что ты даришь своему мужчине, когда хочешь сделать ему приятно?

— Мужу или любовнику? — с ехидными искорками переспросила наёмница, посмотрев на девушку, а потом повернулась и с прищуром взглядевшись в темноту, где ходил Юрий. — Подари ему себя. Клянусь, радости много будет. Я эта... даже глаза закрою. Клянусь.

— Дырка ты бездонная, — беззлобно усмехнулась Катарина. — Я так не могу. Я хочу, что по-человечьи.

— Как у вас всё плохо, — отозвалась Урсула, потрогав пальцем сыр на веточке, а потом откусив от него. — Знать печётся о чистоте рода. Храмовницы боятся чистоту души потерять. А я скажу так. Глупости всё это. Неча оглядыца на людей, када сердце шепчет. Понравился мужичонка, хвать его за стручок и на сеновал. Делов-то.

— Я боюсь, тётя Урсула. Вдруг печать сорвётся?

— Боишься лицо обглодать? Или затрахать до смерти? А ежели боишься решать, скажи как есть. Пусть сам думает. А чтоб щас приятно ему было, поддержи во всех начинаниях.

Катарина опустила глаза на протянутые к огню, а потом встала и пошла. В миг, когда развела руки, чтоб поудобнее накинуть одеяло, показалось, что тень девушки обрела крылья, как вестница богинь. Юрий стоял у самого края пепельного круга и глядел на силуэты потеряйцев, которые с недовольным бормотанием бродили между деревьев. Им бы уйти, но вдруг люди ещё что-то оставят или потеряют.

— Не спится?

— Не нравятся мне нападение, — тихо ответил халумари. — Сперва думал, ну разбойники и разбойники...

— Разбойницы, — поправила Катарина, перебив Юрия, а когда тот холодно поглядел на неё, поджала губы. Не нравится ему, когда перебивают. Неужто, действительно знатный. Только

знатные мужчины не привыкли, когда женщины на них свысока смотрят.

— Неважно, — сменив холод на улыбку, ответил он. — А потом задумался. Затраченные силы не соответствуют возможной прибыли. Наш груз не имеет для них ценности. При всей бедности разбойниц их доставили на колесницах. И колесничие бою не участвовали. Это похоже на... татику мобили подразелий.

— На что? — переспросила Катарина, так как Юрий заговорил на своём языке. Слова были незнакомы совсем, но по сказанному на катанари можно понять общую суть. — Колесничие были на случай неудачного нападения. Чтоб вовремя уколесить. Всякий бы так сделал.

— Да. Но нападение и так не было удачным, а они не уколесли. Неубедительно звучит, но что-то подсказывает мне, что это неспроста.

— Глупости, — улыбнулась в ответ Катарина. — Этот просто разбойницы. Колесничие испугались и бросили подельщиц.

Юрий пожал плечами и поглядел на грязное и окровавленное обнажённое тело разбойницы.

— А волшебница умеет общаться с мёртвыми? Сейчас бы допросили нежить, и дело с концом.

Едва он сказал это, Катарина приложила к его рту ладонь. Глупый, глупый халумари. Разве можно такие слово говорить? Мертвоподняtie — часть запретного. Всякого, кто даже пошутит об этом, сожгут на костре. Муж донесёт на жену, жена на мужа из страха, что кто-то ещё услышал, а доноса не было. Не спасут ни золото, ни заслуги. Чернь спалит замок своей королевы, и все остальные лишь возденут глаза к небесам, мол, чисты и непогрешимы помыслы поджигателей были.

Катарина быстро провела двумя пальцами сверху вниз по своему лицу, а потом по лицу Юрия.

— Идемони, — прошептала она и продолжила. — Никогда более не говори об этом.

Опешивший Юрий кивнул. И только тогда девушка убрала руку от его рта, глянув при этом на сидящую у костра Урсулу. Та тоже сперва выпучила глаза, а потом прикрыла ладонями уши.

— Жжёнки. Бочку, — произнесла мечница, как бывалая шантажистка. — Виноградной.

— А кто такая Система? — решила сменить разговор Катарина, отведя взгляд от Урсулы. На этот раз халумари нахмурился и облизал губы, словно для него это было таким же запретом.

— Дух... дух-покровитель... личный, — наконец выдавил он и легонько прикусил губу.

— Расскажи, — с облегчением выдохнула храмовница. Светлые духи иногда открывались людям, но при этом боялись ревности богинь и делали это втайне.

— Она будет против, — криво улыбнулся Юрий, и они оба замолчали. Так и стояли бы, потупив взоры, но вмешалась Урсула.

— Да хватай ты его уже за стручок, — громким шёпотом произнесла она, сложив ладони у рта в трубу-кричалку, которую северные княжества ещё рупером зовут.

— Дырка бездонная, — огрызнулась Катарина, а потом присела на корточки спиной к костру и достала медяшку. — Хочешь, любопытное покажу? — спросила она у Юрия.

— Да, — он тоже был не в восторге от такого поучения. Да и кому понравится, когда тебе за спиной будут постоянно повторять: «Трахайся. Трахайся. Трахайся». И мадрэ туда же. «Расплети косы, сними знаки, роди для себя без мужа». Надоела.

Девушка сделала вздох и протянула руку с монеткой в сторону леса.

— У женщины есть подарок. У женщины есть денежка.

Голоса потеряйцев стихли, а потом снова зашумели, и из тьмы показались обтянутые почерневшей, словно долго копчённой, а после этого высушенной кожей, детские скелетики.

— Львица не женщина. Да, не женщина, — неуверенно произнёс ближайший хриплым голосом, замотанный в обрывки чьих-то одежд.

— Львица не человек, — поддержал другой. — Львица обманет?

— Да, львица не даст, — пискляво выкрикнул третий.

— Обманет! Обманет! Обманет! — заверещали потеряйцы, как стайка обезьянок.

Катарина улыбнулась. Конечно, не даст, иначе не отстанут. Но в разговор вмешался Юрий. Он швырнул в темноту горсть медяшек, отчего вопли радости ночных духов заставили храмовницу поморщиться. Такими громкими они были.

— Прогоните их, спать мешают! — раздался за спиной сонный голос волшебницы.

Но халумари не обратил внимания. Он вздохнул и сделал шаг за пепельный круг.

— Вы знаете, кто я?

— Человек? Он тоже человек! — заверещала толпа. — Человек дал подарки!

— Подарки! — заорал кто-то из этой толпы духов.

— Я дам ещё, если скажете, что было перед тем, как напали разбойницы.

— Люди все одинаковые.

— Говорите! — выкрикнул Юрий. — Иначе не дам больше.

Вместо ответа раздался многоголосый вопль возмущения. Как это, он не даст?

Катарина поправила одеяло и усмехнулась.

— Они глупые. Они уже не помнят, что было час назад.

— Да, ты, наверное, права, — кивнул в ответ халумари, и пробурчал на своём непонятном языке.

— Я помню. Я помню, — выскочил из тьмы один потеряец и замер в двух шагах от круга.

Существо замолчало на мгновение, а потом продолжило. Оно заговорило совсем другим голосом, как нобейская птица попугай, повторяющая слова за другими. В этом голосе едва угадывалась человеческая речь и приходилось вслушиваться.

— Запомните, халумари должен быть живым.

Потреяец снова и снова повторял чужую фразу, пока не надоело. И тогда запищал своим голоском: — Она сказала запомнить. Я запомнил.

— А как она выглядела? Кем была?

— Люди все одинаковые, — нетерпеливо протягивая ручонки за наградой, ответил дух.

Юрий улыбнулся и бросил на траву ещё одну горсточку монеток, отчего тьма разорвалась воплями: «Дай! Моё! Не дам!»

Вот только смешно уже не было. Катарина опустила взгляд. Это действительно оказалось погоней. Цели неясны, но нужно принять меры, и исходить из худшего.

Мимо неё молча прошёл халумари. Он остановился у костра, подобрал с земли веточку, кинул в пламя. Потом с какой-то весёлой обречённостью поднял руку, а опустив громко сказал на своём языке нечто вроде: «А-а-апофик, авос пронесо».

— Катарина, — повернулся он к девушке. — Ты же училась не на простую воительницу. Как бы ты поступила, если бы тебе приказали перехватить послов?

— В одиночку или прайдом?

— Прайдом? — уточнил Юрий. — Прайд, это в смысле гордость?

— Нет. Это в значении малый отряд львиной гвардии. От трёх до семи воительниц.

— Ясно. Ну так как?

— Сперва узнали место. Назначили дозорную. Которая бы всегда следила за врагом. По темноте сделали бы обстрел из луков, арбалетов или аркебуз, ранив или убив как можно больших, потом бы отступили, если нет приказа убить немедленно. Вылазкой можно узнать истинные силы врага. И раненые бы

задержали поход.

— Ага. Разведка боем. Так же поступил и неприятель, — ухмыльнулся Юрий, а Катарина покачала головой. Она даже поморщилась от сравнения с этим отребьем. Как можно сравнивать львиную гвардию с разбойниками?

— Если бы напал прайд, мы были бы мертвы. Даже одной львицы хватило бы, — обиженно ответила девушка. — Попасть стрелой в глаз с сорока шагов для львицы легко. Две стрелы на удар сердца. За два удара сердца все мертвы.

— Темно, — пожал плечами халумари. Он иногда говорил умные вещи, а иногда такие глупости. Как ребёнок.

— Даже я вижу в темноте втрое лучше простой женщины. Истинной львице хватит ясного звёздного неба, чтоб попасть в силуэт человека на сотню шагов.

— А ты почему луком не пользуешься, если такая? — спросил он и назвал чудное слово «профи».

— Не люблю. Просто не люблю.

— Эта... юн спадин, а чё делать будем, если эта вдельно погоня? — спросила Урсула, поглядев на подошедшую к ним волшебницу. Та зевала, но очень внимательно слушала разговор.

— А что бы сделала львиная гвардия, если бы за ней шли? — с усмешкой спросил Юрий, поглядев на Катарину. — Или ты не гвардия?

— Я гвардия! — повысила голос девушка, а потом покраснела. Так стыдно попавшись в очередной раз в это самое «на слабо». — Гвардия бы сделала ловушку на преследователей. Костёр. Несколько чучел. А потом перебила бы нападавших, ударив со стороны.

— Бычка не спрячем и фургон. Эта... бычка прятать перво дело, — наклонившись, подхватив двуручный меч и положив его на колени, сказала Урсула. — Если бычка ранить, мы не двинемся дальше. Я телегу не потащу. Опять же, подпалят фургон — мы считай не дошли.

— Тогда идём ночью, — предложил Юрий.

— Как ночью? — спросила Лукреция, глянув в лес. — Я не пойду ночью.

— Я за, — кивнула Урсула и кинула в огонь толстую ветку.

— Я тоже, — согласилась Катарина, — они либо готовят к рассвету повторное нападение. Либо засаду впереди. В любом случае мы испортим им задумку.

— Я не пойду ночью! — повысила голос Лукреция.

— Тихо ты, — выдавил из себя Юрий и приложил палец к губам. — Не кричи. Ты что, темноты боишься?

— И что? — огрызнулась волшебница, сложив руки на груди.

В то время как Урсула несколько раз хрюкнула в ладонь, давая смех, заставив Лукрецию засопеть. — Сейчас голову раздавлю, — прорычала она, зло глядя на мечницу.

— Тётя Урсула — могила, — ответила женщина и снова зажала рот ладонью, но скорее, чтоб скрыть улыбку, чем от страха. Хотя смеяться ей опасно, волшебница в ярости действительно может убить наёмницу. Катарина тоже улыбнулась. Забавно, дева старше её, а как маленькая девочка. Ладно бы одна. А здесь целый отряд. Чего бояться?

К магессе подошёл Юрий, его глаза на мгновение остановились на вырезе платья, заставив прилить кровь к лицу Катарины, а сердце нехорошо ёкнуть. Но халумари достал из кармана маленький волшебный огонёк и протянул Лукреции.

— Здесь жмёшь — горит. Ещё раз — гаснет. Но не надо без нужды зажигать, ночью издали видно.

Он вложил огонёк в руки магессы и снова задержал взгляд на вырезе платья.

Катарина прикусила губу и опустила глаза на свою грудь, которая была меньше, чем у волшебницы. Всем известно, что мужчины выберут ту, чья грудь больше. А у Лукреции и лицо ухоженное и без шрама. И вон какие глазищи.

Катарина отвернулась. Ей было обидно. Обидно до глубины души. Настолько, что она захотела по возвращению разорвать договор с полупризраками. Вот зачем ей это? Она и в другом месте деньги найдёт. И заколдованную заколку пасиону Юрий не для неё взял. Он уже тогда на сиськи этой магички заглядываться начал.

— Саскэ, — пробурчала храмовница, а потом добавила: — Я сейчас приду. Осмотрюсь.

Она направилась в сторону леса, а перешагнув пепельный круг, начала водить рукой и выкрикивать «Идемони», отчего эти ничёмные потеряйцы завопили и бросились в разные стороны.

— Прочь, твари! Прочь!

Девушка достала фальшион и начала рубить им попавшиеся на пути ветки. Будь проклята эта гвардия! Будь проклят тот зверь, что только мешает жить! Правильно делали раньше, что топили негодных! Зачем так жить?!

Кровь бурлила в жилах, и зверь рвался наружу. Хотелось задрать лицо к небу, распахнуть оскаленную пасть и зарычать на всю округу. Хотелось царапать древесную кору голыми пальцами, срывая в кровь ногти. Печать на коже пылала огнём, словно её только-только поставили калёным железом.

А потом пришли слёзы.

Катарина даже не сразу почувствовала чужие руки на своей

талии. Хотя через кольчугу и поддоспешник сложно что-то почувать. Но это прикосновение обожгло её, заставив застыть, как вкопанную.

— Вот ты дура, — тихо произнёс Юрий и прислонился к спине лбом...

* * *

— Товарищ генерал, разрешите доложить?

Пётр Алексеевич оторвался от документов и поглядел на девушку лет двадцати пяти. Высокая, одетая в короткое дорожное платье и серый кевларовый поддоспешник поверх него, простёганный по местному обычаю наклонным квадратом, с натянутыми на ноги полосатыми чулками и обутая в высокие сапоги с подвёрнутыми голенищами она казалась местной. Даже в косах заплетены жетон — один с вычеканенным гербом войсковой разведки — летучая мышь на фоне глобуса, второй оформлен, как стилизованный погон для капитанского звания, продольная полоска и четыре звёздочки.

— Садись, Леночка, — ответил генерал и показал на стул.

Девушка села и заговорила.

— Товарищ генерал, мы нашли пропавшую топогеодезическую партию. Как и предполагали, их ограбили и взяли в плен. Жертва только одна. Разбойный отряд ликвидировали. Метки ночных охотниц по новому требованию на трупах оставили.

— Хорошо. Отдохните пока.

— Есть, товарищ генерал. Разрешите вопрос? — поправив лежащий на столе листок бумаги, — спросила девушка.

— Да.

— Когда уже наиграются с этими прогрессорами? Уже устали их из задницы вытаскивать. Почти всё, что может случиться, случается именно с ними. Топографы — просто исключение какое-то.

— Леночка, — вставая с места, протянул генерал, заговорив с девушкой, как с ребёнком, — во-первых, это общественное мнение. А во-вторых, ты слышала историю с лошадьми?

— Да. Это что-то триста лет назад. Типа проклятья, — улыбнулась разведчица.

— Нет. Это год назад. Притащили вратами десять коняшек, для экспериментов. А на следующую ночь нашли их в состоянии, словно они в авиакатастрофе побывали. Фарш по стенам. Погибли вместе с обслуживающим персоналом, и никто ничего не

видал. И это на закрытой и строго охраняемой территории. Естественно, инциденту присвоен гриф совершенно секретно. А местные осведомители шепнули, что проклятье, о котором ты заикнулась, ещё не потеряло силу. Мы должны понять, с чем имеем дело, и добиться, чтобы нас ещё чем-нибудь не проклинали. Поэтому прогрессоры нам важны. И мы будем печатать глупые комиксы, продавать матрёшки, дарить шапки-ушанки, угощать картошкой на ярмарках и спонсировать приюты и лечебницы. А светлые халумари будут нести мир и дружбу в это средневековье. И именно поэтому, Лена, ты будешь лезть в самую задницу и вытаскивать их оттуда. Я доходчиво пояснил?

Глава 18

Утренний беспредел

— А я уже рассказывала, как со стрелой в заднице убежала от ста нинбурцев? — идя рядом с бычком, спросила Урсула.

Все уже устали под утро. И Катарина, шедшая немного впереди, и Лукреция, которая тяжело дышала, держась рукой за одну из петель на тенте фургона, и я. Чёртовы туфли-пулены с длинными носами постоянно цеплялись за травинки, и мешали идти. Только неугомонная Урсула несла на плече свой двуручник, замотанный в мягкую кожу вместо ножен, и рассказывала свои солдатские байки, которых оказалось очень много. Даже немного завидно такой насыщенной жизни.

— Да, — тихо пробурчала Лукреция, — про то, как она тебе на полпальца мякоть проткнула, все уже слышали.

— Полпальца? — возмутилась мечница. — Да она мне седалище насквозь пробила.

— Тоже слышал, что наконечник воткнулся только на палец, — ухмыльнулся я, потеряв лицо. Глаза щипало от недосыпа и в голове шумело. словно тараканы в ней забастовку устроили с криками: «Даёшь профсоюз и нормированный рабочий день». Только один, самый трудолюбивый, твердил, что ботинкам приходит пипец, и у них вся кожа на носках стёрлась, что я порчу казённое имущество. — А ещё я слышал, что нинбурцев было до этого всего десять. И что выпила ты тогда полведра пива.

— Я трезвая была, как святая Лидия! И нинбурцев точно сто было! Да пусть меня богиня удачи поразит, если вру! — снова возразила мечница, даже развернулась на ходу и хлопала себя кулаком по груди.

При упоминании о богине удачи волшебница вздохнула, а шедшая впереди Катарина тихо хихикнула.

— Что смешного?! — взорвалась Урсула, отвернувшись от меня. — Я сейчас тебе, драная кошка, морду набью!

— Да всем известно, что двуликая не прощает только две вещи — игорный долг и клятву на спор.

— Ты хочешь сказать, что я вру?!

— Нет. Что у тебя, как у заядлой охотницы, с каждым разом кролик всё больше на быка похож становится по размерам, — отозвалась Катарина. Было видно, как она на ходу наклонилась, быстро выпрямилась, и что-то швырнула. Впереди раздался всплеск. — Там лужа глубокая. Не высохла ещё, — пояснила девушка.

— Значит так, иду я как-то с девками. Тогда магистрат собирал терцию, западных соседей припугнуть, — ни с того ни с сего начала новую байку Урсула, — лужа всего шаг шириной, а там голова целого гиппопотама торчит. Пасть с клыками, что моя рука. Морда шире моей бедной задницы. Гляжу и думаю, как он там поместился? Да соседи. Мы нечаянно их крепость взяли. Они сами дверь распахнули, даже биться не пришлось.

Я поглядел на едва заметный при свете звёзд силуэт женщины. Да, если так сравнивать, то морда у зверя действительно большая была.

— Не водятся у нас гиппопотамы, — пробурчала Лукреция, а потом стало слышно, как она начала что-то грызть. До меня донёсся запах моих карамелек. Не иначе Урсула всем раздала. Щедрая до чужого добра женщина, однако.

— Эта... вот и я думаю, откуда он там был. Но на всякий случай обошли подальше. А то говорят, что этот зверь на рыбу охотится вот так. Как пустит пузыри погромче, вся рыба кверху всплывает глушённая. Да что там рыба, все кролики на берегудохнут, а птицы в воду падают.

— Тётя Урсула, — перебил я наёмницу, — а ты на пушечном ядре не летала верхом? А сама себя из болота за косу не вытаскивала?

— Себя за косу пусть волшебницы вытаскивают, у меня сил-то много, косу вырву раньше, чем вытащу. А вот если в пушку матрац помягче вместо пыжа... — наёмница задумчиво замолчала, не поняв моей шутки. Да и не могла она понять, так как с бароном Мюнхаузеном знакома не была. — Это падать на мягкое надо. Так ведь все коленки в труху.

Запах карамелек усилился, я достал из кармана одну, сунув в рот. На этот раз попалась барбариска. Вернусь на Землю, куплю десять килограммов конфет и буду их смаковать, сидя перед телевизором с геймпадом от приставки. Включу фэнтезийную игру, и буду резаться напролёт. Там монстры только понарошку убить могут. И грязь под ногами нарисованная. Только, смогу ли играть после настоящих приключений? Не покажутся они мне скучными и блёклыми? Я, когда со срочки вернулся, и товарищи наперебой хвастали новой версией танковых баталий, не смог. После настоящих танков они казались фальшивыми.

— Светает, — произнесла Лукреция.

Я поднял глаза. Небо действительно из чёрного стало тёмно-тёмно-серым. Да и под ногами еле-еле, но уже видно дорогу, не приходится глаза ломать и постоянно спотыкаться. Ещё немного и нечисть спрячется, как в той сказке, мол, вредит она ровно до третьих петухов. Кстати, о нечисти.

— Катарина, — позвал я храмовницу, которая говорила, что спец по всяко потусторонщине. — А почему так много потеряйцев, а раньше никто их и не видел?

— Небесная пара гостит в чёрном доме, потому и много, — обыденно ответила девушка, словно я задал вопрос, почему упадет снег.

— Ясно, что ничего неясно, — пробормотал я и добавил. — А можно подробнее? Я далёк от чтения звёзд.

— Потеряйцы, как саранча, — ответила вместо неё магесса. — Раз в двенадцать лет появляются на юге и идут большим походом на север, собирая по пути всё, что можно. Крадут всё, за чем плохо глядят. Клянчат без умолку. А потом пропадают. Одного-двух в глуши можно увидеть, и то редкость. Зато, говорят, одиночки клады ищут, падающие звёзды и обломки радуги. Даже сказка есть о хитрой Грейс, которая подарила потеряйцу громкий колокольчик, а потом шёл на звон и нашла нору этих малявок, где все клады собраны в одно место. Но это лишь сказка.

— А остальная нечисть?

— Остальная только у проклятых мест живёт. Редко бродячую можно увидеть, — снова вступила в разговор храмовница, не желая уступать Лукреции. Ух и закомплексованная она оказывается, Катарина. Вбила себе в голову, что она никому не нужна, что она чудовище, и мальчики её стороной обходят, а ей, мол, уже восемнадцать, и вся жизнь под откос. Или как здесь говорят, богини подножки ставят.

— А у нас тоже много сказок есть, — продолжил я.

— Расскажи.

— Да, расскажи, а то до Риа-Мансаны ещё долго топать, — тут же отозвалась Катарина, которой уже не нужно было выглядывать впереди препятствия. Она притормозила, поравнявшись со мной.

— Разве мы не в Ганивиль идём? — переспросил я, поглядев на девушку. У меня, у самого уже из-за этих неудобных ботинок ноги стёрлись. Можно в фургоне, но каждый лишний килограмм тормозит и без того нерасторопного бычка, а его ещё и кормить нужно будет. Вот и бережём животину в ущерб себе. Ничего, здоровее буду. Надо только ногам дать зажить.

— Ганивиль за Риа-Мансаной. Это село на небольшой речке с таким же именем стоит. На ней хорошие паромы. А потом Ганивилль. Его с окраины села с высокого дерева видно будет.

Я улыбнулся. За красочным словом Риа-Мансана скрывалось не менее поэтичное русское название Яблочная Речка.

— Давным-давно жили старик со старухой. И вот пошла

старуха на море сети закинуть, — начал я реверсивную версию знаменитой сказки.

— Я бы порыбачила, — со вздохом протянула Катарина, и я улыбнулся. Как говорится, фигня вопрос, ветку срубим. А леска, крючки, грузила и поплавки в наборе на случай выживания имеются. Благо, шеф подзатыльник дал, чтоб собрал с собой. Места много не занимают, а еду на чёрный день поймать можно.

— А я бы поела форель, начинённую пряными бобами, — в тон ей пробормотала Лукреция, мечтательно поглядев на небо, словно именно там была заветная рыбина.

Тут же и Урсула слово вставила.

— Мой муженёк мелочь на углях печёт, ух, как вкусно. Пойдёшь домой, по пути у рыбаков корзину купишь... — она на мгновение замолчала, — и семь ртов сгрызут раньше, чем успеешь кому-то по пальцам дать, чтоб мамке оставили.

— А почему ты зовёшь мамка, а Катарина — мадрэ? — спросил я, вспомнив момент, когда заходили в гости к паладинше.

— Потому что у них всё не как простых людей, — хохотнула Урсула. — Они хотят этим... высоким слогом мамку звать. А мамка — всегда мамка.

— Я свою тоже мадрэ звала, — вмешалась в разговор Лукреция. — Она была очень строгая, но заботливая.

Высказавшись о матерях, все замолчали, дав мне сперва вслушаться в стрёкот кузнечиков, трели первых просыпающихся птиц и писк поздних летучих мышей, которые старались наловить до рассвета как можно больше добычи. Пахло сырой травой и цветами, а выпавшая роса намочила ботинки и чулки до голени. Поневоле замечтаешься о резиновых сапогах. От цветка к цветку с гудением летали бабочки-бразники, которых вскоре сменят обычные мотыльки, пчёлы и шмели.

Нечисть не встретилась. Наверное, потеряйцы, будучи смесью питекантропов, цыган и лепреконов, насытились трофеями, а другие твари бродили в где-то в стороне. Один раз попался деревянный столб, вбитый в землю, а на нём старательно выточены знаки божеств. Проходя мимо, женщины по очереди прикоснулись к нему. Катарина двумя пальцами. Лукреция — обеими руками, при этом старательно оттопырив большие пальцы. А Урсула просто ладонью, а потом ещё раз, но уже тыльной стороной.

Я улыбнулся и приподнял бровь. Может и мне тоже выполнить ритуал, но как? Я атеист, и...

— А у нас когда-то в старину звали в помощь предков, постучав по дереву и сказав «чур меня», — произнёс я, вспомнив

книгу об обычаях славянских народов в бытность их ещё языческими.

Катарину улыбнулась, а Лукреция пожала плечами, мол, сколько племён, столько обычаев. Они пошли дальше, а я остановился перед столбом, разглядывая узоры и символы. Только когда фургон вместе с моими спутницами удалился на пару десятков шагов, я быстрым движением дважды стукнул по дереву и пошёл прочь.

«Забавный», — внезапно раздался тихий и незнакомый женский голос. Я резко обернулся и посмотрел туда, где, как мне казалось, был источник звука. Но там никого не оказалось. От этого по спине прошлись мурашки. Я уже ждал нечисть, но её тоже не было. Вообще, пусто. Только столб.

«Система, зафиксируй время голосового сообщения. Цитирую. Забавный».

«Совпадений в аудиопотоке, сохранённом в кэше, не выявлено».

«Система, анализ аудиопотка за последние полчаса. Сколько личностей можно распознать по голосам?»

«Три».

«Перечисли».

«Личности, внесённые в персональную базу, как Катарина да Мария да Шана-ун, Урсула по прозвищу Большая, Лукреция да Бель».

Я попятился от столба. Нет, мне не могло почудиться. Я действительно слышал голос.

«Система, выяви аномалию всплеска излучений за послание пятнадцать минут. Дай оценку».

«Зафиксирован всплеск в высокочастотном диапазоне длительностью пять сотых секунды. Мощность сигнала на нижнем пределе чувствительности. Анализ сигнала не представляется возможным из-за недостаточной производительности оборудования».

Значит, что-то действительно было.

Я ещё раз оглядел сереющий в этой ранней кисее, которую потихоньку начало затягивать блёклым туманом. Он тёк по недавно засеянному полю, вдоль которого сейчас шла дорога, словно громадный сонный призрак, едва касаясь брюхом травы и огибая берёзовые колки, лениво ползя следом.

С таким миром точно заикой и шизофреником станешь. Но сейчас не время наводить панику. И спрашивать у девушек не время, вдруг они по какому-то суеверию обратно повернут. Лучше о другом.

— Катарина, — произнёс я, быстро сократив дистанцию, и

при этом стараясь, чтоб это не выглядело как бегство. — На дороге ловушки явно нет. Я бы на их месте нас на входе в село подождал. Там же только одна дорога. Может, тогда полями?

Храмовница покачал головой.

— Они будут ждать нас к полудню. Сейчас лучше постараться проскочить побыстрее.

Я нахмурился. Она, конечно, права, но мы не на джипе, чтоб промчаться перед носом у толпы и не быть замеченными. И что же мне подскажет опыт более развитой цивилизации? Попытался вспомнить хоть что-то, из листания страниц познавательных блогов в бытность меня на Земле. Нет, ничего. Опыт учил, как лебёдкой пользоваться при застревании внедорожника в грязи на заднем дворе дачи олигарха, которую туда специально натаскали, как ориентироваться по вкусу прошлогоднего мха при поиске севера и юга, как приготовить шашлыки на природе с использованием торфа вместо углей. И прочий бесполезный мусор.

На курсах прогрессоров тоже ситуацию не проходили.

Твою мать, неужели моя голова нужна только для того, чтоб в неё есть и на неё шапку натягивать? Думай, Юра. Думай. Не откидывай даже самый лютый бред. Подвергни его бритве Оккама. Отсеки лишнее.

Тогда обращаемся к жестокому и беспощадному кинематографу. Фильмы ужасов не подходят. Там все зачастую подымают. Наоборот, не нужно брать пример с придурков. Исторические фильмы зачастую сплошной бред о превозмогании героя на поле боя и во дворцовых интригах, к тому же сплошь клишированные. А едины адекватных, что смотрел, вообще в тему. Фильмы о второй мировой, хоть наши, хоть забугорные тоже подразумевают наличие техники, потому не подходят. В фэнтези лучше не заглядывать. У нас нет боевых драконов, ручных троллей, а сами мы не бессмертные вампиры.

Что остаётся? Мыльные оперы? Точно нет. Может, вестерны? А чем они помогут? Угнать поезд, которого нет? На полном скаку войти вместе с лошастью в салун и заказать выпивки для себя и для неё? «Эй, Билли, мне две бутылки и ведро в придачу!»

Я оглянулся на отдалившийся столб, тряхнул головой и улыбнулся. Не до столба сейчас. Есть более насущные проблемы.

— Катарина, а почему бы нам не перейти вброд?

— Я бы не полезла там вброд, — ответила девушка, скривившись и покачав головой. — Там два дна. А ещё прожорливый демон живёт. Затянет, до самого ада провалишься.

— Да блин, — выругался я по-русски, а потом продолжил на местном: — Сама говорила, что нечисть только в проклятых

местах.

— Говорила.

— И что?

— Место проклято, но кем и за что уже никто не помнит. Чтобы гиблое место обойти, нужно петлю в три дня делать. А там уже лес и бездорожье, — покачала головой Катарина. — Не пройти. Даже богини не помогут таким дурам.

— Да что у вас всё проклято и проклято. Совсем нормальных мест для туристов не осталось, — пробурчал я, хотя меня демон волновал меньше, чем топь. Болотистая речка действительно проблема. — А на лодке можно?

— Лучше напролом проскочить, — начала настаивать она на своём. — Берег у реки крутой и скользкий. С повозкой намучаемся дольше, чем если в обход идти.

— А если разбойники с пищалями нас встретят? Да на тесной улочке?

Катарина прикусила губу, глядя перед собой. Уже совсем рассвело и дорогу видно очень далеко.

— В воду в любом случае опасно.

Я поступил, как вообще не подобает мужчине в этом мире — выругался и сплюнул на землю. Неужели, совсем нет иного пути?

— Хорошо. Они ждут отряд вместе с халумари и к обеду. А если обманем? Переоденемся?

— Ты думаешь, они такие глупые? Они всех осматривать будут. Особенно если награда назначена, — в очередной раз покачала головой Катарина.

— Эта... а он правильно говорит, — вмешалась Урсула. — Щас верх у повозки скинем. Тама только мешки с кореньями. И идём. Так почти никто не делает, особливо знатные особы. А они халумари будут считать знатью.

Мечница быстро натянула поводья, заставив бычка недовольно замычать и остановиться. Катарина тоже встала, как вкопанная, а потом начала расплетать косы, коих было шесть, и вынимать из них медальоны.

Урсула шмыгнула носом и потянула шнуровку на тенте. Та с шуршанием начала развязываться, а ткань провисать.

— Я не буду переодеваться в грязное, — брезгливо поморщилась Лукреция, когда я заскочил внутрь и вытряхнул из мешка картошку, а сам мешок протянул волшебнице.

— Тогда не едешь дальше, — с улыбкой ответил я. — Коротковатое платье получится, зато сразу понятно — мы быдло.

— Кто? — не поняла русского слова волшебница.

— Самая-самая чернь.

— Э-э-э... нет, юн спадин. Ты не так понял. Мы сейчас её

разденем и свяжем, будто на невольничий рынок везём. Тут на юг часто невольников не возят. Я рожей на крестьянку не вышла. Кошка тоже. У ней же на глазах клеймо стоит, что она грамытная.

— У тебя будто грамотность есть, — пробурчала Лукреция, — И за что мне такое наказание? Я никому не мешала жить.

Не знаю, кому адресованы эти воззвания, но со вздохом и непрекращающимся ворчанием волшебница скинула сперва плащ, который сразу подхватила и нацепила на себя Урсула, которая уже стащила с себя доспех, оставшись в вальяжно расстёгнутом поддоспешнике, типа ночной рубахи. Получилась эдакая бандитка мелкого пошиба с трофейной одеждой, хотя ей и притворяться сильно ненужно, просто скорчить рожу позлее и закричать в нужный момент: «Пасть порву! Моргала выколю!».

Меч лёг на дно телеги вдоль борта, но так, что его можно было бы выхватить в нужное время. К тому времени поменял местами стёганку и кольчугу и Катарина. Надо сказать, что ей шёл прикид с колчаном на боку и распущенными густыми волосами. Эдакая Робингудша.

— Я уже не хочу в Ганивилль, — тихо произнесла Лукреция, растерянно глядя по сторонам. Она уже не казалась всемогущей магессой. Передо мной была женщина, словно вышедшая не на той станции, а поезд ушёл. Пряма, мадам Брошкина. — Давайте вернёмся, — предложила она, поглядев в ту сторону, откуда пришли.

— Да, — кивнула Катарина, — и попадём в капкан. Даже дура догадается оставить засаду на случай, если жертва побежит домой.

— Это были просто разбойницы, — продолжила отговорки Лукреция. — Таких множество по всем дорогам.

— Если так, то мы ничего не теряем. На ярмарку успеваем. Переоденемся, помоемся. Продадите вы свои товары.

— Какой позор, — со вздохом произнесла Лукреция. Она тоже осталась в исподнем, а потом залезла в телегу и скинула обувь.

Я усмехнулся и потянулся за свёклой, после чего разрезал ножиком надвое.

— Не хватает мелочи, — произнёс я и начал тереть волшебнице половину лица овощем, отчего та стала пунцовой. Если не вглядываться в упор, то можно принять за ожог или большой свежий синяк.

— Убью, гадёныш, — процедила она, а когда Урсула запрыгнула в телегу и нависла надо мной, а потом произнесла: «Ты, юн спадин, тожа бы разделся», волшебница с изрядной долей злорадства потянулась за второй половиной овоща.

В общем, через пятнадцать минут я был чуть ли не до крови растёрт свёклой, с верёвкой на шее и в одних кальсонах. Волосы натёрты грязью вперемешку с небольшой толикой постного масла, а во рту кляп. И хорошо, что не мой носок.

Так мы и тронулись в путь.

Глава 19

Рыжая напасть

— Барбара, почему ты не воткнёшь нож в эту гиену? — спросил щуплый мужчина двух дюжин лет от роду. Он сидел на небольшой скамье за раскладным столиком и старательно затачивал небольшим ножичком перо синицы, которым собирался писать на тонком, почти прозрачном листочке бумаги. Ему приходилось щуриться, так как свет масляной лампы был тусклым и дёргающимся, да и сквозняк, прорывающийся с лёгким хлопаньем пологов палатки, не добавлял ровного сияния.

Женщина сильно закашлялась, отчего даже согнулась, а потом хрипло вдохнула и ответила.

— Не сейчас. Я чую серебро и золото.

— Ты всё быстрее идёшь к краю бездны. Кашель нехороший, — продолжил мужчина, поглядев на женщину исподлобья.

— Мне уже легче, — отмахнулась разбойница и села на тук с сеном, предназначенным для матраса. — И богини в свидетельницы, дюжину дюжин раз говорила не лезть в женские дела.

— Не стоит золото жизни. Тем более какое-то иллюзорное. Не проще ли заняться тем, чем раньше? — опустив голову и сдвиг мусор со стола, продолжил мужчина. Тонкие, но мозолистые руки пододвинули поближе лампу. Перо самым кончиком коснулась чернил.

— Джек, у этой суки где-то зарыт сундук с золотом, — со вздохом расстегнув шнуровку на платье, ответила Барбара. Разбойница откинулась на мешках с сеном и заложила руки за голову. — И я хочу его. К тому договор на крови. Я чту его. Да и Лидия скоро попадёт в дерьмо со своими хотениями. Даже слепому видно, что халумари настырнее муравьёв и раз вцепятся, больше не разожмут своих мелких зубов. И садиться голой задницей на муравейник — высшая глупость.

— Тебе-то что?

— Она рано или поздно сама будет умалять что-нибудь придумать. А я задеру цену до небес. Но придётся пока притворяться душой. Пусть влипнет.

— Почему всё в этом мире меряется серебром и золотом? — спросил мужчина, задумчиво поглядев на дрожащий язычок пламени.

— Воздухом сыт не будешь, Джек, — улыбнулась женщина. —

Воздух не оденешь в холод.

— Наденешь. Правильно будет — наденешь.

— Ай, Джек, — ухмыльнулась Барбара. — Это ты грамотный. А я родилась в трущобах. Я ножом прорезала путь по жизни. Кстати, помнишь, что писать?

— Да, — мужчина провёл пальцем по краю чернильницы и начал сухо говорить. — Джинджер, спасибо за требуху. Сорок монет должна буду. Дичь сильная, как и думала. Требуха в расходе. Заткни пасти недовольным. Задержи дичь до моего приезда. Наёмка обещает золото.

Произнеся слова, Джек поправил на столе заколку-маячок для почтового сокола и тонкий листок бумаги, который будет завёрнут в непромокаемую ткань и прикреплён к лапке быстрой птицы. А потом он ощутил тяжёлую руку на своём бедре. Грубая ладонь скользнула и остановилась на гульфике. Это Барбара села и подвинулась поближе.

— Иди ко мне, Джек.

— Нужно письмо написать, — сглотнул и с запинками проговорил мужчина.

— Обожаю тебя. Другие бы сразу из штанов выпрыгнули, а ты о деле говоришь. Иди ко мне, не улетит бумага...

* * *

Фургон с лёгким скрипом обитых железными полосками колёс катился вперёд, слегка раскачиваясь. Он порой наклонялся то в одну сторону, то в другую, а иногда колесо проваливалось в ямку, заставляя хвататься за борт. Вместе с фургоном текли и мысли.

«Система, — позвал я внутреннюю помощницу, едва заметно пошевелив губами, — боевой субрежим доступен?»

«Вы в фазе быстрого сна. Смена режимов запрещена».

«Ясно. Есть ли экстренная возможность перехода?»

«Доступ к публичностным техникам запрещён», — не изменив своего решения, отозвался синтетический ангел-хранитель, заставив меня недовольно вздохнуть.

«Вот убьют меня. Ты виновата будешь. Ищи решение защиты лунатика».

«Принято. Поиск решения, — отозвалась система и тут же выдала ответ. — Сбой высокоуровневых допусков. Поиск решения».

Я поглядел на едущую в повозке Лукрецию, которая была хмурая, как туча, а потом вскочившую на заднюю подножку

Катарину. В голове мелькнула мысль, что девушка находится в том же состоянии, что и я. Её сила тоже заперта. Воображение рисовало такую же божественную систему, которая талдычит, что нельзя перейти в боевой режим. Да и прочие ограничения жизни, при которых то нельзя и это нельзя, делали нас очень похожими. Ей запрещает устав храма. Мне наставление по прогрессорству. ОТ ощущения внутренней схожести тянуло к девушке, способной с лёгкостью перерезать горло неприятелю, но краснеющей от поцелуя в щеку и невинных обнимашек, ревнивую до ужаса и пытающуюся всем доказать, что вопреки клейму она человек, даже когда доказывать не надо. Я ведь тоже пытаюсь доказать всему миру и самому себе, что способен на большее.

К тому же боевая девушка с приятным лицом казалась эдаким кроссвордом, который интересно разгадывать. Та же тётя Урсула — проста до безобразия, обычная солдафонка из разряда «женщина-дембель». А что касается Лукреции, которая внешне куда эффектнее храмовницы, её меркантильность немного не по вкусу. Была у меня на Земле начинающая бизнес-леди. Вся в делах, и все разговоры только о делах. Постоянно строчила кучу сообщений, фитнес ради бизнеса, красота ради дела. Тяжело с ней было, действительно тяжело.

Эти мысли заставили меня улыбнуться.

Катарина поймала мой взгляд, приосанилась, поправила снаряжение.

«Система, аварийный маяк исправен?» — задал я новый вопрос, отвернувшись и поглядев на дорогу, где двигался встречный обоз.

«Запуск невозможен. Недостаточная мощность источника питания. Повышение мощности каталитической подсистемы питания может вызвать кому и инсульт».

«Причины?»

«Не установлены. Требуется расширенная диагностика в стационарных условиях».

Я скривился, поправил верёвку у себя на шее и поглядел появившийся встречный обоз, а заодно и на показавшуюся впереди деревушку. Действительно, очень скромную в размерах, и вряд ли её население больше ста человек. Зато два двухэтажных домика по обеим сторонам дороги, расположенных у самого въезда, явно были тавернами и по совместительству градообразующими предприятиями.

Расстояние до обоза сокращалось очень медленно. Наш тихоходный бычок, шумно облизывая свою розовую морду длинным языком, и ударяя хвостом с кисточкой по бокам, вообще никуда не спешил. Его философия жизни предельно проста —

сорвать травнику, медленно прожевать её и так же медленно добраться до тенёчка, где можно прилечь на траву и медитировать, созерцая мир большими глазами с пушистыми ресницами. Такие же неторопливые создания тянули четыре встречные телеги. Единственным исключением был небольшой телёнок, бегающий туда-сюда с задранным хвостом.

Я вглядывался в десяток женщин, ища подвох, но вряд ли они были тем неведомым неприятелем. А они бросали на нас равнодушные взгляды, означающие, что это всё в порядке вещей. Ну разумеется, даже на Земле рабство и крепостное право отменили относительно недавно, и хотя на северных территориях и то и другое в силу экономических причин не сильно развито, в более южных регионах торговля людьми процветает.

Вскоре обоз нас миновал. Мы въехали в эту деревушку. От таверн, похожих один в один на мотели для дальнобоев, было виден край реки. Берег уходил вниз, превращаясь в заросшую болотину, а противоположный был выше и на его срезе виднелась красная глина. Вспомнился краткий курс географии и геологии, из которого следует, что у Галипоса мы спустились на заиленный и поросший лесами древний разлом, который несколько тысяч лет назад, в местный ледниковый период, был большим болотом. Здесь противоположный край этой низменности. И грунтовые воды, выходя вдоль глиняных пластов, подпитывали топкую Яблоневую речку. Потому и дна у неё не было. Древняя бездна не высыхала.

— Эй! — раздался со стороны крик, — а кто за проезд платить будет?!

Я повернулся, увидев приближающихся к нам женщин. Десяток с копиями, десяток с арбалетами и длинными луками, наподобие английского лонгбоу. Две с дорожущими по местным меркам кремнёвыми мушкетами, спрятались за щитами прикрывающих их мечниц.

— Мафия, блин, — пробубнил я, сгорбившись и придав себе испуганный и измождённый вид. Пальцы легли на отворот нательного, под которым прятался пистолет.

К нам приближалась огненно-рыжая высокая девица. Красный плащ свисал до середины. На откиннутом капюшоне — длинная-длинная верхушка с меховым помпоном. Стёганка, из-под ворота которой торчал край кольчуги, расшита по краю толстыми цветными нитями. На голове только стальной ободок, словно ей и не нужна большая защита. Наплечники с чёрным узором. Огненные волосы собраны в конский хвост и подхвачены белой шёлковой лентой. А поверх стёганки — витой шнур красного и белого цветов, перехватывающий грудь. Он зрительно

подчёркивал её, как лайт версия корсета. Так же делали древние гречанки, разве что поверх туники, а не доспехов. На ногах — высокие сапоги с отвёрнутыми голенищами. За поясом три пистолета. Ножны холодного оружия тоже украшены узорами.

В руках эта модница держала два клинка. Увесистый палаш в правой и нечто похожее на укороченную рапиру в левой. Она ей явно заменяла парный кинжал.

— Эта-а-а, — заговорила Урсула, приподняв пустые руки, — мы-то цены не знаем. Ты эта... скажи.

— А мы сейчас посмотрим и посчитаем, — с улыбкой, похожей на оскал, ответила рыжая. Сходство усиливали весьма заметные клыки. Они были длиннее и острее человеческих. Эдакая вампирелла.

Девушка с зелёными глазами была чуть старше Катарины, но весьма самоуверенна. Она подошла поближе, закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— Странной травой вы намазались. Интересный запах.

— Эта... она дорого стоит. Может, как плату дать? — затараторила Урсула, как-то внезапно превратившись в большую наседку.

А я едва сдержал улыбку. Откупиться от мафии укропом. Кому расскажу, не поверят.

— Не спеши. Сказала же, посмотрим, оценим.

Девушка кивком головы указала на телегу, а когда Урсула стрельнула глазами на спрятанный у борта свёрток с двуручником, ухмыльнулась.

— Не дёргайся. Не успеешь.

«Выявлен повышенный уровень стресса, — как всегда, не вовремя вклинилась в ситуацию система. — Допустимо ли для снижения психического напряжения и придания самоуверенности низкоуровневая загрузка контента».

«Какого, к чёрту, контента?» — шевельнул я губами, глядя исподлобья на рыжую. В то время на телегу с шумом забралась женщина, одетая в дешёвую стёганку.

— Джинджер, здесь почти ничего нет. Мешки с какими-то овощами и барахло.

— Ищи лучше! — прикрикнула рыжая.

«Фрагменты периферических нейробаз», — произнесла система, пока бандитка ворошила наше имущество. Ещё одна держала поводья бычка, чтоб тот не тронулся с места.

«Делай что хочешь», — огрызнулся я. Эта тупая микросхема до сих пор думает, что я во сне. Сейчас какую-нибудь музыку для релакса запустит. Или закадровый смех.

«Принято. Ожидайте юстировки», — отозвалась система и

замолчала.

— Джинджер! В самом деле ничего!

— В бездну, — усмехнулась рыжая, а потом подошла поближе. Она самоуверенно поставила ногу на заднюю подножку телеги. — Но здесь есть кое-что действительно подороже. Правда, халумари?

Я поднял на неё глаза. Девушка самодовольно улыбалась.

— Ты думал, это глупое преставление меня обманет? Я считаю количество обозов, вышедших из Галлипоса. Так вот, за день только вы могли прибыть. Но вы быстро. Ночью шли?

Я кивнул, не отрицая очевидного.

— Ай, глазки, как льдинки, — цокнула языком девушка. — Жаль, что ни себе оставить, ни продать нельзя. Что же ты за дичь, что за тебя золото обещают?

Рыжая вытянула палаш, остриё которого застыло у моего горла.

За её спиной тихо зарычала Катарина, положив руку на рукоять своего фальшиона.

— Не дёргайся, сестрёнка! — даже не оборачиваясь, — повысила голос Джинджер. И ты, ведьма, тоже не дёргайся. Я отпущу вас, платой за проезд будет он.

Я медленно отвёл взгляд от клинка и поглядел по сторонам. Как поступят девушки? Солдатки удачи и приставленная ко мне магесса, самое логичное это оставить меня. Нет, не надо о таком думать, я только начал им верить. Лучше решить, как выпутаться из капкана. Расклад-то совсем не в нашу пользу. Это не боевые бомжи, напавшие на нас ранее. Это отряд профессиональных воинов. Даже если я пристрелю нескольких, остальные нашьпигуют всех стрелами. Катарина не справится с десятком копейщиков, а Лукреция слишком долго колдует. Нужно что-то делать, но что?

Голливуд мне в помощь!

— Ты не хочешь меня убивать? — тихо произнёс я, встав и скинув верёвку. И при этом искренне надеялся, что голос не дрогнул. — Тебе запретили убивать. А знаешь почему?

Рыжая бандитка, претендующая на титул «самый модный доспех года», перестала улыбаться. Она теперь глядела на меня, поджав губы, как обиженная кинодива.

— Я запомнил твоё лицо. А умерев, воскресну в своей обители и приду за тобой с ночными охотницами. И умрёшь уже ты. Навсегда.

Я как бы невзначай сунул руку за пазуху и нащупал пистолет. Есть шанс, что, если убью предводительницу, остальные разбегутся. И стрелять нужно через одежду.

— Не убедил, — со зловещей ухмылкой ответила рыжая. — Пока ты вернёшься, если вернёшься, я успею трижды спрятаться так, что даже демоны не сыщут.

— А если мы поторгуемся? — улыбнулся я. В голове созрело решение, и очень хотелось верить, что мои спутницы поймут его правильно.

— За твою жизнь? — ехидно спросила Джинджер, так, кажется, её звали.

— Нет. За твою, — ответил я.

— Ну ты и наглец, — покачала головой рыжая. — Нас больше, чем вас, в несколько раз. И руку вытащи из-под одежды, я успею всадить в тебя клинок раньше, чем достанешь свой ножичек.

— Ну да, — произнёс я и нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел.

Я думал, что с такого расстояния промахнуться невозможно, но промахнулся. Девушка неестественно вывернулась, как совсем недавно Катарина, когда уворачивалась от стрелы. Пуля прошла мимо.

«Юстировка», — быстро и не вовремя выпалила система. Не дожидаясь дальнейших слов, выстрелил снова. И попал. В левую руку. Она просто не ожидала, что мой пистолет может стрелять несколько раз подряд. Из раненой руки выпала шпага-коротыш, звякнув о борт телеги и упав мне под ноги.

Со стороны разбойниц с мушкетами тоже раздались выстрелы, но, видимо, они стреляли впопыхах, так как не попали. Свистнули мимо головы стрелы, хотя опытный лучник с тридцати шагов вряд ли промахнётся. Но всё же лонгбоу — это массовка по площади, и не всем быть робингудшами.

— Саскэ! — выкрикнула рыжая ругательство. В тот же миг я прыгнул прямо на неё, выхватив пистолет из-за пазухи и выстрелив ещё два раза, но под ноги. Мне она не нужна мёртвой. Удариться плечом в тяжёлую воительницу было больно, но, во-первых, она ранена, а во-вторых, рефлекторно отшатнулась от выстрелов. Благодаря этому смог толкнуть её прямо в руки Катаринины. Храмовница не подвела и тут же приставила к её горлу фальшион.

— Не дёргайся, сестрёнка. Оружие на землю, — со зловещей улыбкой процедила она, а потом выхватила второй рукой из-за пояса рыжей пистолет с кольцевым замком. Вспышка, хлопок, дым, и женщина, которая обыскивала телегу, упала на землю. — Все назад, иначе я ей башку отрежу, а потом перебью вас всех! — заорала она. — Я львиная гвардия!

Судя по всему, это слово не пустой звук, так как многие

неуверенно переглянулись. Но долго думать непростительно. Я повернулся к Лукреции и закричал.

— У мушкетёрок пороховые рога на поясе! Жги!

Волшебница, которая всё это время таращилась по сторонам с большими от страха глазами и побелевшими губами, судорожно вытянула перед собой руку с растопыренными пальцами.

— Пирамо!

В стороне грохнуло, раздались крики, смешанные с радостным воплем чародейки.

— У меня получилось! Получилось!

— Спрячься, дура, — рывкнула появившаяся рядом с ней Урсула. Она подскочила и вытащила свой двуручник. А глянув на вперёд увидел бандитку, которая удерживала бычка, слабо дёргающейся в пыли со свёрнутой шеей.

— Назад! Всё назад! — громко орала Катарина, а когда кто-то шевельнулся, выхватила ещё один пистолет. Снова грохот. И снова на дорогу упал труп.

— В телегу её! — закричал я, и Катарина буквально приподняла над землёй неприятельницу. — Урсула, гони к парому!

— Драная кошка! — выругалась рыжая. — Я тебе горло зубами перегрызу!

— Заткнись, блохастая шавка! — ударив кулаком по левой почке, ответила храмовница, словно они были знакомы и сильно недолюбливали друг друга.

— Я волчий дозор! Я тебя из-под земли найду по твоей воню!

— Заткнись, иначе убью!

В этот миг Урсула схватила кнут и со всей силы ударила. Бычок понёсся, задрал хвост. Я сел на мешок и несколько раз выстрелил назад. Нет, не для того, чтоб убить кого-то, а уподобившись ковбоям в голливудских вестернах. Грохот пистолета, в отличие от тихих луков, всегда заставляет человека пригнуться и попытаться спрятаться. А сбить с толку вражеских лучниц лучше всего именно так.

— Вам всё равно не уйти! Паромы на той стороне!

— А нам и не нужны паромы, — выдавил я, а в ушах нарастал треск. Датчик показывал признаки потустороннего. И судя по мощности сигнала, очень большого потустороннего.

До реки было совсем ничего. Я сразу, как вошли в село, заметил рыбацкую лодку, теперь осталось только перебраться на тот берег. Бычок громко замычал и затормозил перед самой водой, грязной от тины, и я схватил в охапку свои вещи и прыгнул. А ещё я прихватил короткую парную рапиру, которая выпала из руки рыжей. Когда я её ранил.

— Все в лодку! Чёрт с этим грузом! Пусть подавятся картошкой сами!

Все попрыгали. А Рыжая после пинка Катарины полетела в воду. Брызги достали нас всех.

— Су... Я тебя... тьфу. Сука! — орала, Джинджер, как бешеная, пытаюсь добраться до берега. Там всего-то два метра, но, видимо, дно действительно хреновое, раз бандитка никак не могла.

— Идемони, Иде...мони. Тьфу! — отплёвывая воду, начала кричать она. А мы прыгнули в лодку, надеясь, что так не перевернётся.

К берегу уже подбежали пособницы Джинджер. Я перезарядил пистолет, щелкунов затвором. Или мне кажется, или я стал лучше стрелять?

«Произведена дополнительная юстировка навыков стрельбы. Данные записаны в мозжечок», — тут же отозвалась система. Я не ответил. Я глядел. Как помощницы подбежали к рыжей. Одна даже соскользнула в воду по пояс, притягивая руку.

Кто-то прицелился из арбалета. Выстрелить не успели ни я, ни преследовательницы. Вода пошла волной, а потом над ней раскрылся огромный клюв, размером с капот легковушки.

— Идемони! Идемони! — орала рыжая. Клюв, принадлежащий громадной, поросшей водорослями черепахе, сомкнулся на самой большой добыче — на телёнке, утаскивая его в реку вместе с телегой. Преследователи с криками бросились от воды.

— Демон! — запричитала Урсула, быстро вода перед собой двумя перстами, словно листая страницы сайта на невидимом планшете. — Небесная пара, спаси и сохрани. Спаси и сохрани.

— Не качай лодку! — выкрикнула Катарина, которая быстро гребла на тот берег. — Демон кровь учуял. Они дурные до крови.

Я молча глядел на оставшийся после ушедшей твари мутный водоворот. А Лукреция села на дно лодки и зажала голову руками. Ей было страшно.

Всем сейчас было страшно. Зато мы живы. А ещё, они меня не бросили...

Глава 20

Усталое бегство

— Убью эту тварь, — рычала рыжая, сидя на табурете, нервно тряся ногой. — Зубами сердце вырву. На куски порежу.

— Успокойся, — протянула простуженная, скосив глаза на пропитанную кровью повязку, которой было перемотана рука волчицы, — выпей. Двудикая сегодня была на его стороне. Завтра всё может повернуться по-другому.

— В бездну выпивку! Меня одолел мужчина! Меня ты понимаешь?! — вскочила со своего места Джинджер. — Обидно, словно стручком в глаза ткнули.

— Это не просто мужчина. Это халумари. Они кусачие, как муравьи.

— Плевать! Я убью его!

— Ещё раз говорю, успокойся! — процедила Барбара, нависнув над рыжей. — Я знаю их цели, поэтому можем загнать дичь в новую ловушку. И его мало убить, его надо заживо в дерьмо втоптать. Ты со мной?

— А что твоя наёмка скажет?

— Плевать на неё. Я просто потребую больше денег. Ты же не против? — улыбнулась Барбара. — Деньги лишними не бывают.

Рыжая встала и провела ладонь по лицу.

— Я с тобой, поberi меня бездна.

* * *

— Что-то устала тётя Урсула.

Наёмница медленно опустилась на колени, а потом растегнула пряжку позаимствованного у волшебницы плаща. Тот оказался весь в дырках, а поддоспешник, поверх которого женщина ничего не одела, пропитан кровью.

Я быстро оглядел лесок, в котором мы притормозили. Благо, таких безымянных и похожих друг на друга клочков березняка с редкой травяной подстилкой и прохладной тенью было несметное число. А тем временем наёмница вялыми пальцами подцепила толстую ткань дырявой куртки за полы и потянула, обнажая спину. На загорелой, покрытой частыми белесыми шрамами коже красовались три небольших пореза, словно слегка ножиком ткнули, не глубже, чем на ноготь. Раны сейчас покрыты свежими запёкшимися корочками, но при каждом движении из-под них

вытекала ленивая красная капля. А вдоль левого бока поверх рёбер тянулась кровоточащая ссадина.

— Урсула? — произнёс я, вставая с земли. От долгого маршброска во рту до сих пор стоял привкус крови и кололо бок, попробуй за этими длинноногими дылдами угнаться. Даже раненая мечница, несмотря на то что всю дорогу двигалась, стиснув зубы от боли, взяла такой темп, что я едва ноги не переломал на кочках, камнях и палых ветках.

— Дырки криворукие, — пробубнила оставшаяся в длинных панталонах наёмница, приложив ладонь к ссадине и зашипев. — Чуть сиську не отстрелили.

Я невольно скосился на её грудь, уже далеко не девичью, но всё ещё не обвисшую. А когда глаза опустились ниже, то заметил по бокам живота растяжки, какие часто возникают у беременных. Вспомнилось, что она родила семерых.

— Стреляли наспех, к тому же боялись попасть в тебя, — пояснила Катарина, которая тоже тяжело дышала. Похоже, плюс к ловкости компенсировался минусом к выносливости. Но оно немудрено. Кошки, даже большие, не лучшие покорители дальних дистанций.

— Три раза из лука попали, едва пробили стёганку. Не смертельно, но больно, — продолжила девушка.

— Не больнее, чем рожать. — усмехнулась Урсула. А потом снова зашипела, притронувшись к боку. — Арбалетный болт прошёлся. Ещё чуть правее и не было бы тёти Урсулы. Это надо будет отметить.

Я упёрся вытянутой рукой о ствол берёзы, выдохнул и наклонился. Из сумки вытащил пакет вышивальщика, в котором имелась аптечка. Сейчас Урсуле нужно вколоть антибиотики и зашить раны.

— Система, достань из кэша инструкцию первой помощи, — произнёс я вслух и сразу скривился. Глупо получилось.

«Раздел?»

«Никого я не раздевал», — одними губами прошевелил я, огрызнувшись на цифровую помощницу.

«Фраза не распознана», — сразу пожаловалась система.

«Раздел хирургия. Инструкция по зашиванию ран».

«Приготовьте перчатки, кривую сшивающую иглу, шёлковые нитки, ватные тампоны, обезболивающее, спирт для дезинфекции, физраствор для промывки места ранения».

Я вздохнул и разорвал пакет, стараясь, чтоб содержимое не пало на траву. Нам один раз показывали на занятиях, как это делается, и неуверен, что правильно смогу, но деталь нечего. В открытые раны наёмницы может попасть зараза.

— Урсула, потерпи немного, — произнёс я и сел рядом, распаковывая перчатки. Но один не справлюсь, нужна помощь, чтоб раны держать, пока шью. Блин, как её шить-то? Крестиком? Приуныв от таких мыслей, я быстро огляделся. Лукреция стояла у кустов. Её тошнило. Ещё бы, торговка артефактами престо не привыкла бегать. В обморок бы не упала, я ведь не утащу. Она хоть и выглядит более хрупкой, чем остальные спутницы, но всяко больше меня за счёт только одного роста. Метр девяносто сексуальности. На Земле запросто бы актрисой или фотомodelью стала. Но сейчас это заблёванная фотомodelь. Остаётся только храмовница.

— Катарина, — позвал я девушку и протянул перчатки. — Помоги.

— Может, не надо. Злые духи только и ждут, чтоб начать портить плоть. Чёрная гниль начнётся. Лучше само заживёт.

— Поверь мне, — произнёс я и достал флакон. Колпачок слетел, и запахло чистым спиртом.

— Тонкие, — произнесла Катарина, разглядывая латексные перчатки. — Из кишки сделаны или бычьего пузыря?

— Потом расскажу, — насутился и тихо ответил я, налив спирта на ватный диск. — Урсула, будет больно.

Когда диск коснулся первой раны, наёмница молча дёрнулась и напрягла отнюдь не женские мышцы. Я думаю, что она при должном умении вполне уделает спортсмена-тяжеловеса. Удар наверняка больше сотник кило. А может, и нет. Размах плеч всё же не мужской.

Я говорил вслух, повторяя фразы, которые мне шептала система, и шил. Постоянно боялся ошибиться. Но вскоре приналовчился, делая на одну рану по три шва, так как они были недлинными — по ширине самого кончика стрелы. Но старался так, что думал, губу прикушу и её тоже зашивать придётся.

В какой-то момент посередине операции тяжело дышащая Урсула обернулась.

— Юн спадин, долго ещё? Больно.

— Да твою мать, — выругался я по-русски, так как скользкая от крови игла чуть не упала в траву. — Сиди не дёргайся, — продолжил ругаться уже на местном, — а то лопатки пришью друг к другу!

А у самого тряслись руки от страха накосячить, ведь в первый раз штопал человека.

В самом конце поверх швов прилепил водонепроницаемый пластырь и вколол ударную дозу антибиотика, корову вылечить хватит.

— Всё, — выдохнул я и упал на спину, прижимая к себе

аптечку. Рядом легла Катарина. Она вытянула верх руки в перчатках и глядела на них, погрузившись в какую-то медитацию.

— А ты голову пришить сможешь? — тихо спросила она через минуту, уронив руки вдоль тела.

— Я же не хирург, — усмехнулся я. — Я так, только чуть-чуть умею.

— Хурук? — повторила девушка непривычное для неё слово. — Наши целительницы тоже заживляют раны, но не так. Лукреция, — позвала она волшебницу, — ты раны целить умеешь?

— Только. Кровь. Остановить, — чуть ли не по слогам ответила магесса, держась руками за живот. Она подошла к нам и тоже легла на траву, у неё на глазах виднелись подсыхающие слезинки, скорее всего, оттого что тошнило не по-детски. Все очень устали. Все выжаты досуха. А ещё у нас не осталось еды и воды.

— Уходить нужно. — произнесла Катарине и пояснила. — Та рыжая такая же запечатанная, как и я. И она из волчьего дозора. Она создана идти по следу. И непременно это сделает.

— Нужно пройти по краю Ганивилля, — согласился я. — Они будут думать, что мы убежим вдоль реки. Там как раз тропинка идёт. Самый лёгкий путь.

— Она по запаху пойдёт, как зверь, — покачала головой Катарина. — И в Ганвилле у неё свои доноски. Сразу побегут пищать на ухо.

— Тогда сбить запах, — ответил я, приподняв голову. — И пустить по ложному следу.

Катарина негромко засмеялась.

— Юрий, порой ты умный, как будто тебе в самом деле триста лет, а порой глупее ребёнка. Она же волчий дозор. Её с детства учили разыскивать жертву по следу.

Я вздохнул и прикрыл глаза, а потом почувствовал, как кто-то начал рыться в моей сумке. Но что-то возражать и ругаться было попросту лень.

— Эта... юн спадин. — послышался голос Урсулы. А где у тебя фляга с тем зельем? Крепким вином пахнет. Должно быть вкусным.

Не успел огрызнуться, мол, это моё, как раздался радостный голос: «Нашла». А когда открыл глаза, увидел наёмницу, которая залпом опрокинула флакон с чистым спиртом себе в рот. Она сразу закашлялась и начала стучать себе кулаком по груди.

Я поспешил отвернуться, так как мелькнула мысль, что слишком долго без женщины, и даже эта ветеранка боёв сорока пяти лет от роду, заклеенная пластырем, как ёжики после

Камасутры, заставляет таращиться на сиськи.

— Ох и горлодёрка, — выдавила из себя наконец Урсула и глубоко вздохнула. — Как вы такое пьёте? Глотки дубовые?

Я не стал говорить, что сие не для питья, а сугубо для медицины. Вряд ли поймёт. Зато высказал другую мысль.

— А можно самим запах сбить, а куски ношенных тряпок пустить с кем-то другим?

— Да кто же согласится наше тряпье нести? — улыбнулась снова Катарина. — Не на зайца же портянки мотать.

— Ну а если на нечисть?

Я ожидал нового приступа смеха, но вместо этого, они вытаращились на меня, как на умалишённого.

— А что? — пожал я плечами. — Чем не обманка? Тем же потеряйцам дать кусок ткани, они с ним полсвета пройдут.

— Глупый-глупый халумари, — состроив жалостливое лицо, произнесла Катарина. Она глядела на меня как на человека, которому слишком сильно стрясли черепушку, и теперь тот бредит. Казалось, сложит пальцы в символ Небесной Пары и проведёт ими по моей физиономии, дабы бесов изгнать.

— Он дело говорит, — вдруг заговорила волшебница тихим голосом. — Пять миль отсюда Лага Роха — Красное Озеро. Нечисть там всегда в дюжих числах. В нём можно смыть с себя вонь, оставить вещи потеряйцам, намазаться золой, чтоб сбить свой запах и уйти перед рассветом.

— Опять идти? — ухмыльнулся я. — А поближе нет ничего? Здесь же куда ни плюнь проклятые места.

— На Лаге Бланке — Белом Озере — нас самих сожрут. В Бранце Нерхе — Чёртом Овраге — тоже таври опасные, это все знают, даже малые дети, а на Лаге Рохе я даже ночевала в молодости. Там на берегу только докучающая мелочь. Там ведь инфант.

— Решено, — произнёс я и встал, оставив непонятное слово на потом, — в проклятых местах нас будут искать в последнюю очередь. Будем двигаться от одного к другому. Если получится, завяжу на горле потеряйца свою грязную портянку.

Все нехотя поднялись с земли и подняли сумки с вещами. Местные мили сильно различались между собой от региона к региону, так понятий о стандартизации ещё небыли. Так северная миля самая длинная и равна девяти тысячам метров, Галлипоская, она же соляная миля — тысяча четыреста метров. Столичная миля — на пятьдесят метров длиннее. А вот миля магистрата равна тысяче шестистам местам. Поэтому уместнее было бы уточнить, пять каких миль до Красного Озера.

Идти решили краем леса. В открытом поле трава слишком

высокая, в середине рощи — завалы из веток, а на краю хоть на велосипеде ехать можно, главное — в овражки не свалиться.

Но сначала нужно было сделать ещё одну вещь.

— Щас мы ей нюх отобьём, — пробурчал я и достал пакет со специями. Всю разню по ним легко нас найти. Укроп, перец, лавровый лист. Всё это мигом оказалось на земле, брошенное по ветру, благо, лёгкий ветер отнёс это всё как раз в сторону тропинки, что тянулась вдоль илистой реки.

Следом я достал единственный имеющийся у меня полиэтиленовый пакет. В нём мне когда-то выдали одежду местного образца, требовалось его выкинуть, но я на всякий случай скомкал и сложил в сумку, понадеявшись на русский авось. Авось и пригодился.

— Катарина, пистолеты и пороховницы.

Девушка уже смекнула, что к чему, и быстро сунула оружие и запас пороха в пакет. По при этом небольшую щепотку высыпала на лист лопуха и так же развеяла по ветру.

А потом все дружно поглядели на Лукрецию. Волшебница, только-только отошедшая от тошнотиков, прикрыла платком рот и непонимающе глядела на нас в ответ.

— Духи, — произнёс я и вытянул ладонь.

— За них золотом плачено, — тихо произнесла она, но всё же достала небольшой флакон из зелёного стекла. А когда я начал выливать пахнущий розами парфюм на ствол ближайшей берёзы. При этом взгляд у Лукреции был, как у рыбака, который утопил под лёд машину. Вроде и жалко, но и вылезти успел, пока не провалилась.

Флакон я кинул в рощу.

— Зачем? — спросила магесса, проводив глазами склянку. — Мы же там пойдём. Дорогу им покажем.

— Наоборот, они будут думать, что мы следы запутываем.

— Но следы всё равно останутся.

— Здесь их очень много, — покачал головой я, — местные всю округу вытоптали в поисках хвороста, грибов и ягод. Тропинка утоптанная, в роще несколько тропинок.

К тому же я кинул в сторону Ганивилля.

Вот так мы и тронулись, голодные, побитые, усталые.

На ходу я подобрал насколько кисточек спелой костяники, пожалев, что в отличие от животных, растения здесь средней полосы. Но с другой стороны, львы в Европе тоже водились когда-то, пока их не перебили доблестные рыцари, да и короткошёрстные мамонты тоже не тропические скотины.

Всё так же на ходу возник ещё один вопрос. Какого чёрта я взял тот клинок, что обронила рыжая разбойница?

«Система, в кэше есть информация о применении холодного оружия?»

«Информация ограничена классификацией».

Я задумался. Сперва думал, что моя цифровая помощница совершенно бесполезна, но после недавней стычки, она показала и положительные моменты. Показала, что не всё потеряно.

«Система, если я добуду информацию о приёмах и способах применения оружия, сможешь провести дополнительную юстировку?»

«Да», — коротко ответила она, а я задумался о том, как её ещё можно использовать. Понятное дело, что юстировка — часть комплекса «берсерк». А это значит, что, не включая субличность, можно использовать отдельные процедуры.

«Система, перечень функций, активизируемых в ходе применения субличности берсерк».

«Юстировка. Тактический анализ. Гормональный контроль».

Так, с юстировкой всё ясно, она повалывает во много раз ускорить закрепление моторных функций, а остальное? Нам рассказывали вскользь обо всём. Но при этом запретили вмешиваться в работу, поэтому информация не задержалась в голове. А сейчас нужно просто обновить.

«Система, Параметры доступного тактического анализа».

«Тактический анализ недоступен. Недостаточно места в кэше для работы эвристических программ. Запись в основную память невозможна. Ошибка подсистемы».

«Система. Параметры гормонального контроля».

«Гормональный контроль позволяет кратковременно изменить гормональный фон. Наиболее часто применяемые гормоны: адреналин, тестостерон. Использование эндорфина и серотонина категорически запрещено на аппаратном уровне».

Я усмехнулся. Рассказывали, когда включивший эти гормоны оператор умер от голода в трёх шагах от полного холодильника. Он валялся на диване в бесконечном экстазе, как наркоман под дурманящей капельницей. Значит, можно привести организм в боеготовое состояние и применять юстировку для изучения новых боевых навыков. Глаза сами собой скользнули по шот-рапире, как я её назвал. В паре с пистолетом она должна быть вполне эффективна. Тогда надо натренироваться стрелять с левой, а клинок держать правой руке. И ориентироваться в первую очередь на скорость, так как тягаться силой с местными барышнями я попросту неспособен. Да и руки у них подлиннее будут.

— Катарина, — позвал я храмовницу, когда отошли от места нашего первого привала где-то на три километра, — а как рыжая от пули увернулась? Это же невозможно.

— Она услышала, как ты курок взводишь, — тяжело дыша ответила девушка. Да, не созданы львицы для марш-бросков. Их удел — это резкий сокрушительный рывок на короткой дистанции. Желательно из засады.

— Это не курок, — пробурчал я. — Это предохранитель.

— Перта... харинтель? — попыталась повторить Катарина незнакомое для неё русское слово. Но вышло это столь коряво, что я улыбнулся.

В животе урчало. Мои модные туфли-пулены окончательно развалились, превратившись в драные тапки без носов. В дырки попадали травинки, палые листья и мелкие камушки. Такими темпами мозоли будут обеспечены. Небесная пара встал в зенит и от этого было душно. А когда переходили от лесочка к лесочку, то спину жарило как на гриле. Вся одежда пропиталась потом, от которого уже выступила соль. Губы потрескались. Нос забивал запах степных и лесных трав, перемешанный с пылью. Одна радость, какое-то время мы шли в пологий подъём, а сейчас, наоборот, спускались.

— Жрать, — протянул я, глядя перед собой. Казалось, этому пути не будет конца. Как я сейчас был благодарен ротному, который по сорочке гонял нас каждое утро по пять километров по полной выкладке.

— Я хочу сырную похлёбку, — с нотками лёгкой досады продолжила мою мысль Лукреция. Волшебница шла, придерживая подол платья. Но всё равно оно уже успело порваться.

— А я мяса на углях, — подхватила марафон Катарина. — Его надрезать и в щёлочки лук с чесноком напихать, а ещё лучше в пиве вымочить.

— Не умеете вы отдыхать, — приободрившись, повысила голос Урсула, а я настроился выслушать байку. И та не заставила себя долго ждать. — Помню, с подружайками в юности гулёны были. Наденем платье короткое, подол на два пальца ниже дырки, и по кабакам. Я всегда заходила и с порога была по роже вышибалу. Если одолею, свиная ножка и кувшин пива за её счёт. Только два раза меня выкидывали. А один раз помню, так нажралась, что замужлась.

Я усмехнулся. Замужиться — это слово «жениться» шиворот-навыворот.

— Значит, слушайте, просыпаюсь я на полу в каком-то доме, голова с похмелья трещит. Надо мной склонились какие-то люди. И паренёк такой весь ладный и в чём мать родила рядом. Тоже без чувств, зато с бутылкой в руках. Значит, понимаю, что пинать будут, поскольку нашу кузнечиху узнала. И тут я как квакну, мол,

руки и сердца вашего сына просить хочу. А в ответ, мол, смотри не передумай, а то челюсть после кузнечного молота год не заживает, и всю жизнь потом шепелявить, никакая волшебница не исправит. Ну, моя челюсть мне дорога, да и кузнечонок недурной собой. На следующий день к алтарю небесной пары, даже приданого не дали. Да и бездна с ним, я и так жизнью довольна.

Урсула ещё много рассказывала, а мы шли и шли.

Один раз что-то упало с неба в траву, а когда я пригляделся, то увидел нечто с крыльями летучей мыши, мордой ящерицы, когтистыми лапами и длинным хвостом с неким подобием плавника на кончике. Я даже загляделся, а тварь в ответ распахнула розовую пасть и зашипела, придавив собой крупного зайца, которым не хотела делиться. А крылья в размахе метра полтора — два будут, как у крупного орла. Само создание не тяжелей десяти килограммов, наверное. У летающих существ всегда вес меньше, чем внешне кажется.

— Это дракон-падун, — пояснила Катарина. — Они южнее чаще встречаются. Здесь им холодно.

Я разглядывал создание до тех пор, пока оно не взлетело, унося добычу. Окрас был интересный, как у земных истребителей. Чешуя на спине буро-зелёная в тёмную полоску, а брюхо и крылья — светло-серые, даже серебристые, как у карася. Такой камуфляж и на фоне неба и в траве спрячет. Зато потом будет что рассказать — живого дракона в естественной среде видел.

Небесная пара уже приближалась к закатной стороне неба, когда запахло водой. А вскоре показалось озеро. В поперечнике оно около ста метров было, и вода в нём действительно красноватая. Наверное, грунтовые воды выносят соединения железа. Во всяком случае оно окружено густым кольцом камышей. И если спуститься полого холма и подойти поближе, видно воды не будет.

— Лага Роха, — с каким-то странным воодушевлением произнесла Лукреция.

— А там рыба сеть? — тут же спросил я, чувствуя, как живот начал прилипать к позвоночнику.

— Караси, пятнистые сомики, брызгуны и многопёры. Но у нас снастей нет, — тоскливо ответила волшебница.

— Девушки, — улыбнулся я, — вы обо мне плохо думаете. Всё есть. Через часик жареной рыбкой будем баловаться.

— А дым? — нахмурилась Катарина. — Он на дюжие мили будет нюхца.

— Так сомиков можно сырыми, — облизнув губы, вставила слово Урсула, на что Катарина облизнулась и вздохнула, волшебница брезгливо поморщилась. — И брызгунов тоже, —

продолжила Урсула. — Чуток солью присыпать, и всё. А соль-то есть?

Если честно, я не совсем представлял рыб, о которых они говорили, но если здесь африканские животные, то и рыбы могут быть тоже адаптацией тропических. Даже пиранью карасём обозвать могут, а уж наши переводчики в воду точно не лезли, чтоб пощупать местного караса.

— Запах дыма здесь не удивителен, — произнесла Лукреция. Она шла, вглядываясь в зелёное кольцо, окружающее красноватую воду. По мере того как Небесная Пара приближалась к горизонту, та всё больше начинала походить на кровь. Даже немного жутко — целое озеро крови. Наверняка местные слагают об этом месте легенды и пугают детей чудовищем. А чудовище там водилось, так как датчик начал трещать, и чем ближе, тем сильнее.

Все замолчали и в молчании подошли к озеру. Сразу бросились в глаза давно погасшее свежее кострище, протоптанный сквозь камыши подход к воде и небольшой столбик с резьбой. Все они в сущности повторяли уже виденные руны божеств, но среди них выделялась вполне читаемая надпись «Инфант да Лага Роха». На столб навешаны разноцветные шнуры и бусы со стекляшками и ракушками.

Мои спутницы по очереди прикоснулись к рассохшемуся дереву, а потом вдруг странно переглянулись.

— Я первая! — выкрикнула Урсула и женщины быстро подошли к воде. Там они остановились у самой кромки и опустили на колени. Я подошёл поближе, остановился за их спинами и поглядел на само озеро. Розовая вода оказалась прозрачной, как подкрашенное стекло, и очень чистой. На дне было видно каждую песчинку, каждый стебель камыша, каждого малька, выглядывающего из прибрежных зарослей. А само дно очень пологое, наверняка на середине озера не глубже человеческого роста, но до него идти полсотни метров.

— Может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит? — тихо спросил я, понимая, что это какой-то ритуал, но вот какой?

— Инфант, — прошептала Лукреция и как-то томно вздохнула. — Верни всю пролитую кровь. Помоги вернуться. Не прогоняй.

Волшебница с тихим всплеском опустила в воду ладони, уперев их в дно и поклонилась, едва-едва коснувшись лбом воды. Густые чёрные волосы водопадом упали на тихо колышущуюся гладь и сразу намокли.

— Инфант, — прошептала Катарина, повторив за магессой движения, — дай сил удержаться. Не прогоняй.

— Инфант, — вопреки воплю «я первая» Урсула плюхнулась

последняя, — верни всю пролитую кровь. Исцели раны. Не прогоняй.

Пока женщины медитируют, надо что-то придумать.

— Кто такой инфант?

— Инфант это инфант, — ответила мне волшебница, не поднимая головы.

— Как он выглядит? Кто-нибудь его видел раньше? — переспросил я и в это же время достал из набора вышивальщика коротенькую удочку и пластиковые шарики-наживки с ароматом креветки и стянул с себя ботинки и проклятые полосатые мужские чулки.

— Я видела, — ответила волшебница пятнадцать лет назад. — Он не терпит шума. И не терпит наглецов, которые докучают ему.

Треск датчика держался на одном и том же уровне, слово чудище спит. Помнится, перед атакой монстра из Яблочной Реки, от свиста и писка чуть не оглох. Значит, и сейчас система предупредит, а шанс сдохнуть от голода куда более страшен, нежели быть съеденным самому. К тому же в такой воде ни один крокодил незамеченным не подберётся.

— Инфант, дай рыбу. Жрать хочу, — пробормотал я, дожидаясь, пока барышни намолятся.

— Саске, — пробурчала волшебница, когда подняла голову и поглядела на меня с такой укоризной, словно я ей в суп плюнул.

— Ха-лу-ма-ри, — со вздохом протянула Катарина, мол, что с дурака взять, а вот сами дуры. Нужно было о еде думать. А не о молитвах. Жди теперь, мучаюсь.

— Эта... юн спадин, в воду заходить можно только после заката. И писать в неё не вздумай.

Я хотел уже было что-нибудь ответить, но в этот момент на середине озера с громким всплеском подняла круги большая рыба. Будь это сом, то я бы сказал, что он килограмм на двадцать, если не больше.

— Ух-ты, — выдохнул я. Вытащить такого не получится, леску порвёт, как паутинку. — Вот что просить надо, — усмехнулся я. — Чем проще просьба, тем легче исполнить. А то без еды мы от погони не уйдём.

Я вздохнул. Нужно ещё костёр разжечь, а ближайшая роща в ста метрах от воды стоит, словно стесняется таких вот дур. И ещё воды нафильтровать надо, пить-то тоже хочется.

— Интересно, поймается что-нибудь? — произнёс я, потрогав руками поплавок.

— А ты попроси, — раздался за спиной незнакомый голос...

Глава 21

Кровавое озеро

Глава магистрата сидела на широкой, хорошо освещённой лоджии. Тёплый ветер шевелил воткнутые в держательницы писчие перья. Лебединые, утиные, воробьиные и прочие. Из них только пышные чёрно-белые страусиные никогда не применялись, ибо были украшением стола. Вместе с большой золотой чернильницей, песочными часами и золотым подсвечником на пять свечей, они создавали вид бесконечно занятой особы, а дополнял образ нарочито небрежно лежащий на столе чистый свиток.

Рядом с секретером — небольшой резной столик с кубком, кувшином и подносом с грушами и вишней.

Украшенная мрамором и гипсовой лепниной лоджия располагалась на третьем этаже пятиэтажной башни и была любимым местом архимагессы. Здесь она отдыхала и здесь же принимала решения. Здесь она вела переписку с воздыхателями и политическими оппонентами. И здесь она хранила любимые вещи, свои личные сокровища, собранные за долгую жизнь. Вот и сейчас она глядела на кран упакованные коробки, оставленные главой посольства халумари. Даже не сменила предназначенное для важных случаев пурпурное платье, украшенное жемчугом и серебряной вышивкой, с длинным подолом, белыми подрукавниками и глубоким декольте.

— Шон! — громко позвала она и подняла со стола серебряный колокольчик. — Шон! Где ты, бездельник?!

Вскоре раздалися шаги, но вошёл не паж, начальница стражи. Старая Прачка была одета в зелёное охотничье платье и чёрный плащ длиной до поясницы. На толстой кожаной перчатке сидел сокол. Не почтовый, охотничий. Вслед за женщиной влетел щуплый мужчинка в богато расшитом жёлтой нитью синем жилете. Короткие штаны-кулоты, рубаха и чулки были белыми. А вот кружева на рукавах, пышный бант, завязанный на шее, и тесьма на подколенных завязках — розовые. Заканчивали его образ красные остроносые пулены с подкованным каблуками и серебряными пряжками, пурпурный берет с большим белым пером и такой же пурпурный коротки плащик, доходящий по длине только до локтей и накинутый только на левое плечо. Щёголь бежал вслед за воительницей и держался за ухо.

— Ваше Могущество, я был против! Я говорил, что вы заняты!

— Пшёл прочь, собачонка! — огрызнулась на него Прачка.

— Ваше Могущество! — продолжал канючить паж, цокая подковами на туфлях.

Архимагесса вздохнула и хлопнула в ладони.

— Хватит! Шон, принеси мятно-лимонный отвар, — мягко произнесла главная волшебница.

— Слышь, собачонка, жжёнки с колбаской, — остановившись, произнесла начальница стражи. Она шумно выдохнула, дёрнула за шнуровку плаща и подошла к креслу.

— Это мой слуга! — властно повысила голос архимагесса.

— Это мой стул! И я не разрешала садиться!

Старая Прачка скривилась, словно захотела сплюнуть, и закатила глаза, но потом всё же поклонилась, символически притронувшись свободной рукой к подолу короткого охотничьего платья.

— С вашего позволения.

Архимагесса улыбнулась и кивнула в ответ.

— Да, Шон, отвара и жжёнки. Ступай. Моя дорогая, присаживайся.

Но начальница стражи поглядела на стул ядовитым взглядом и осталась стоять, а паж быстро поклонился и убежал, всё так же держась за ухо.

— Забавная вещь, — произнесла глава магистрата, показала на украшенную чёрными и белыми квадратами доску, лежащую рядом с подносом на фруктовом столике. На доске стояли затейливые чёрные и белые фигурки. — Эта игра у них называется «шакмата». Это игра для умных. Игра о политике.

— Мне больше понравились игральные кости с точками, усмехнулась начальница стражи.

— Каждому своё, снова улыбнулась глава магистрата. — С чем пожаловала?

— Кто-то перехватывает наших соколов. Из шести долетает только один.

— Халумари? — нахмурившись, уточнила волшебница. Она обернулась и поглядела на виднеющийся с лоджии, расположенный за лесом городок. Городок, за которым находилась обитель полупризраков.

— Нет. У них та же беда, и они думают на нас.

— Королева?

— Не знаю, — покачала головой начальница охраны.

Архимагесса опустила взгляд и задумчиво потёрла пальцами переносицу. Ей не нравилось это. Бить соколов магистрата — это неслыханная дерзость. К тому же важная переписка могла попасть не в те руки.

— Что-нибудь ещё?

— Да. На одного из халумари недалеко от Ганивилля было сделано нападение. Доноски говорят, что было использовано волшебство. Отряду удалось пробиться к переправе и исчезнуть.

— Откуда там халумари? В Ганивилле их не должно быть!

Начальница стражи пожала плечами и взяла со стола грушу. И только откусив, замялась и пробурчала:

— Можно?

Архимагесса покачала головой и вздохнула.

— Тебя манерам только бездна научит, — волшебница замолчала, когда в зал вошёл паж с двумя серебряными кувшинами. Нет, замолчала не потому, что не доверяла, просто ей нужен был повод обдумать слова. Когда же кувшины оказались на столе, глава магистрата легко взмахнула рукой, заставив Шона удалиться, а потом продолжила. — За сбитыми соколами и нападением могут стоять одни и те же люди. И мне это не нравится. Отправь кого-нибудь разузнать всё поподробнее...

* * *

— А ты попроси, — раздался сзади незнакомый голос, заставив меня спину похолодеть, а волосы встать дыбом. Ведь никого же не было рядом.

Я быстро обернулся, потянувшись рукой за пистолетом. Кажется, даже дома буду ходить с кобурой и травматом, после таких-то неожиданностей. Сердце билось, как бешеное. Палец дрожал на предохранителе. И только через силу получилось сдержаться, так как передо мной не разбойницы, не сумасшедшие фанатички, а паренёк лет пятнадцати — шестнадцати, одетый в нечто похожее на римскую тунику нежно-розового цвета, подпоясанную алым шнуром. Лицо настолько правильное, что казалось, юнец — это ожившее творение Леонардо да Винчи или античных скульпторов. Тёмные курчавые волосы густой шапкой, ровный нос, лёгкая улыбка тонких губ. Телосложение очень тонкое, как у только-только вытянувшегося подростка, плечи неширокие, таз тоже узкий. Но сам не тощий, а жилистый.

— Инфант, — слышался сзади восхищённый шёпот, и я нахмурился. Что-то не походит этот тип на ребёнка, разве что в этом мире слово имеет более широкое значение. Вот, например, в Испании на Земле инфантами звали ненаследных отпрысков короля или герцога, тогда как принцем именовался только первенец. Собственно, слово принц и произошло от латинского «принцепс», то есть первый господин. Но что значит инфант на

этих землях, не знаю.

Мы долго стояли и разглядывали друг друга, он с улыбкой Джоконды, и я, сверлящий его взглядом и сжимающий рукоять пистолета.

— Обычно меня просят о мудрости, о богатстве, о терпении. Но за тысячу лет ещё никто не просил рыбу, — первым нарушил молчание юноша и наклонил голову набок.

— Ты кто? — тихо спросил я. Как-то не верил в тысячу лет. Этот розовый фламинго, дитя заката, наверное, строит из себя пророка.

— Нет. Это ты кто, путник? — перестал улыбаться юнец и повысил голос. — На тебе нет клейма Изохеллы. На всех старцах, мужах, отроках и мальчиках, что видел, оно есть. Но не на тебе. Кто ты?!

Я пожал плечами, не зная, что ответить.

— Человек.

Юнец опустил глаза и задумчиво закусил губу и начал перебирать пальцами левой руки, которую приподнял. Он словно касался струн невидимой арфы, играя слышимую только ему мелодию. Во время нашего скупого разговора небо быстро темнело, и мне не хотелось опять остаться без еды, так как ночью поплавка не видно. И этот глупый разговор тоже не нравился. Но больше всего не нравилось, что кожа его левой руки заделалась ярко-красной, словно варёный рак, и потекла. Плоть провисала и собиралась крупными каплями, как расплавленная пластмасса. Обнажились кости. А он всё так же задумчиво шевелил рукой, будто не замечал преобразования.

Сзади тихо охнули, но кто именно из моих спутниц, я не понял, самому было жутковато. Особенно когда красная блестящая масса, стекающая с кончиков пальцев, вдруг приобрела вид длинных и острых когтей, которым и медведь позавидует, а на оголившихся костях показались ошмётки ссохшейся кожи, как на мумии. И при этом потусторонний юноша всё хмурился и изображал мыслительную деятельность.

— Так ты рождён не под светом Небесной Пары? — вдруг вскинул он брови, а когтистая лапа сжалась в кулак.

Я легонько кивнул и ляпнул заезженную на Земле шутку, которая показалась вполне уместной в подобной ситуации.

— А ты божество? Тоже неплохо.

— Может, мне стоит убить чужака? Вырвать душу и утопить в озере, — пропустил мимо ушей мои слова юноша, заставив напрячься ещё сильнее. За моей спиной послышался тихий шелест медленно вынимаемого из ножен клинка, а за ним последовал взволнованный шёпот Лукреции.

— Катарина, не надо. Он же бессмертный.

— Плевать.

— Катарина, он разорвёт тебя в клочья.

— Тебе-то что? — вполголоса огрызнулась храмовница, — Отойди в сторонку, если боишься кровью испачкаться.

— Эта, юн спадин, пожалста, не зли его. Не одолеем, — прошептала и шмыгнула носом Урсула.

Кто-то из женщин нервно сглотнул.

А я щёлкнул предохранителем. Хотя бы один выстрел должен успеть сделать, если этот кровавый терминатор бросится. Хотя бы один. А там сработает аварийный маяк, и тварь сотрут с лица Земли, или, вернее, с личика Реверса, вакуумными бомбами. Хотелось на это надеяться. Очень хотелось.

Все замолчали, и тишина звенела вместе со сталью клинка. Тишина билась вместе с наполненными до предела адреналином сердцами. Тишина тяжело дышала и готова была умереть, потому что на бегство уже не было ни сил и ни желания.

Инфант бросил взгляд мне за спину и улыбнулся. Его красная плоть быстро потекла обратно, снова став обычной рукой.

— Ты прав, — заговорил он, глядя мне в глаза. — Я инфант Красного Озера. Рождён в нём, и им же повелеваю.

Понятно, подумалось мне. Это местный аналог Владычицы Озера из легенд о короле Артуре, только с гендерным реверсом. Может, вместо рыбы Экскалибур попросить? Но, с другой стороны, я не королева и не рыцарша, не отдаст. Стопудово замотит, пафосная скотина. Зато понял, каков идеал красоты у местных мужчин, и на него не тяну. У меня плечи широковаты, волос на теле многогато, и щетина. Но с этим как-нибудь справлюсь, тем более дома с пивом и джойстиком в руках.

— Так что насчёт рыбы? — тихо спросил я, пытаюсь унять дрожащий голос.

Юноша улыбнулся и заговорил, но не о моей просьбе.

— Что ты ищешь под светом Небесной Пары?

— Мы пришли с миром, — ответил я заезженной уставной фразой. Совершенно не хотелось пускаться в дебри вызубренной легенды. Опять о целях и задачах прогрессорства. О светлой дружбе народов.

— Я спросил, что лично ты, человек, рождённый под другим светом, хочешь найти, — перебил инфант, надменно приподняв подбородок. В свете последних лучей садящихся звёзд его профиль стал зловещим, как бюст Мефистофеля.

— Не знаю, — честно ответил я.

Божество смирило меня взглядом с ног до головы, и снова слегка улыбнулось.

— Все ваши души прозрачны для меня. Я вижу их насквозь, — пафосно произнёс он, теперь уже как Галадриэль, напутствующая хоббита на великую цель. Только я не Фродо, а он не эльфийка. И такие высокие речи бесят, по армейке наслушался досыта. Тоже мне замполит, нашёлся.

От таких мыслей пальцы сами собой снова стиснулись в кулаки. И, кажется, даже зубы скрипнули.

— Хочешь знать, чего ищут твои спутницы? — тем временем продолжил инфант. — Волшебница говорит о деньгах и своём ремесле, но хочет простого признания. Храмовница надеется стать такой же, как всё, а на деле её гложет одиночество. Третья цепляется за уходящий возраст, боится, что не успеет пожить, не успеет исполнить все детские мечты. Они так просты, эти женщины. И ты тоже прост. Ты всею лишь ищешь себя.

— Не надо ковыряться в моей душе. Она не товар на прилавке, — тихо ответил я и вытащил руку из-за пазухи. Пустую руку. Не нужен сейчас пистолет, разве что застрелиться.

Инфант улыбнулся и пошёл мимо меня к воде. Женщины быстро отошли в стороны, давая этому тысячелетнему садисту дорогу. Только садист так цинично будет тыкать пальцем в чужое нутро.

— Я разрешаю остаться на одну ночь, — дойдя до озера, произнёс инфант. Под его ногами тихо заплескало, а он сам шёл и шёл, погружаясь в родную стихию. Сперва по колено, а потом и по пояс. — Я разрешаю окунуться в мои воды, дабы смыть усталость.

Он обернулся и поглядел в мою сторону.

— Я даже разрешу ловить рыбу, если обещаешь вернуться, когда найдёшь себя, рождённый под иным светом. Мне будет любопытно послушать тебя.

Ага, подумалось мне, ещё и целый научно-исследовательский институт сюда приведу, чтоб уже в тебя пальцами потыкали. Гудвин, хренов.

Инфант ухмыльнулся, словно прочитал мои мысли, и нырнул в воду, уйдя в неё почти без всплеска, и больше не появился над волнами. Датчик потустороннего почти перестал трещать. Лишь изредка раздавались щелчки, напоминая о минувшем разговоре.

Я протяжно выдохнул, и в этот момент Небесная Пара села за горизонт, погружая Красное Озеро с окружающими его камышами в густоту настоящего вечера. И в эту густоту ворвались первые летучие мыши, назойливые комары и тёплый ветер. Ворвались, прогоняя звенящее напряжение натянутых нервов. Вместо злости, пришла слабость. Чуть заметно заболела голова. Захотелось просто лечь на песок и заснуть.

— Надо костёр развести, — произнёс я. Стоящая с каким-то потухшим взглядом Катарина кивнула и пошла к лесочку.

— Не так я видела эту встречу, — пробубнила Лукреция. Она притронулась пальцами к лицу, вытирая скупую слезинку. В этом мире женщинам не положено плакать. Они сильные. Они гордые. Но им тоже иногда хочется плакать.

— А что значит, найти себя? — поглядев по сторонам, спросила Урсула. — Эта, юн спадин, ты чё, потерялся?

Наёмница почесала в затылке, а я чуть не расхохотался. Обожаю эту тётку, умеет снять напряжение.

Вместо ответа, я подошёл к воде. Она была холодная, будто только что из колодца. А ещё прозрачная, как цветное стекло. Сквозь красноватую воду была видна каждая песчинка на дне, и, наверное, даже если днём зайду по самую шею, смогу различить свои ноги.

Раз разрешили рыбачить, почему не должен этого делать? И хотя в темноте не видно поплавок, но есть один приём. Нужно осторожно зажать пальцами леску и улавливать её подёргивания. Благо удочка совсем короткая, и можно воткнуть одним концом в песок, а руками дотянуться до другого конца. Это нам на занятиях рассказывали, хотя я сам ни разу не пробовал. Но ведь я и операции до этого не проводил.

Первую рыбину поймал через пятнадцать минут. Хороший такой карасик на полкило. Следом почти подряд вытащил двух небольших сомов и крупную незнакомую рыбину с вытянутым телом и десятком плавников. К тому времени за спиной затрещал костёр.

Я поглядывал на тёмную рябь озера, выискивая потустороннего придурка. Вспомнилась лекция, на которой нам разъяснили, что местное средневековое хоть и похоже социально, религиозно отличается. Безусловным авторитетом обладает Небесная Пара, но помимо неё есть и другие божества. И ситуация сходна скорее с Индией, Китаем или Японией, где хватает божков разных местечек, и как раз этот инфант и был хозяином большой лужи. В общем, аниме мне в помощь.

Поймав десяток рыбин, отдал Урсуле, которая быстро начала тех потрошить, а сам зашёл за кусты и, быстро скинув одежду на плотные камыши, ополоснулся. Да и не получится нежиться, так как по ногам били ледяные ключи, и от этого вода была слишком холодной.

— Кто рылся в моей сумке? — раздался гневный вопрос Катарини, и я выглянул, благо успел напялить сменное нательное. — Тётя Урсула, опять ты?

— Да мыльце искала. Ты же чистюля, вот и взяла мыльце, —

отозвалась наёмница, снимая с себя поддоспешник.

— Ну что мне теперь делать? — снова нахмурилась храмовница, держа в руках два длинных шнура. От этого вопроса Урсула, уже потянувшаяся за подолом нижней рубахи, застыла в недоумении.

— Взять и обедриться, — огрызнулась она и взяла такой же шнур.

— Да? Тогда какой из них красный, а какой серый?! — повысила голос Катарина, стиснув вещицы в руках. — Я что, должна как не подобает купаться?

— Так ты цвета не видишь? — ухмыльнулась Урсула. — Бедненькая.

— Зато в темноте вижу, — прорычала храмовница в ответ. — Не то что вы, две куриные слепоты.

— Вон тот — серый, — раздался голос Лукреции, и потом я увидел волшебницу. Аж воздухом подавился. Она была совершенно голая. И только вокруг талии был завязан в точности такой же шнур. Секунду спустя и Урсула скинула с себя одежду, и начала «обедриваться». Это наверняка какой-то амулет. А то что голые, так в Германии до сих пор есть общие бани. Да и в той же Японии женщины и мужчины купаются в термальных источниках вместе, положив на голову полотенца для приличия. Мол, есть кусок ткани, значит, приличия соблюдены, я не нагишом.

Вскоре пришлось спрятаться, так как мимо меня в воду с тихими всплесками вошли три голые сеньориты. Я нервно сглотнул. Первой была словно высеченная топором из цельного куска камня Урсула. Широкая и жилистая. Несмотря на свои сорок пять, мечница держалась вполне молодцом, разве что небольшой животик был по возрасту положен.

Второй была Лукреция. Ну что сказать. Фотомодель в самом соку. Ягодицы подтянутые, грудь третьего размера, кожа светлая и ухоженная, ноги ровные.

Под конец в воду зашла Катарина. Если бы я встретил её на земле, то точно бы решил, что она регулярно посещает фитнес-клуб. На бодибилдершу она не походила, но упругая сила чувствовалась в каждом движении, а кубики пресса и подтянутая попа довершали картинку.

Я ещё раз сглотнул и бочком просочился к берегу, где сел у костра, на котором пеклись нанизанные на палочки рыбины. И положил на колени полотенце. Пусть местные щеголяют гульфиками, я землянин, мне стыдно ходить со стояком напоказ.

Женщины купались, а глядел на них, забыв об инфанте, погоне и прочем. Только желудок изредка напоминал о том, что он претендует на главенство приоритетов в этой ситуации. Тем

более запах печёной рыбы дурманил не меньше, чем бесплатный стриптиз.

В какой-то момент мой взгляд и взгляд Катарины встретились, и даже не удивился, что её глаза сверкают в свете костра, как у кошки. А девушка бросила короткий взгляд на своих спутниц и начала выходить из воды, непрерывно глядя на меня, как на добычу. Казалось, ещё шаг, и бросится словно кошка на птичку. Даже знаю на какую — на инопланетного попугайчика. Бёдра плавно покачивались, сводя с ума, а тугая грудь с тёмными сосками казалась самым совершенством.

Вот она уже вышла из воды, ступая на цыпочках, словно красуясь звериной грацией. И чем ближе она подходила к костру, тем ярче сверкали зелёные кошачьи глаза.

— Юрий, — прошептала она, — если это последняя ночь в жизни, я буду корить себя на небесах за глупость. Но я ведь это же не глупость? Верно?

Я лишь молча пожирал её глазами, не в силах что-либо сказать. А Катарина сделала ещё один шаг, и под её ноги упал мокрый серый пояс-шнурок. Я даже вспомнил лекцию, где говорили, как он называется.

Умильдата.

Смирение.

Глава 22

Девки в озере купались

— Пётар Алексеевич, йазрешите?

В кабинет вошёл начфин — возрастной худощавый еврей, настолько стереотипный, как будто специально подобранный каким-то начальником-коллекционером.

Генерал, сидевший в кресле с закрытыми глазами, поднял веки и устало поглядел на чернявого и картавого подчинённого.

— Да, заходите, — спокойно ответил генерал и проследил взглядом за лёгшими на стол листами.

— Я уточнить по особой статье йасходов, — продолжил начфин, начал озвучивать акты расхода и накладные на серебро. — Вот тут у нас наёмный персонал категории охйана, общим числом семнадцать. Вот здесь договор с соколятней на почтовые услуги. Вот это купля десяти гужевых тйанспойтов.

Генерал внимательно прочитал документ, а потом ставил подписи. В то же время начфин продолжил.

— Позвольте полюбопытствовать, зачем нам соколы, если проще послать беспилотники.

— Не проще. Нужно с местными вести переписку, а они только птиц и принимают. К тому же у нас идут частые сбои электроники, попадание высокотехнологического устройства в руки местных недопустимо.

— Они же ничего пойму что за штука, — улыбнулся начфин, забирая документы и складывая обратно в красную папку, а потом поглядел на большой аквариум: в котором плавали пучеглазые золотые рыбки. Одна из них прилипла мордой к стеклу, словно пыталась что-то прочитать из лежащих на столе бумаг. Глупое создание. Только и умеет, что кушать, какать и плавать по кругу.

Генерал пожал плечами.

— Вы это начальству объясните. Я уже два месяца пытаюсь продать пароплан с мотором, но нет, там целые дискуссии о летающих людях развели. Никто не хочет брать на себя ответственность. Зато они планируют дать нам велосипеды. Представляете, велосипеды вместо мотоциклов. Вы лучше, скажите, не удалось подкупить какую-нибудь ведьму?

— Нет, Пётар Алексеевич, их кто-то пйипугнул. Даже за золото не хотят. Шайахются от специалиста, как от чумы.

— Магистрат цену себе набивает, — протянул генерал, а потом вздохнул и поглядел на новое действующее лицо.

Невысокий и ярко одетый дежурный «попугайчик», обязанный встречать всех местных, если те придут на КПП, принёс скан свитка с приложенным к нему переводом с местного на русский.

«Имею величайшее желание и надеюсь на ответственность во встрече со зверо-мужем, облечённым властью. Ряженую настоятельно прошу не присылать. Ревнительница порядка и процветания, доверенная магистрата, младшая советница Кассия да Бэль».

— Чёрт, как она узнала про подсадную?

— Ведьма, — вежливо улыбнулся начфин...

* * *

Лукреция да Бэль сидела на своём мешке с вещами, одетая в нательную рубашку-камізу, подхваченную пояском, и с накинутым на плечи плащом, и расчёсывала длинные сырые волосы гребнем. Босые ноги вытянуты к огню. Напротив неё расположилась Урсула, щупающая пальцами чем-то заклеенные раны.

— Если не сдохну, брошу всё это, — бурчала мечница, чередуя ругань с болезненным шипением.

— Службу бросишь? — переспросила волшебница, с сомнением смерив взглядом большую ландскнехтшу с ног до головы.

— Трезвую жизнь брошу. Ни капли жжёнки, ни глотка пива с утра не было. Провались всё это в бездну.

Лукреция улыбнулась и задала новый вопрос.

— А где храмовница и халумари?

— В камышах, — Урсула небрежно махнула рукой в сторону. — Печеньку в мёд макают.

Словно в подтверждение её слов из темноты послышались звуки, будто кто-то пытался сдержаться и не закричать в полный голос. Но через минуту сдавленное мычание перешло в громкие стоны.

— Не загрызёт? — вздохнув, переспросила волшебница. — У храмовой гвардии часто звериная суть на ложе с мужчиной прорывается. Готова поспорить, её и заклеили из-за этого. Не сдержалась и озверела, а мужичок с испугу донёс.

— Затихли, — Урсула, сперва потянувшись за рыбиной на палочке, но на половине пути замерев и прислушалась. — Не, вроде живой. Бормочут чё-та. Да чё ему будет? Разве что затрахает до смерти.

Мечница всё же подобрала палочку с жирным многопёром,

откусила от рыбыны и мерно зашевелила челюстями, прожёвывая поздний ужин, а когда лёгкий ветер сдувал в её сторону едкий дым, морщилась и отклонялась назад. От костра осталась большая куча жарких углей, над которыми висели и роняли шипящие капли другие рыбыны. Там же сохли сполоснутые панталоны-брэ и чулки, из крапивы у наёмниц и льна у волшебницы. А вот вещи халумари были из чего-то непонятного. Никогда такую ткань не видели.

Волшебница поглядывала в сторону, где уединилась парочка, но мысли были не них. Вернее, теперь и о них, но не только. Инфантизм, которого она видела, будучи ещё маленькой девочкой, когда мадрэ приводила к этим водам показать красное озеро, оказался совсем не таким, как в детских мечтах. Тогда ещё юная и наивная волшебница видела совершенное существо, издали одарившее её лучезарной улыбкой, а сейчас он явил себя как самодовольный божок, аж противно. А мать, павшая тогда к кромке красной воды в прошении благ для своей дочери, через год умерла, забрав все блага собой. С двоюродной тёткой Кассией сразу случилась нелюбовь. То нельзя, это нельзя. «А вот твоя, мать, в отличие от тебя...». Только и слышно. Всегда чинила препоны. Всегда обходила по быстрой улице. И была розгами по пальцам, когда учила магии, грамоте и этикету. По пальцам, по спине, по заднице. Сука старая. Даже замужиться собралась, старая гиена прилетела, влепила пощёчину, а юношу так застрашала, что он пропал без следа.

А потом тётка бросила её одну. Мол, взрослая, выплывешь. И даже в путь проводила с ехидной улыбкой. А каково это семнадцатилетней волшебнице с не самым большим даром пробиться в люди? Только стиснув зубы и ступая по терновнику. И непрестанно работая.

— Эта... госпожа, а у вас мужчина есть? — с лёгкой заминкой спросила Урсула и потянулась к своему имуществу. Оттуда тоже достал гребень. Не из резной кости, как у собеседницы, а из обычного ясеня.

Лукреция, у которой от горьких воспоминаний проступили скупые слёзы, опустила взгляд на угли. Руки же сами собой продолжали расчёсывать волосы. Она привыкла ухаживать за собой сама. Она вообще всё привыкла делать сама. Служанка разве что помогала одеться для выхода в свет. А что до мужчины?

— Мужа нет, — медленно ответила магесса. Я хочу несколько позже, как за титул взнос сделаю, подобрать партию, чтоб был лет на пять моложе, грамотный, манерам и домашнему хозяйству обучен. А так имею содержания, мне пока хватает. Он и беседой развлечёт, и на лютне сыграет, и в постели способен.

— А эта... а любовь?

— А ты сама-то любишь своего? — ухмыльнулась Лукреция, подняв глаза в усыпанное бесчисленными яркими звёздами небо. Почти сразу нашла яркую точку Свечи в созвездии Стражницы. Охристо-оранжевая Свеча ярчайшая среди прочих. Ярче любой другой в дюжину раз. Потом глаза нашли Северной Стрелы. Три яркие мерцающие звёздочки складывались в похожий на наконечник треугольник.

— Ну, я хоть и буцкаю иногда, потаскуна этого, но всё одно свой, — пожалала плечами Урсула и снова зашипела да поморщилась. — Как придёт, обниматься полезет, думаешь придушить, а потом в охапку и тискать.

Что-то зашуршало, но не со стороны камышей, а с противоположной. Мечница сразу схватила кошкодёр, а волшебница стиснула пальцы на пряжке, которой был подхвачен плащ. Камушек на ней волшебный, помогал сосредотачиваться.

Глаза Лукреции забегали по тёмной траве, которая медленными волнами колыбалась на ночном ветру. Спина похолодела, сердце сильно-сильно забилося, а рассудок лихорадочно пытался придумывать, что делать. Взорвать порох на поясе у стрелков? Пережечь тетиву у лучников и арбалетчиков? А она успеет? А стрелу сможет отклонить? А пулю? Сможет ли ещё раз голову разворошить разбойнице? Это долго. Это отнимает много сил. Пока над одной колдовать будет, другие могут убить. Сумеет ли?

Лукреция почувствовала, как дрожат её пальцы. Сами собой, словно не имеют собственной воли. А ещё предательски вспотели ладони. Волшебница сильнее стиснула пряжку, сжала другую руку в кулак и медленно встала вслед за Урсулой.

— Тьфу ты, это лиса, в бездну её по кусочкам, — ругнулась наёмница. — А ну, пошла прочь отсюда!

Когда вынырнувшая из травы острая мордочка снова исчезла, Лукреция закрыла глаза и села на место. Ей хотелось разрыдаться. Вот пусть все видя её слёзы. Плевать. Она устала. Она никогда не пряталась от погонь. Никогда не убивала разбойниц.

Она хотела прежнюю жизнь, спокойную, размеренную. Утром каша на завтрак, умывание и прихорашивание перед встречей покупателей, бумаги, зачаруньки, улыбки посетителям, колдовство. На обед отварное мясо в пряных травах и свежий хлеб. Опять посетители и заказы. Вечером чарочка некрепкого южного вина с куриными крылышками и омлет, а за ними прогулка с содержантом по гильдейской набережной, которая до поздней ночи освещалась масляными лампами, А если нет

настроения к прогулке — просто сон с музыкальной шкатулкой.

Но нет, плакать нельзя. Она сильная женщина. Она должна всё вытерпеть. Это пусть мужчинки плачут.

Волшебница, сдерживая слёзы, вытянула руку в сторону костра, и из того выскочил уголёк размером со сливу, замерев в паре дюймов от раскрытой ладони. А когда магесса начала водить пальцами, уголёк стал скакать, словно мячик у уличной жонглёрши, то вправо, то влево.

— Ой, ой, идут, — с каким-то добрым ехидством произнесла Урсула и снова потянулась ладонью к спине. — И вправду заживает. Уже почти не больно.

Из темноты и вправду вышли храмовница и халумари. У Катарини блестели по-кошачьи зелёным глаза. Она на ходу, но как-то неспешно подвязывала серым пояском надетую наспех рубаху-камизу, будто знак смирения мог скрыть то, что было только что. А Юрий, одетый чуть больше, чем его спутница, то есть в штаны и рубаху, и даже в темноте пылал щеками и часто дышал.

Храмовница подхватила палочку с сомиком и села на свою сумку. Она глубоко вздохнула, и глупо улыбаясь вытянула ноги. Рыбину кусала медленно, словно в спросонья. А вот халумари, наоборот, быстро умял свою и подхватил притороченный удлинённый более против обычного кинжат-дагу, который был супругом рапиры, и вместе они составляли единую пару, единый фехтовальный набор. От своей смертоносной жены он отличался только длинной и усиленным основанием клинка для парирования вражеских атак. Лукреция была несколько раз свидетельницей поединков вспыльчивых дворянок. Но вот зачем клинок мужчине?

Все с любопытством обратили взоры на халумари, а тот шевелил губами, словно разговаривал с кем-то, и пытался сделать сперва укол, а потом выпад.

— Не так, — ласково произнесла Катарина. Она отложила ужин, поднялась, подхватила с земли длинную веточку, встала в позицию и показала быстрые, почти неуловимые движения. Будь она в бою, а противница — обычная разбойница, та уже была бы проколота несколько раз, причём раньше, чем упала бы на землю.

Халумари насупился, опустил глаза и отчётливо прошептал: «Система, юстировка». Не известно, что это были за слова, но когда он через пять минут повторил укол и выпад, то они получились такими, словно он не менее нескольких дюжин дней тренируется.

— Бездна меня побери, — проронила Урсула, вытирала руки о траву и встала, скрестив руки на груди.

Катарина улыбнулась.

— Очень неплохо для мужчины, — произнесла она. — А попробуй парировать.

Конечно же, Юрий пропустил укол, но вместо того, чтоб поклониться и вежливо пролепетать: «Спасибо за похвалу, воистину просто удачный случай. Позвольте откланяться», он сплюнул на землю и снова встал в позицию.

— Система, юстировка, — процедил он.

Катарина вскинула брови и повторила атаку. Когда же Юрий провёл защитное действие и отклонил изображавшую рапиру веточку, отскочила и нанесла глубокий выпад. Юрий отклонил и его, а потом и сам бросился в контратаку.

Наёмница ушла в сторону, отклоняя кинжал, и легонько кольнула кончиком ветки полупризрака в бок. Тот зашипел, стиснул зубы и процедил ещё одно заклинание.

— Система, юстировка, адреналин.

Халумари часто задышало, а его глаз аж остекленели. В следующий миг он совершил новый рывок. Обычный мужчина не смог бы так быстро двигаться, но этого всё равно было недостаточно. Катарина отвела в сторону его клинок и толкнула ногой, отчего Юрий покатился кубарем по траве.

— У него руки короткие. И кинжал — не меч, — громко хохотнула, а потом, зажав рот рукой, обернулась в сторону озера Урсула. — Ему бы алебарду или копьё, — прошептала она. — Тогда бы был шанс достать.

— Алебарда будет тяжёлой для него. Ландскнехтская пика тоже. Нужно что-то полегче, — покачала головой Катарина, подходя к поднимающемуся с земли халумари, — У тебя всё хорошо?

— Да, — ответил тот, несколько раз сплюнул попавший в рот мусор и отряхнул штаны. — Бесполезная железяка.

— А ты попробуй парировать удар и достать свой пистолет. Я думаю, получится.

Он кивнул и сунул кинжал левой рукой за пояс, замер, а затем медленно вытащил кинжал, изображая парирование, сделал шаг правой назад и достал из-за пазухи своё потайное оружие.

— Бах, — произнёс он и снов выговорил своё заклинание. — Система, юстировка.

Это явно было заклинанием. Ибо невозможно вот так вот за два раза выучить сложные приёмы. Невозможно без длительного обучения правильно встать в позицию. Невозможно двигаться так быстро. Лукреция поджала губы. Это было волшебством, но она совсем ничего не чувствовала.

В это время Катарина изготовилась и подождала, пока Юрий

не уберёт оружие на место.

— Готов, — произнёс он, и храмовница нанесла удар. Не укол, а именно удар наискосок сверху вниз и слева направо, как тесаком или фальшионом.

Юрий явно не ожидал, но, всё же, бросив какое-то ругательство, похожее на «блат», смог парировать, и выхватил пистолет. Но воспользоваться смог, только когда отбил второй быстрый удар, уже снизу вверх и справа налево. Слабый, но опасный режущий.

И с каждый ударом Юрий отходил на шаг.

— Бах, — наконец, произнёс он, а потом зажмурился, прижал левую руку в груди и протянул. — Дерьмо-о-о.

Ещё бы, удар Катарина была очень силён, и веточка, даже соскользнув с гарды, отбила слабую мужичковую руку. Всё же не предназначены мужинки для схваток. А если бы Катарина ударила настоящим клинком, точно бы сломала ему запястье. Хотя Лукреция не была уверена, что тоже удержит удар храмовницы, та ведь не совсем человек, пусть даже запечатанная.

Пока он шипел и ругался на кинжал Урсула порылась в оставленных у кострища ветках и достала одну, кривоватую, но вполне похожую на древко длиною в рост мужины.

— Эта... юн спадин, — попробуй этим. Ну, как будто это глефа или алебарда. Такую заказать можно недорого. Всяко дешевле меча. Навершие облегчить для быстроты. Им и колоть можно будет и рубить.

Халумари отложил в сторону кинжал и пистолет, потряс ушибленной кистью и взял палку, с сомнением поглядев на своё новое оружие.

— Здесь бы впору волшебное оружие, — пробурчал он, — чтоб плюс к ловкости и силе был, а ещё урон огнём.

— А что, у вас такое есть? — переспросила магесса, сложив губы трубочкой и нахмурившись.

— Угу, — снова буркнул халумари, — в Воркрафте. С одного удара армии сметает.

Волшебница подалась назад. Заколдованное оружие действительно можно сделать, но применять его разрешено только колдовской гвардии магистрата. Получается, они тоже владеют этим секретом? Надо будет запомнить и обязательно доложить по возвращению.

— Может, потом продолжим? — тихо спросила Катарина, выводя кончиком веточки вензеля.

— Нет. Я хочу сейчас, — произнёс Юрий, словно настырный мальчишка. Он попытался сделать укол палкой, как копьём, но храмовница отвела его в сторону и уклонилась сама, а затем

перехватила деревяшку рукой.

— Нужно что-то другое, — улыбнулась она и дёрнула ветку на себя, выдёргивая из рук халумари, отчего тот чуть не упал вперёд от неожиданности. Катарина вдобавок подставила колено. Изображая удар в живот. Юрий только и успел, что вытянуть руки и упереться ладонями в это самое колено.

— Два пистолета, вот и всё что нужно, — зло процедил он. — От остального толку нет.

— Не расстраивайся. Обычную разбойницу ты верно сможешь одолеть, — улыбнулась девушка и поглядела на вставшую позади Юрия ландскнетшу.

— Та широко развела мускулистые руки и с криком: «Теперь моя очередь!» сгребла халумари в охапку, оторвав от земли.

— Урсула! — сдавленно крикнул Юрий, попытавшись освободиться, но это было невозможно.

— Тётя Урсула, что ты делаешь? — удивлённо повысила голос Катарина.

— Теперь это мой трофей. Я, может, влюбилась под старость лет.

— Тётя Урсула, поставь.

— Эта... — широко улыбнулась наёмница, — теперь моя очередь тащить его в камыши.

— Не смей! — закричала Катарина и ухватила за руку Юрия, потянув на себя.

— Порвёте, дуры! — завопил халумари. — Отпустите обе!

Лукреция уронила лицо в ладони.

— Никакого чувства юмора, — пробубнила она. — Их в ордене из деревяшек, чтоб ли, выстрегивают, а не из девочек?

Тем временем вопли стали громче, смешиваясь друг с другом.

— Отпустите! — орал Юрий.

— Не отпущу! Хочу молоденького мальчика! — хохотала Урсула.

— Он мой! Пусти, сука старая! — закричала Катарина.

— Больно! Руку оторвёшь! — снова заорал халумари и начал ругаться по-своему. Мелькали словечки, похожие на «блат», «нафик», «тит таю мат».

А потом голову волшебницы резануло лёгкой болью колдовского чутья, а над озером раздалось нечто похожее на звериный рык, издаваемый женской гортанью, дополнившееся криком Урсулы. У волшебницы волосы встали дыбом, и душа упала к мочевому пузырю.

«Только не это, — мелькнуло у неё в голове, — сейчас же всё умрём».

— Печать! — закричала она. — Печать трещит!

Урсула, которой Катарина вцепилась зубами в руку, выпустила Юрия и попыталась свободной рукой освободиться от хватки озверевшей храмовницы. А сам халумари отполз в сторону, хватая ртом воздух. Наверное, мечница слишком сильно его сдавила от неожиданности.

— Тише, тише, — испуганно забормотала волшебница, заметавшись вокруг этой парочки. — Урсула, вот зачем ты это сделала? Если печать сломается, она тебе зубами горло порвёт.

— Я чё, знала, чё ли?! Отцепите её от меня!

— Я сейчас. Я её убью! Да, убью, пока не поздно! — затараторила Лукреция, а у самой руки затряслись ещё сильнее, чем при шуршащей в кустах лисе. Мало ей Волчьей дозорной в деревушке, так ещё эта звереет. Волшебница начала бормотать, впопыхах вспоминая заклинание, которым убила разбойницу, но в этот момент перед ней вынырнул Юрий, растопыривший руки.

— Не надо, пожалуйста. Я сам. Я сейчас. Не колдуй!

— Он повернулся и обхватил рычащую девушку руками.

— Катарина. Катя. Катюша, — быстро, но чётко заговорил он. — Всё хорошо. Это просто шутка. Это шутка. Я твой. Слышишь? Твой. Это шутка.

— Бормочи, — протараторила Урсула и сунула пальцы между челюстей храмовницы, из-под которых уже потекла кровь. — Она ослабляет хватку.

Юрий вытянул руку и начал гладить девушку по голове ладонью, как кошку.

— Отпусти её, Катарина. Всё хорошо. Я с тобой.

Рычание прекратилось, а цепкие пальцы, впившиеся в кожу Урсулы, медленно разжались. Девушка вздрогнула и отпустила свою жертву.

Стали видны окровавленные губы и торчащие из-под них острые клыки. Катарина вдруг затрясла головой.

— Я... Я... Тётя Урсула, прости, — залепетала она. — Прости.

Девушка упала на колени и прямо на них подползла к недавней жертве, которая отступила на шаг, сжимая прокушенную руку.

— Прости. Я не зверь. Я человек. Я человек.

Катарина зарыдала и уткнулась лицом в землю.

— Я человек, — неразборчиво бормотала она. — Простите меня, пожалуйста. Всё простите. Я не смогла. Я не хочу быть зверем. Я человек. Почему это опять повторяется?

Храмовница несколько раз ударила землю кулаком.

— Почему? Почему? Я же не заслужила.

Плечи девушки тряслись от плача. А рядом с ней сел Юрий,

начав тихонько трепать растрёпанные волосы.

— Ну, всё, успокойся, — шептал он. — Всё уже кончилось. Всё хорошо.

А у волшебницы от внезапно нахлынувшей слабости подогнулись колени. Она опустилась на землю и тяжело вздохнула.

— Нужно всё начистоту высказать друг другу, — отрешённо глядя в одну точку, произнесла Лукреция, — иначе до следующей ночи недотянем. Надо действовать заодно.

Внутри у магессы было пусто...

Глава 23

Драгоценности

— Ненавижу рыбами глядеть, — выдавила из себя бледная, как верхушки дальних гор, колдунья и склонилась над деревянным ведром. Её с шумом вырвало.

В просторной, скромно убранной, не разбитой на комнатухи, как это обычно принято на постоянных дворах, мансарде, помимо неё, находились ещё трое. Все волшебницы. Все одеты как женщины из гильдии писцов — с потёртыми нарукавниками из плотной крапивницы, испачканными чернилами передниками, и волосами, подхваченными похожими на обручи кожаными ремешками-фернатъерами, чтобы чёлка не падала. Простенькие серенькие платья с торчащими из-под них воротничками и рукавами рубашек-камиз из некрашеного и небелёного льна. Светло-серые чулки.

Одна сидела за секретером, сочувствующе глядела на страдалицу и теребила пальцами гусиное перо. Подсвечник на три свечи ронял яркий слегка дрожащий свет на наполовину исписанный лист бумаги, лежащий на наклонной столешнице, хорошо подогнанные друг к другу половые доски, большой сундук у дальней стены, наклонный потолок и полбенные стены. Вторая женщина быстро окунула тряпицу в небольшое корытце и протянула бледной магессе — с редким даром мирандо а ла дистанцию, то есть смотрящей-в-даль. А та, тяжело дыша и через силу сглатывая вязкую слюну, вытерла лицо.

— Есть что-нибудь новое? — властно и в то же время обеспокоенно спросила третья, пребывающая уже в возрасте. Она сидела на краю кровати и глядела под ноги, словно именно там был ответ на её вопрос. В отличие от остальных, палец магессы украшал перстень-печать, каким ставят оттиски на сургуче.

— Халумари готовятся к встрече с вами, — произнесла смотрящая-в-даль слабым голосом. — Как и говорила, у них главный — мужчина, имеющий титул, именуемый «генерал». Больше других с таким титулом нет. Он вызвал к себе помощников. Все мужчины. Отдал указание подготовить парадную одежду. Обсуждал блюда на приёме и подарки с мажордомом, он у них называется... зампатил, да, кажется, так. Ненавижу их букву «ы». И главное, они приручили каких-то жучков, которые слушает чужие разговоры для них. Несколько таких запущено в твердыню. На совете с главным дозорным обсуждали визит Старой Прачки к Николь-Астре. Довольны, что

жучки послушно заработали. Я не знаю, что за слова такие «теплавиза» и «азроцастат», но тоже хотят ими подглядывать.

Смотрящая-в-даль замолчала и снова наклонилась над ведром, а та, что ухаживала за ней, подскочила с табурета, подбежала к камину и зачерпнула из котла кружкой пахнувший мёдом и травами кипяток.

— Попей, легче станет, — скороговоркой произнесла она.

— Не могу. Тошнит.

— Попей.

Смотрящая, давясь, осилила кружку и выдохнула, а потом поглядела на старшую.

— Госпожа Кассия, зачем вы настояли на встрече? Зачем выдали, что знаете о его главенстве? Они же будут искать.

— Вот именно. Они будут искать. И искать то, что привычно им. Глядеть туда, куда сами бы подложили подслушивающие чары и послушных тварей. А для этого нужно разворошить этот муравейник, — серьёзно ответила старшая волшебница и встала. — Они не глупцы. И мышиную возню начали только тогда, когда хорошо устроились. Они уже купили с потрохами главу городка, задарили серебром всю стражу, все торговцы этого вонючего городишки уже под их протекторатом. Они терпеливо готовились, и теперь начали большую политику. Но магистрат им не по зубам. При этом они очень интересный и очень сильный противник, — ухмыльнулась Кассия. — Учись, пока я жива...

* * *

Проснулся я не от холода, а оттого, что затёк бок, а ещё в ребро больно упёрся стебель камыша, из которого сделали подстилку.

А развернуться не получалось, так как Катарина, лёгшая вечером со мной, обхватила рукой и прижимала всю ночь к себе железной хваткой, так что пошевелиться трудно было. Никогда бы не подумал, что окажусь на месте моей бывшей, которая жаловалась на то, что у меня рука тяжёлая. Блин, гендерный реверс немного напрягает такими моментами. Это мне положено обнимать хрупкую девушку, а не наоборот. И это мне положено быть в сексе сверху. Не скажу, что я разочарован, или что мне не понравилось, но, когда инициатива не у меня — тоже напрягает. И уж сильно неопытна Катарина в любовных делах, и кроме голого... да, голого энтузиазма ничего нет, хоть ликбез проводи. Но опять же, распутный мужчина здесь не в почёте, и лекцией о Камасутре можно только хуже сделать. Блик, надо что-то

придумать.

Я открыл глаза и осмотрелся. Небо уже было по-утреннему серым, а на траве росы не было, так утро выдалось тёплым и даже душным. Урсула тоже ещё спала, сильно скрипя зубами и вошкаясь. Однажды она во сне пробормотала: «Саскэ ты. Хочу и пью».

Зато серая, словно с похмелья, волшебница уже складывала на погасшие угли хворост и кору. Заметив, что я гляжу на неё, Лукреция поджала губы и нахмурилась, словно решаясь на какой-то важный поступок. Наконец, тяжело и протяжно вздохнула и провела рукой над дровами.

— Ку ла-ламас сэ-энцинидан, — произнесла она речитативом. Я услышал быстро нарастающий свист, модулируемый датчиком, а через секунду кора вспыхнула, словно туда кинули горсть зажжённых спичек. — Это простые чары де фуэго — огня. Нужно лишь представить жар, и он возникнет вслед желанию.

Я с кряхтением постарался высвободиться из объятий Катарины, но не смог. Девушка лишь ещё сильнее прижала меня к себе, заставив недовольно скривиться.

— Зачем ты мне рассказываешь? — спросил я, уже забыв тот момент, когда перешли на «Ты». Как-то само собой это произошло, впрочем, волшебница не возражала.

— Кто такая система? — вместо ответа спросила Лукреция, она провела рукой перед собой, и в воздух взлетел камушек, зависнув в нескольких сантиметрах над ладонью. Тихий свист датчика менялся в частоте по мере движения камушка. При резком движении или быстром торможении почти уходил в ультразвук, а при зависании гудел, как пчела. Прослеживалась чёткая зависимость частота и, скорее всего, затрачиваемой энергии на ускорение.

При вопросе о системе я задумался, а та подала голос.

«Запрещено сообщать местному населению о наличии процессора».

— Заткнись, — прошептал я, на что Лукреция прищурилась, а камушек начал отлетать от неё и снова приближаться, словно игрушка йо-йо, которая на верёвочке.

«Запрещено сообщать местному населению о наличии процессора».

— Кому говорю, заткнись, — повысил я голос и поднял глаза на волшебницу. — У меня в голове живёт дух-помощник. Только она больна и не всегда помогает как нужно.

— Ты — как она? — кивнула в сторону спящей Катарины волшебница.

— Ну... можно и так сказать.

— Тогда не удивляюсь, почему храмовница решилась на штурм крепости.

— Это я-то крепость? — усмехнулся я, а Лукреция подобрала ноги и сжала губы. В её глазах мелькнула тревога. Это оттого что Катарина, которой уже давным-давно положено проснуться, зашевелилась. А в следующий момент почувствовал, как мои шею и затылок начинают вылизывать шершавым кошачьим языком. А ещё почему-то ждал громкого мурчания, но потом вспомнил, что львы не мурлыкают. Продолжалось это всего несколько секунд, а потом, видимо, девушка окончательно проснулась, так как замерла и тихо выругалась.

— Бездна, что я делаю? Да убережёт от непотребства Небесная Пара.

Девушка быстро осенила себя двумя перстами, встала с камышовой подстилки и потянулась. При этом её суставы выгибались так, как простому человеку недоступно.

— Я могу поправить печать, — тихо произнесла Лукреция. — Я читала, как это делается.

— Правда? — переспросила Катарина, бросив быстрый взгляд на волшебницу. — Я буду обязана вам.

Она поправила камизу, подхватила с травы чулок и, застыла в позе балерины. Сама стоит на кончиках пальцев левой ноги, а правая поднятая вверх, ровненькая-ровненькая, да и растяжка просто великолепная. Чулок оказался натянут до колена в одно неуловимое движение. А я невольно загляделся. Хотя немного сгущал неженский размер ноги, примерно сорок второй, но у местных барышень у всех так. Да и сами они не маленькие. Но ведь грациозная и равновесие держит на пять с плюсом, что есть, то не отнимешь. Или отнимешь?

— Тело лёгкое, — горько прошептала всё так же пребывающая в позе балерины Катарина, пошевелив пальцами на ноге. — Я уже забыла, что так могла.

Девушка вздохнула и с тоской поглядела на эти самые — пальчики.

— Я готова. Что делать?

— Сядь рядом лицом ко мне. Сними рубашку. Закрой глаза. Постарайся меньше шевелиться, — показала перед собой Лукреция.

Катарина так и поступила, оставшись в одном чулке и панталонах, похожих на свободные трусы-боксеры. Теперь она сидела на коленях перед волшебницей, и та тоже опустила на траву.

— Джавла пара эле-монстро, — начало тянуться заклинание, в котором едва угадывались значения слов. Оно произносилось на

древнем наречии или каком-то малознакомом диалекте. Одновременно с этим в голове пели причудливую тихую мелодию не просто свист и треск, а сложные гармоник. Я насчитал их не меньше пяти. — Лас барас сан-фуртез. Ё понго эле-селио. Кон эле-нобре делафурза.

«Клетка для чудовища. Прутья крепки. Замок на дверце. Печать ставлю я именем силы».

Магесса протянула ладонь к груди девушки, но не смогла коснуться, отдернув пальцы, как отчего-то горячего или колючего. А я глядел не только на руки волшебницы, но и на ровную спину храмовницы с напряжённо застывшими в ожидании своей участи мышцами дикой кошки. Загорелая, как после греческого пляжа, кожа только подчёркивала их.

— Сейчас. Соберусь с силой, — проронила волшебница и облизала губы.

Она выдохнула и снова потянула руку. Казалось, боялась ошибиться.

— Стой, — вдруг вырвалось у меня. Сам не знаю почему.

Лукреция бросила на меня непонимающий взгляд.

— Не надо, — произнёс я, вставая с земли. — Пусть всё так останется.

— Её надо обратно запечатать. Печать на соломинке висит, — торопливо произнесла волшебница.

— Она та, кто есть. Печать лишает её части души.

— Она убьёт нас всех, если вдруг разум погаснет. Она дикий зверь.

Я сглотнул. Сам не понимаю, почему решил вмешаться. Вот зачем лезу? Ведь волшебница права и хочет перестраховаться, но нельзя так. Блин, не знаю. Это казалось неправильным.

Катарина неуверенно начала поворачивать голову, на что сразу получила окрик магессы.

Не шевелись, пока не завершу колдовство. Сорвёшься окончательно.

Я же сделал несколько осторожных шагов и положил на обнажённые плечи девушки, отчего та легонько вздрогнула.

— Думаю, смогу её удержать. Ведь нужно просто привыкнуть, — медленно вытягивая слова, продолжил я.

— Она непредсказуема. Она как припадочная пеной трясучкой. Только не себе язык откусит, а нам головы, — начала повышать голос волшебница.

— Но ведь не откусила же.

— Эта... — подала голос Урсула, которая тоже проснулась. — Она пыталась, хорошо так пыталась.

Мечница подняла руку и показала окровавленные бинты.

— Вот, — взмахнула рукой в сторону пострадавшей мечницы Лукреция. — Я же не просто так твержу, что сорвавшаяся опасна.

— Мы сами сподвигли на это, — тоже повысил голос я. — Просто не давать повода для ревности. И не давать горьчительного.

— Нет! — начала переходить на крик Лукреция. — Ты готов терпеть рядом чудовище?! Я нет!

— Она не чудовище! Ты разве не видишь? Она сидит почти без печати и покорно ждёт!

— Ты хочешь надрезать нить её судьбы? — тяжело дыша, спросила волшебница.

— Может, она сама решит? — процедил я, словно сплюнул. Вот упёртая эта ведьма.

Чего бояться? Ведь действительно, сидит и ждёт.

— Сама? Ну, хорошо, — Лукреция опустила глаза на Катарину. — Ты хочешь быть опасной тварью, или обычной, как все?

Обычной она всё равно не будет, — пробурчал я и сжал плечи пальцами. — Она тем и хороша, что необычна.

Мы замолчали, и в этой тишине было слышно, как часто-часто дышит Катарина. Лишь через минуту она неуверенно заговорила.

— А можно я немного попробую сама держаться? Я больше никого не укушу. Честно-честно. У некоторых же получалось.

— Тогда нам больше не по пути, — процедила волшебница. — Делайте что хотите.

Лукреция встала, отвернулась и потёрла лицо руками.

— Зачем мы вообще куда-то сейчас идём? — простонала она. Дары потеряны. Идти не с чем. Проще вернуться.

Я выдохнул и улыбнулся.

— Зачем? Затем, что нас могут ждать, и проще прийти с пустыми руками и принести извинения. Объясниться, что ограбили. Пообещать, что вернёмся и уж точно привезём. Это проще, чем выказать неуважение ждущей баронессе.

— И с чего ты решил, что нас будут ждать? — не поворачиваясь, отозвалась Лукреция. — Не нужны мы никому.

— Я верю в своего старшего. Сан Саныч должен был отправить почту, чтоб предупредить о нашем визите. Должен был хотя бы спросить разрешения, а не отправлять в никуда. А раз мы поехали, то разрешение есть.

— И он тебе не сказал? — съехидничала ведьма.

— А тебе сказали, зачем ты с нами? Настоящую причину? — парировал я в этой словесной баталии.

Волшебница запустила ладонь в распущенные волосы, и едва

слышно пробормотала.

— Устала я от всех вас, от магистрата, от погонь. Но больше остальных — от ожидания смерти. Я хочу всего лишь одного — домой.

— Эта... — снова подала голос Урсула. — А та краска, чем не подарок?

— Какая краска? — тихо и одновременно переспросили мы с волшебницей.

— Ну, — мечница показала на мою сумку. — Там склянка с зелёной краской. Дорогая должна быть.

Я убрал руки с плеч Катарины и подошёл к своим вещам. Про какую склянку Урсула говорила? Пришлось перерыть все вещи, пока не нашёл пузырёк с зелёнкой.

— Это, что ли? Это не краска. Это царапины замазывать, чтоб не гнили. И она недорогая, медяшки стоит.

Рядом с постной миной встала Лукреция и протянула руку.

— Дай глянуть.

— А мне можно уже вставать? — послышался голос Катарины.

— Вставай, — вздохнула волшебница.

— Можно? Я не стану зверем? — недоверчиво переспросила храмовница.

— Можно. Я оборвала плетение чар, — с досадой отмахнулась волшебница.

Катарина, которая всё это время сидела в одном чулке и нижнем белье, быстро подскочила и начала одеваться. Я невольно снова залюбовался девушкой. Небольшой грудью-двоечкой, упругой попой, ровной спиной, длинными ногами. Их бы ещё побрить по земному обычаю, цены бы таким ногам не было. В общем, не знаю про любовь с первого взгляда, но любовь с первого раза вполне возможна. Главное — не заикливаться, я же завис в режиме олуха, бед бы не натворить.

Тем временем волшебница взяла у меня из рук пузырёк и открыла пробку, испачкав пальцы.

— Всё, теперь дюжину дней не отмоешь, — усмехнулся я и при этом увидел, как преобразается лицо Лукреции. Она сперва нахмурилась, разглядывая сочные бирюзовые пятна на коже, потом попыталась их стереть пальцами, что у неё не сильно получилось. Потом она просияла. А я с досадой на свою дурость покачал головой, так как вспомнил, что зелёнка изначально и была краской для тканей, это потом открыли её антисептическое свойство. И конечно, сейчас она почти не используется как краска, так как есть много других более своевременных и качественных аналогов.

Тем временем волшебница скривилась, словно проклинала себя за дурные мысли, потом опустила глаза, отчего её взгляд забегал по траве. Магесса словно взвешивала все за и против.

— Бездна меня побери, — прорычала она и ударила себя кулаком по бедру. — Медяшки, говоришь? А много можешь достать?

— Могу утопить тебя в ней, — буркнул я под хмыканье Катарины, а в глазах волшебницы прямо-таки отразились горы золота. Вот только надо сказать, что зелёнка быстро выцветает при стирке.

Я снова мысленно выругался на свою глупость. У них же верхнюю одежду почти не стирают, чтоб натуральные краски не терялись, им дешевле подклад поменять и перешить кружева. А если и стирают, то без моющих средств. В этих условиях зелёнка очень долго будет держаться, особенно если ткань с ней прокипятить. Лукреция что, от торговли волшебством отказаться хочет ради зелени? Дура.

Я так и высказал мысли.

— Тебе выгоднее будет с нашими работать. Расскажешь про волшебство, тебе и золота насыпят.

— Меня сперва разрешения лишат, а потом на каторгу отправят или на галеры. Там свежие гребные всегда нужны, — ухмыльнулась магесса в ответ.

— Но почему?

— Потому что мы не знаем, зачем вам волшебство. У нас уже была Изохелла, уронившая полмира в бездну. Богини в свидетельницы, второй не нужно, — тихо огрызнулась Лукреция.

Я улыбнулся и покачал головой.

— А мы хотим понять, что делать с вашим волшебством.

Все замолчали, и я вытянул ладонь, кивнув на склянку с зелёнкой, требуя вернуть внезапное сокровище. Такой подарок лучше никакого, особенно если всё остальное сожрало чудовище.

Волшебница недовольно поджала губы, но всё же положила бутылёк на ладонь. При этом взгляд выражал одну фразу: «Да подавись ты». Но ничего, перетерпит, зато наше путешествие обрело утраченный смысл...

Глава 24

На крупного зверя крупнее есть

— Помню, после долгих, полных отваги сражений пришлось отступить под натиском Венорской терции, — рассказывала очередную байку Урсула, неся на плече свой двуручник, как обычное коромысло, положив на того запястья рук и повесив на него с двух краёв сумки. — Значит, неделю держали натиск. Но потом они выставили пушки со шрапнелью, и пришлось уходить. Мы ощетинились пиками, как дикобраз. Отстреливались из пищалей, тратя последние крохи пороха. Потеряли много сестёр, но всё же ушли, поскальзываясь на потрохах перебитых врагов.

— Да? — усмехнулась Катарина, шедшая рядом. — А я слышала, что вас пощипали на пух для подушек, как крикливых неповоротливых гусынь, через час после начала боя.

— Цыц, малявка, — пафосно произнесла Урсула, оттопырив указательный палец на правой руке. — Я живая, а это значит, доблестно отступила, и ни о каком бегстве речи быть не может. И так устала, как тёлка гужевая, а ты ещё сказку портишь.

Мы шли по неширокой слегка поросшей мелкой травой дороге, ведущей от Красного Озера куда-то на восток. Над головами лениво плыли пузатые облака, из-за которых часто выглядывала Небесная Пара, обжигая лучами шеи, лица и руки. Желудок урчал, настойчиво намекая на то, что он ещё существует, его хоть изредка нужно кормить.

Пришлось подвязать свои разваливающиеся носатые ботинки-пулены, чтоб окончательно не отлетела подошва. Они предназначены для долгих переходов ровно столько же, что и женские туфли на высоких каблуках. На поясе висели и сохли постиранные в каком-то ручье чулки, которые недотягивали по длине на земные шосы, применяемые в нашем средневековье. Всё же местная мода остановилась на более коротком, но более красочном полосатом варианте. И надеюсь, что не нужно будет подобно знати нашего начала восемнадцатого века щеголять в белых лосинах на голое тело, позорище же.

Лукреция и Катарина, не сговариваясь, вышагивали так, чтоб между ними был я. Типа подушки безопасности.

— Я всё отдам за порчетту на вертеле, — протянула волшебница, заставив меня сглотнуть, а желудок опять заурчал. Порчетта — особая порода местных свинок. Размером они с таксу, в год уже начинают плодиться, как кролики. И мясо нежное, с тонюсеньким прослоечками сальца. Пробовал как-то с

грибочками и чесноком. А внутрь крошёный хлеб начиняют. Пальчики оближешь.

— Эта... госпожа, — вздохнула Урсула, — пожалста, не о еде. Я сейчас ремень грызть начну. Вместе с ножнами от кошкодёра.

— А куда мы можем прийти этим путём? — спросил я, оглядев полное стрекочущих кузнечиков поле. Из-под самых ног часто вспархивали мелкие птахи, кое-где поле было выкошено, являя неровные проплешины. А чуть дальше дорога упиралась в лес. Там хоть тень будет.

— Это обходной путь. Мы Ганнивиль севером обошли, — отозвалась волшебница. — А дальше и Кольна Грисас — Седые Холмы севером обойдём.

— А почему седые?

— К югу от тамошнего шира земля сухая, ковыль хорошо растёт. Вот и седые.

Я почесал затылок. Шир, как территориальная единица, отличается от графства так же, как сельсовет от принадлежащего богачу города. Основная форма правления — совет под руководством избранного головы. На земле тоже не редкостью был. Сразу вспомнилась книжка про властелина колец. Там хоббиты так же при демократии жили в своём шире. Ходили в сельпо, посещали клуб при колхозе имени товарища Бэгинса, имели участкового, пили самогон и курили махорку.

— А они большие, эти Седые Яйца, то есть Холмы? — спросил я. Волшебница явно лучше остальных подкована в географии. Ну, так на то оно и высшее образование. У Катарини тоже высшее, но вот беда — незаконченное.

— Тысяч пять народу.

— Много, — вздохнул я.

— Помню, — протянула вдруг Лукреция, и я даже обернулся. Волшебница в первый раз что-то рассказать собралась. — Помню, перепутала любовные зачарунки с сонными. Трое суток с содержанием провалилась на кровати. В дверь долбят, а я глаза открыть не могу. Слышу, стучат, а не могу. Вернусь, так же без зачарунок упаду на кровать.

— Нет. Сперва жрать, — усмехнулась Урсула. — Я эту порчетту с костями съем, и с корытом, из которого её откармливали. А уж потом спать.

Урсула вздохнула и затянула, сильно фальшивя какую-то песню про то, как хорошо в трактире, только пей и пой. Несмотря на полную нескладность, песенка была забавная. Так и хотелось сесть за столик, заказать самое хорошее вино и мясо на рёбрышках и неспешно наслаждаться музыкой местного менестреля. Несмотря на гендерные недоразумения, музыканты

здесь чаще мужчины. А впрочем, что им ещё делать, если нет семьи и дома?

Наклонившиеся к дороге стебли травы гладили ноги. По траве от слабо дующего ветра лениво текли волны. Духота стояла, как в парной, аж голова кружилась. Ноги ныли, и если сяду отдохнуть, больше встать уже не смогу. Во всём этом я не сразу увидел, что Катарина обеспокоенно крутила головой, вглядываясь, то в надвигающийся лес, то в перемежающееся большими островками кустарников поле.

— Что не так? — спросил я.

— Не нравится мне тишина, — прошептала девушка и сделала глубокий вдох, пригнувшись к слабому ветру. Тот дул со спины и дать знать о засаде впереди не мог.

Я ещё раз огляделся. Вроде и сверчки поют так же, и птички из-под ног выскакивают. И не пахло ничем подозрительным. Но ей виднее, она сверхчеловек, а не я. Да и мало ли какие у неё ещё суперспособности.

— Больше не могу, — протянула шедшая слева от меня волшебница. — Хоть убейте, не могу. Тенёк. Пожалуйста, дойдёте до тенька.

Вместо ответа, Катарина достала из-за пояса пистолет и звела курок.

— Какого стручка им не хватает? — протянула Урсула и пошевелила закинутым на плечи мечом. Висящие на нём сумки упали на поросшую мелкой травкой дорогу. Она изготовилась биться.

Буквально секундой позже меня схватила под локоть Катарина и прижала к себе, заслоняя от чего-то. От рывка чуть вывих не случился. А ещё мгновением со стороны одного из кустов грохотнуло. Над головой со свистом пронеслась пуля.

— Назад! Вертаемся! — прокричала Урсула, стиснув пальцы на рукояти, согнув колени и приняв стойку.

— Нет! — ответила Катарина. — Вперёд. В лес.

— Но нас гонят в ловушку! — не оборачиваясь, прорычала Урсула. — Они нарочито захлопнут капкан. Нужно отходить пока не поздно!

— Нет! У нас нет пути назад! В лес!

Так и не выпустившая меня храмовница бросилась вперёд, потащив за собой.

— А-а-а! Прощайте панталоны и зубная щётка! — закричала мечница, подхватив под локоть волшебницу и придерживая теперь меч одной рукой. Она тоже помчалась к стене деревьев. Надо сказать, не берёз, а сосен. А на тропинке остались брошенные сумки.

Я глядел вперёд. И даже когда на краю леса показались вооружённые копьями, луками и самодовольными ухмылками бабёнки уголовной наружности, Катарина не остановилась, а неслась прямо на них.

— Вы так спешите навстречу смерти?! — раздался встречный возглас, которому затворил дружный смех.

Я быстро пощупал кобуру с пистолетом, убедившись, что тот на месте. Не нравилась мне эта самоубийственная атака. Вот, зачем я уговорил Лукрецию не поправлять печать? Сейчас бы у этой камикадзе головка умом не тронулась.

— Не отставайте! — закричала Катарина, а я видел, как на лицах разбойница улыбка быстро сменилась испуганным выражением. Иные быстро вскинули луки и выставили пики.

— Не-не-не! Стой! Я не самоубийца! — закричал я, пытаюсь затормозить ногами, но силы были не равны, и чуть не споткнулся. Девушка лишь приподняла меня над землёй, давая встать на ноги, как ребёнка, который поскользнулся, а мамаша его подхватила.

— Дура! — орала сзади Лукреция. — Брось меня!

— Не отставай, госпожа! — громко ответила Урсула, и захохотала. — Сдохнем молодыми! Под свист клинков и грохот мушкетов!

— Дура! — ещё раз завопила волшебница. — Проклянута! На могилу плюну!

До крайних деревьев и разбойниц осталось всего десять шагов, когда Катарина резко остановилась, выпустив мой локоть, и выхватила второй пистолет. Я ожидал всего, но не того, что она развернётся к засаде спиной и выставит оружие в сторону дороги. А вот Урсула встал так, чтобы я и волшебница оказались между двух наёмниц. Ландскнехтша выставил вперёд согнутую в локте левую руку и положила на неё лезвие двуручника. Пальцы правой несколько раз разжались и сжались, поудобнее обхватывая рукоять.

— Ну, сучки, — прорычала она с небольшой отдышкой, глядя с улыбкой на разбойниц. — Кто попытается сбежать, засуну меч вместо стручка в страсное место!

Я же ничего не понимая вертел головой. В руках уже были полушпага и пистолет. Я скрестил руки, положив правую, вооружённую огнестрелом, на запястье левой. Хвала системе, действие выполнил на автомате.

«Адреналин», — прошептал я команду, чувствуя, как сердце забилося быстрее, а поле зрения расширилось сильнее прежнего.

«Использовать селезёнку?» — шепнула моя невидимая помощница.

— Да, — в голос выкрикнул я. В боку сразу закололо. Почти сразу из кустов, откуда стреляли из мушкета, раздался быстро оборвавшийся вопль. А потом на дорогу выбежало серое создание.

— Бабуин? — сам у себя переспросил я, глядя на существо.

— Небесная пара, — раздалось сзади бормотание незнакомого голоса. — Псоглавые.

А обезьяна встала за ноги несколько раз качнула головой и оскалила пасть, показав огромные клыки.

— Девочки, не робеть! Побежим, всех порвут! — раздался возглас какой-то из разбойниц, смешанный с нотками истерики.

— Катарина, — позвал я. — Что происходит? Это же обезьяна.

— Прости, если не выживем, — проронила храмовница. — И козь паду, застрелись.

— Какого хрена? — выругался я по-русски. А тем временем обезьяна ударила кулаком по бицепсу в весьма однозначном жесте и заверещала. Из травы начали подниматься другие обезьяньи головы.

— Да ну нахрен! — снова вырвалось у меня, когда ближайший бабуин гордо оперся на длинное копьё и выставил перед собой вытянутый щит, похожий на таковой у воинов африканских племён. Они все поднимались и поднимались, отчего я сбился со счёта.

— Это что? Тоже залётные с юга?! — выкрикнул я, целясь в ближайшее существо.

— Угу, — буркнула Катарина, водя перед собой стволами.

— Да в задницу такую планету обезьян! В задницу такие приключения! В задницу Сан Саныча! Выберусь, подам рапорт на увольнение! — выматерился я, добавив потом несколько словечек покрепче.

Вставший чуть поодаль самый здоровый павиан был вообще одет в трофейную кирасу и с каплевидным щитом, на котором виднелся не до конца сошкрябанный герб какой-то дворянки. Эта уродина начала протяжно и отрывисто визжать и ухать. Казалось, это было намёком на речь, тоновую, как у азиатских народов, отчего на две-три гласные и десяток скупых согласных приходилось огромное число комбинаций звуков.

Конец своей воодушевляющей речи вождь закончил протяжным дрожащим воплем, в ответ на который вся эта сотня-другая павианов взорвалась многоголосым криком. А затем в нас полетели камни и дротики. Молодые обезьяны выскакивали перед воинами, раскручивали над головой пращи, пускали снаряды и резво убегали назад, за стену вооружённых копьями самцов. Дротики метали не голыми руками, а специальными палками-

металками.

— В бой, сучки! — закричала Урсула, стоя под градом камней с невозмутимостью бывалой ландкнехтши. Даже когда в кирасу попало, оставив небольшую вмятину, лишь наклонила голову со шлемом, чтоб по глазам не попало.

Первой выстрелила Катарина, убив сразу двух щитоносцев. Следом за ней начали стрелять из луков разбойницы. Сейчас было не до разборок. Сейчас бы выжить, а там разберёмся, кто плохиш, а кто супермен.

Я тоже начал нажимать на спусковой крючок, делая паузу в две-три секунды, чтоб прицелиться. У меня осталось всего два десятка патронов, и не хотелось бы их тратить впустую. Но обезьян было всё же слишком много.

— Вперёд! — заорала Катарина, быстро сунув пистолеты за пояс, вытаскивая фальшион из ножен и перекидывая с локтя на запястье свой кулачный щит.

В этот момент у меня впустую щёлкнул пистолет, и я воткнул полушпагу в землю и потянулся к кобуре за вторым магазином. За спиной раздался вопль боли, но оборачиваться и глядеть было некогда. Наверняка это дротик достал одну из разбойниц. Меня и самого два раза вскользь задело камнями, отчего правое бедро и левое плечо словно обожгло.

Наёмницы разогнали пращниц и вклинились в неровный строй обезьяньих воинов.

— А вот вам стручок побольше по мордам! — закричала Урсула, опуская двуручник на ближайшего врага. Длинная полоска стали рассекла того вместе с тростниковым щитом до пояса. Павиан молча упал в траву, а клинок взметнулся по дуге и пошёл на заход на новую цель.

Остриё Катаринино фальшиона тоже порхало, сея смерть.

Я вогнал новый магазин, передёрнул затвор, чтоб снять его со стопора, и направил патрон в ствол. Рядом стояла и что-то бормотала Лукреция.

— Пращников дави! — прокричал я, услышав тихий свист датчика. Сам прибор болтался сейчас у меня на шее, как амулет.

— Не получается, — огрызнулась волшебница. — Они слишком быстрые.

— Бездна! — выругался я на местном языке. А в голову пришла дурная мысль. — Ломай на Катарине остатки печати!

— Зачем?!

— Тормоз! — выругался по-русски и снова перешёл на местный. — Ломай!

— Саскэ! — было в ответ.

Волшебница зажмурилась, дёрнула головой и вытянула руки

перед собой.

— Эле-кастило кера. Кай уна пэрта керада. Ла-кадэна да-акеро кера. Абра уна бестиа эн либертат. Падёт замок. Падёт тугая дверь. Стальная цепь падёт. Свободен будет зверь.

Многоосный визг датчика оборвался на высокой ноте, дав знать, что заклинание кончено. В ту же самую секунду контуры Катарины размазались от скорости движений. Клинок, казалось, теперь мог находиться сразу в двух положениях. Брызги крови висели в воздухе сплошным облаком. Разлетались в разные стороны отрубленные конечности. И, кажется, стало понятно, почему волшебница боялась храмовницу. Пока она будет прицеливаться волшебством, та уже вгонит в горло клинок.

— Поджигай траву! — закричал я, глядя побледневшую и покрывшуюся испариной Лукрецию.

— Сгорим же, — сипло произнесла она.

— Думаешь много! Поджигай!

Волшебница снова вытянула руки. На этот раз слов не последовало, лишь губы её шевельнулись разок, а потом сухая трава вспыхнула, как будто в ней пол-литра бензина пролили. Языки огня взметнулись, поднимая клубы сизого дыма. Это стало последней каплей. Над полем пронёсся протяжный вопль, и обезьяны бросили наутёк.

Катрана поддела ногой уроненное копьё, подбросила слово жонглёрша фальшшон, перехватила оружие и швырнула. Копьё

вонзились в спину драпающему павиану, отчего тот упал на землю, словно куль с мукой, и затих. И в этот миг наёмница поймала подброшенный клинок.

Рядом с ней закричала вдогонку Урсула.

— Вот вам под хвост, крысы трусливые!

Мечница плюнула вслед убегающим и устало опустила голову и руки.

Зато ни с того ни с сего закричала Катарина. Она выронила оружие, обхватил себя дрожащим руками. Казалось, её тело горело невидимым огнём и ей больно.

— Что с тобой?!

Я бросился к ней.

— Не трогай, не трогай, не трогай, — быстро забормотала она и начала расстёгивать ремни и пуговицы. На землю полетели ножны, пояс, кольчуга и одежда. Когда девушка осталась совсем голой, она так и стояла, осторожно прикасаясь дрожащими пальцами к коже, покрытой множеством мелких-мелких синяков.

— Ай-ай-ай, — лепетала она. — Больно.

Я ещё раз оглядел обнажённую храмовницу.

«Система, анализ произошедшего».

«Анализ завершён. Имеют место многочисленные микротравмы вследствие превышения допустимой на мышцы нагрузки. Возможные причины: воздействие психотропных препаратов; ваши галлюцинации на фоне стресса».

Ну, вряд ли это глюки, так что нужно помочь девушке. Я быстро открыл сумку и достал шприц-тюбик с обезболивающим.

— Потерпи. Сейчас легче станет.

С такими словами вогнал иголку в ягодицу девушки.

— Саскэ! — завопила Катарина со слезами на глазах, а потом самым натуральным образом зарычала. И хотя голосовые связки были не звериные, а человеческие, рык был жутковатый.

Я опасался, что огонь начнёт распространяться, но вместо этого он выжег небольшую, источающую струйки сизого дыма, чёрную проплешину и угас, уперевшись в голую землю меж сосен, ветер таки довёл пламя до леса и там затих. А остальное было настолько вытоптано беснующимися бабуинами, что загореться сложно.

Обезьяны скрылись и в воздухе повисла тишина. Самое время разобраться с разбойницами. Я вывалил на ладонь последние четыре патрона и начал выполнять норматив по снаряжению магазина. Действовать нужно быстро, пока не опомнились. Сейчас перезаряжу, быстро развернусь и пришибу тех, что с луками.

Потом уже можно браться за копейщиц. Может, Лукреция парочку придушит, всё польза будет. Остальные на совести

Урсулы, так как Катарина пока не боец.

Да, именно так. Я щёлкнул затвором, приготовившись действовать. Начал обратный отсчёт.

— Ну вы и накрошили салатика к барбекю, — раздался за спиной возглас. Я устало, но быстро обернулся, увидев ещё одну группу вооружённых женщин, выходящих из леса. Все в кирасах и шлемах как у конкистадоров. У трети щиты и мечи, у трети пики, остальные с луками и мушкетами. Общим числом около трёх десятков. Да ещё и собаками.

— Да ну нахрен, — простонал я. Допрыгались. Этих точно завалить не сумеем.

Главная с цветастой накидкой и с большим пером на шлеме. На перевязи четыре пистолета. В руке палаш. Она упёрла руку в бок и озадаченно разглядывала побоище.

И снова тишина. Все просто стояли и глядели друг на друга.

И эту тишину разорвал вопль Урсулы.

— Тереза, старая ты корова! Щас расцелую тебя, моя родненькая! Мечница бросила на траву клинок, развела руки и радостно пошла навстречу главной.

— Да в зад меня и в перед! — раздалось в ответ. — С какого воза тут свалился этот мешок с небылицами?!

Глава 25

Мешок со сказками

— Я Лукреция да Бэль. Перст магистрата. С кем имею честь разговаривать? — сухо произнесла стоящая рядом Лукреция.

Я поглядел сперва на волшебницу, которая смотрела стеклянными от усталости глазами на главу только что прибывшего отряда. Магесса медленно моргала, но при этом старательно держала осанку и горделиво-невозмутимый вид, сложив ладони в замок и опустив их на уровень низа живота, ни дать ни взять, герцогиня. Царственный образ портили только капли крови, которыми забрызгано платье, обветренная и оттого треснувшая губа и исцарапанные руки. Подумалось, что именно такой должна быть сильная и независимая женщина — спокойная и рассудительная, знающая себе цену, а не прыгающая на площади с голыми сиськами с плакатом «все мужики — козлы». Ну, какой я козёл? Так, если с приставкой на выходные зависну и не побреюсь. Но это давно и неправда.

Потом мой взор задержался на Катарине, которая, шипя и морщась, надевала на себя подроспешник поверх камизы. Подумалось, что плата за сверхсилу даже очень высока. Я бы не захотел такую. Хотя у меня другая цена. Месяц лежал под капельницей — всё наблюдали, будет отторжение геле-процессора или нет. А в затылке титановая пластинка с выходами служебного доступа. Пальцы сами собой потрогали два похожих на оспины шрама несколько повыше места стыка позвоночника и черепа, а потом легли на эфес заткнутого за пояс клинка.

Единственная кто сияла, как начищенная медная бляха, это Урсула, она крепко-крепко обняла прибывшую. Они выглядели очень похожими — обе не по-женски широкоплечие, мясистые, с морщинистыми, загорелыми и обветренными лицами, грубыми мозолистыми руками.

— Тереза да Шарлиз, шериффа Серебряных Холмов, — ответила женщина, высвобождаясь из объятий Урсулы.

— Спасибо, — тихо произнесла Лукреция и закрыла глаза, а потом слегка качнулась, словно вот-вот упадёт в обморок. Но всё же устояла, и положила ладонь на заколку своего плаща.

— Жрать хочу! И выпить! — закричала Урсула, возвращаясь за оброненным мечом. А когда наклонилась, охнула и схватилась за спину. — Кажись, потянула. Точно, жрать и спать.

— Подожди, сейчас с этими тайнами решу, — с ухмылкой ответила шериффа. Она вальяжно подошла к разбойницам,

которые из охотниц сами стали дичью. Все глядели на стражу исподлобья, но ни убежать, ни драться не представлялось возможным.

— У-у-у, — протянула Тереза, поддев кончиком фальшиона подбородок главарки шайки. — Знакомые лица. Тебе мало клейма и колодок за кражу, так теперь разбоем решила заняться? Да ещё дурочек себе из батрачек нашла.

Шериффа задумчиво оглядела остальных разбойниц и взмахнула рукой.

— Верёвку!

— Тереза, слушай... не надо. Я больше не буду. Небесной Парой клянусь, — затараторила главарка.

— Ты уже раз клялась святыми именами, — прошипела Тереза, надавив на клинок, отчего по грязной шее потекла струйка крови.

— Ну, Тереза, пожалуйста, не надо. Я штраф выплачу. Большой штраф. Мне за этого халумари задаток дали. Три золотых. Я всё отдам.

Судя по брошенным на главарку хмурым взглядам, подельницы явно не в курсе о золоте. Наверняка кучку меди им пообещала.

Шериффа поглядела на Урсулу, которая провела пальцем по шее, а потом высунула язык, имитируя труп.

— Это вам Джинджер нашептала? Я передам этой бешеной сучке, что в моём городке все поимки только с моего разрешения. И голову твою к письмецу приложу. Хотя, твоя голова ей неинтересна. Ей ведь никто, кроме самой себя, не дорог.

— Не-не-не, не Джинджер, — залепетала разбойница. — Там другая была. Я лица не видела, но не Джинджер. Рыжая никогда лица не прячет. А эта в капюшоне.

— Денежку я и так с твоего трупа возьму. Ты же настолько тупая, что вряд ли додумаешься спрятать. С собой ведь надёжнее? — ухмыльнулась Тереза.

Я молча наблюдал за этим допросом, а разбойница бледнела всё больше и больше, по мере того как на ближайшую подходящую ветку сперва накинули верёвку, а потом подогнали простенькую колесницу. Наверняка преступницу поставят на транспортное средство, как на плаху, а потом подстегнут бычка. И всё. Нет разбойницы.

Шериффа убрала остриё от горла и приложила к щеке.

— Ну, Тереза, ну, пожалуйста, — заплакала разбойница.

И если честно, мне не было её жалко. Времени обдумать свои приключения имелось предостаточно, и если раньше хотел по земному, честным судом, то сейчас мне эта средневековая миссис

судья Дредд даже нравилась.

— Золотишко дай, — спокойно произнесла Тереза.

— Да-да-да, — тут же забубнила и закивала головой разбойница. Она быстро сунула руку за пазуху и вынула небольшой тряпичный мешочек с завязками. По щекам побежали слёзы. Трясущиеся пальцы протянули монеты шериффе.

Тереза улыбнулась.

— Ну вот. С грабежом решили, осталась кража скота.

Шериффа до хруста сжала кулак разбойницы своими пальцами и быстро подняла фальшион, на котором осталась кровь. В траву упало отрезанное ухо вместе с клочком волос. Разбойница дёрнулась и истошно закричала, зажав рану свободной рукой.

А шериффа с силой опустила рукоять меча на запястье лиходейки, ломая кость.

— Вот теперь точно всё. Остальных разогнать плетью.

Тереза подхватила выпавший кошелёк и быстро развернулась. Все молча глядели на эту сцену. Катарина равнодушно, Лукреция с лёгкой брезгливостью, Урсула с пренебрежением. А что до меня, то я слишком устал, чтоб во мне шевелились эмоции. После коротких сборов к нам подогнали пустую телегу, на которой, оказывается, ехали сюда стражники с мушкетами. Теперь они шли пешком. Зато с каким удовольствием я сел на жёсткую скамью этого импровизированного микроавтобуса. Казалось, растекусь по доскам, как желе.

— Возьми! — раздался крик Терезы, которая протянула поводья своей колесницы одной из стражниц, а сама села рядом с расположившейся напротив меня Урсулой. — Ну, рассказывай.

— Сперва ты, — ухмыльнулась мечница. — Ты как чудесно вовремя. Ещё немного, и не пришлось бы никого вызывать.

Шериффа отмахнулась и вытянула ногу, сунув аккуратно между моих и уперевшись сапогом в борт. Эта женщина лет сорока с хвостиком время от времени поглядывала на меня и поправляла до сих пор чёрную косу. Только сейчас мне приставаний и не хватало.

— Мельничиха прибежала с криками, что видела псоглавых. А их ведь как, если не пугнёшь сразу, потом хлопот не оберёшься. Тем более здесь недалеко моя пасека. Вот я и решила вокруг городишка для верности поглядеть. А тут выстрелы, крики, вопли. Примчались, а уже всё кончено.

Она рассказывала, а мы спустились лесом в небольшой лог, который в ливень наверняка превращается в реку. Во всяком случае лесок простирался вдоль этой ложбины, петляя вслед за ней. В самой середине дорога оказалась сырой, как будто только

что после дождя. По краям росли густые папоротники, порой даже древовидные, заменявшие местным пальмы. Но они не поднимались выше нижних ветвей сосен, прячась в тени от Небесной Пары. Если не ошибаюсь и правильно помню лекции, папоротник здесь являлся символом скромности и целомудрия. Ибо никто никогда не видел, как он цветёт. А про стеснительных детей в шутку говорили, что в папоротниках нашли.

— Помнишь, мы после штурма Каринборга казну того купца нашли? — продолжала Тереза. — Я со своей долей осела в Серебряных Холмах.

— Ну у тебя же здесь бабка жила, — нахмурилась Урсула.

— Бабка трактир держала. Он мне достался. А я через полгода из стражниц в шерифыни. Это градоначальница сама предложила. Ну это былое. А у меня сейчас два десятка ульев, полсотни лис на шкуры в клетках, и пруд с крокодилчиками. Надо же куда-то мясо от лис девать. Да и шкурки крокодилы в Галлипосе хорошо покупают. Не хуже лисьих. Я в год по сотне штукек отвожу. Купцы вмиг разбирают. Я ведь шериффа, вот сдружилась с разными чинами. А про шкуры мне начальница стражи да Кашона подсказала.

Я поднял глаза и улыбнулся, как всё же тесен мир, а Урсула откинулась на бортик и начала пафосно разглядывать ногти.

— Я с эта... с дочкой да Кашона на короткой ноге, — деловито протянула она, и я улыбнулся пошире, ожидая очередную байку местного Мюнхаузена.

— С Клэр, что ли? — переспросила с недоверием Тереза.

— Через день дитятко заходит. Даже ночью. Мол, как дела, тётя Урсула?

— Да хватит брехать, — упёрла руки в боки Тереза. — Знай меру!

— А чё брехать. Ты вон у халумари спроси. Он врать не будет, — с самодовольной улыбкой ответила мечница, а сама поглядела на меня и подмигнула. Я кивнул.

Шериффа перехватила мой взгляд и протяжно вздохнула. А Урсула продолжила сказку.

— Я же на свою долю домик на Набережной Кожевников взяла. У меня муж и семеро детишек. Три дочки и четыре сына.

— Ты и дети... — нахмурилась Тереза, — не представляю. Я думала, всех по родне раздала, как сирот.

— Все дома. Небесной Парой клянусь! Старшенькую в стражу устроила, сын старший на выдане, я ему лавку в торговом ряду купила, как приданное. Все деньги на детей съедены. То в гильдии к ногам серебро уронить надо, чтоб дела сделать. То ещё где. Пришлось в тушкохранильницы податься. Я же самая

лучшая в Галлипосе. Вон, даже халумари наняли. Сами в ножки кланялись. Ну а я милостиво согласилась. От других-то толку нету, только на меня надежда.

Катарина с Лукрецией одновременно поглядели исподлобья на мечницу, и даже пришлось повернуть голову к храмовнице и пробормотать, что это шутка. Не поймёт ведь. Обидится.

А Урсула тем временем позвала меня.

— Эта, юн спадин, скока мне обещали за твою жизнь? — произнесла она.

Я прищурился. Знаю, что в смете обычно числится четыреста тысяч рублей. Монеты весят примерно семь грамм. Курс золота был по четыре с половиной тысячи. Курс серебра по полтиннику за грамм. При этом покупательская способность драгметаллов сопоставимая. Четверть из суммы — задаток.

— Всего двенадцать золотых и шестьдесят серебряных, — произнёс я ответ, закончив мысленные расчёты.

Тереза хмыкнула, мол, неплохо, но зато тихо возмутилась Лукреция.

— Бездна. Наняться, что ли, — пробурчала она. — Это мой доход за полгода.

Волшебница поджала губы и с обидой глянула на Катарину и Урсулу. Но потом спохватилась и снова начала изображать из себя важную даму, выпрямив спину и сложив руки подобающим образом.

А Мечница вошла в раж. Жизнь удалась. Можно похвастаться перед подругой, как говорится, померяться сиськами.

— Так я себе цену знаю. Что они без меня бы делали? Ты же знаешь, я как врублюсь во вражеский строй, направо взмах — десять падают. Налево взмах — дюжина. Вот едем мы с ними. Пять возов добра. Слуги. Подарки для этой, как его... политики. Вот. На нас сперва под Яблонево Речкой напала сотня. Я раз, раз, раз. Девчонка на подхвате, чтоб спину не ударили. Учю пока молодуху, как за меч правильно браться.

Катарина возмущённо зашипела, и пришлось снова толкнуть в бок.

— Да знаю, что шутка, но ведь неправда, — произнесла она.

— Не. Девочка способная, толк выйдет, — выкрутилась Урсула, словив свирепый взгляд храмовницы. — А госпожа волшебница так и вовсе...

Мечница снова запнулась. Мало того, что Лукреция из-за вознаграждения дуется, так ещё и из-за сказок обид будет выше небес. Так и шею свернуть может.

— Ну, не положено волшебницам сражаться. Неблагородное это дело. Пули свистят сотнями, а она эта... средоточняется. Зато

потом ка-а-ак бац. Десяток словно червей между пальцами раздавила. Только кишки в разные стороны. Силище.

Лукреция при слове черви брезгливо поморщилась. А мы тем временем выехали из леса и двинулись по дороге между ним и засеянными льном и злаками полями. Вдали на небольшом холме виднелась одинокая мельница, как первый признак цивилизации.

— Потом в самой деревушке напала рыжая, — продолжила рассказ Урсула, совсем разойдясь, начав размахивать во время повествования руками. На неё поглядывали не только мы, но и всё стражницы. Постарше с улыбками. Помладше — открыв рот. Они подобрались поближе. Иные даже специально шли пешком, ведя за поводья запряжённых в колесницы бычков.

— Тоже сотня? — ухмыльнулась Тереза.

— Да там и одной рыжей на целую сотню будет.

— Ну это да.

— Значит, бросились мы напролом. Пули свистят. Еёйные подельницы кидаются со всех сторон. На телегу цепляются, аж приходится по пальцам топтаться. А халумари что учудил? Он рыжую уделал.

— Да брешешь! — снова взорвалась Тереза. — Не мог мужчина Джинджер побить! Не верю!

Урсула встала и пафосно упёрла руки в боки. Но на кочке снова села, схватившись руками за бортик.

— Я тебе правду говорю. Уползла, скуля, как побитая дворняга.

— Да не. Не верю, — провела ладонью по волосам Тереза. — Узнаю. Но если брешешь, с тебя бочонок.

Урсула заулыбалась пошире.

— Мы весь обоз и всех слуг на переправе потеряли. Как сунулись в воду, из неё пасть, что бездна разверзлась. Корабль влезет. Вмиг съела. Чудом выжили. Бежали. Не тягаться же нам с демонами. А потом на Красном Озере ночевали. И явился нам инфант. Красивый-красивый. И на меня такой весь влюблённый смотрит.

Урсула мечтательно вздохнула, поглядев куда-то вдаль.

— Красивый он. Да, — повторила она, снова вздохнув.

— Да его лет двадцать последний раз видели. Уже и храмовый столб забросили. Если кто из местных ходил, но всё без толку.

— А мы видели! Вот как тебя, корова ты старая, — ткнула пальцем в грудь шерифыне Урсула.

— Ну, давай. Бреши дальше.

— Не веришь? Он ещё мудрые слова говорил. Тока я не поняла. Шибко умные они были.

— Да и бездна с тобой. Верю. Что дальше?

— А что дальше? — переспросила Урсула. — Дальше перебили всех псоглавых, и явилась ты.

Рассказ кончился. Все продолжили путь молча. Лишь со стороны стражниц доносились голоса. Но когда показался городок, взяла слово шериффа.

— Слышали новость? Королева при смерти. Как наследница скончалась от лихорадки, её удар хватил. За власть грызутся кузины. Герцогиня да Айрис с герцогиней да Берта люто ненавидят друг друга. К столице терции стягиваются. Как бы войны не было. Да Айрис юность провела в Галлипосе, и её гильдии поддерживают. Деньги на войско дают в обмен на обещание вольниц. А под шумок всякие сучки повылезали, решают свои делишки. Да и всякие тёмные личности шныряют, подбивают на бунты. Говорят, и магистрат симпатизирует да Айрис.

— Ну, — протянула Лукреция, к которой последние слова и предназначались. — Я слышала, с ней проще договориться. Потому, наверное, верховный совет и симпатизирует. Но о войне ничего не слышно. Да и не изменится для магистрата ничего. Была одна династия, станет другая.

— Это потому не слышно, что сплетниц сразу вешают, — вздохнула Тереза. — Для торговли сплетни — это самое плохое. Да и герцогини все исподтишка делают. Королева-то ещё жива. В общем, все стараются решить свои задачи с оглядкой на возможную смену династии. Кстати, видела недавно ночных охотниц.

Я поднял глаза на шерифыню, а она в ответ глядела на меня.

— Поймали мы две дюжины дней назад разбойницу. И тут ночью появились эти. Из пустоты. Светятся разными цветами, а над головами светляки размером с сову летают. Жужжат громко. Аж перепугались все.

Я улыбнулся. Светлячки — это квадрокоптеры с прожекторами. А то, что ночные охотницы сами светятся, так это для психологического эффекта их люминесцентной краской разрисовали, и с тех же дронов ультрафиолетом подсветили.

— Подходят они, значит, к нам. То есть, к головорезке. И начинают спрашивать. Ты, мол, убила халумари? Та аж обмочилась под себя. Нет, не я, заорёт эта дура. А ночные тихо так, мол, ложь. Мы чувствуем ложь. Я хотела вмешаться, да у половины стражниц ноги подкосились, как по волшебству.

Я снова улыбнулся. Импульсный шокер. Штука хорошая, на дистанции в сотню метров любого вырубит. Жаль, что мне такой не положен. Да и тяжёлый он очень.

— Ну, забрали они эту гайну. Больше её не видели.

Все снова замолчали. А отряд миновал пост городской стражи, на котором охрана отрапортовала шерифыне, что в городе спокойно, и никто подозрительный не пытался проникнуть.

Вот мы и в городе. Небесная Пара опять клонилась к горизонту, и впереди нас ждал долгожданный постоянный двор, вкусный ужин, бадья с тёплой водой и мягкие постели...

* * *

— Вы знаете, что королева себя неважно чувствует? — произнесла Кассия, сидя на большой светлой веранде за одним столом с генералом. Зверомуж задумчиво глядел на красивый хрустальный бокал с вином и не спешил с ответом. За его спиной стоял паж и переводил.

На белоснежной скатерти располагались хрустальные тарелки и серебряные столовые приборы. Кассия сама бы не отказалась от таких. Но гордость заставляла себя вести так, словно ей всё знакомо и привычно.

— А почему с таким важным заявлением нам приехать не первая особа? — наконец произнёс генерал, а паж перевёл.

Кассия поглядела на небольшую шкатулку, из которой лилась тихая, но очень чистая музыка. Если будут продавать, в числе первых купит.

— Какая-то волшебница ужинает с мужчиной. Люди посмеются, и только. А если госпожа Николь-Астра сама примчится, в народе пойдут слухи. Поэтому ещё раз спрошу. Вы знаете о королеве?

— Вы очень прямолинейны, — ответил слова генерал, а потом всё же кивнул. — Знаем.

— Хорошо. Магистрат надеется, что вы не сделаете глупость и не полезете во внутренние дела королевства. И магистрат надеется, что вы будете очень осмотрительны. Любой ваш шаг может быть неверно истолкован. Вы нам интересны, потому и высший свет, и священная доминанта глядят на всё это сквозь пальцы. Но мы не станем ссориться с ними, если что-то будет не так. Мы сделаем шаг в сторону, и орден спустит своих зверей с цепи.

— Вы нам тоже интересны, — усмехнулся зверомуж, — а если бы мы хотели войны, вы были бы уже мертвы, а на месте столицы выжженная пустошь. Так что давайте без угроз и резкого тона.

Кассия прищурилась и отпила из бокала. Вино было очень

недурным, как и закуска к нему. Во всяком случае такого сыра она никогда раньше не пробовала.

— Вы не знаете орден. Вы не знаете магистрат. Не стоит делать поспешных выводов, — после небольших раздумий произнесла она. — И мы с вами не о войне говорим, а о внутренних делах. Мы же не мешаем вам копаться в нашей земле. Не мешаем торговать.

Генерал опустил взгляд на тарелку, где лежала нетронутая птица с овощами. А Кассия ждала ответа. Ей самой было не по себе от взваленных на плечи обязательств, но это назначение — шаг наверх. Чем богини не шутят, может, даже в верховный совет магистрата. И потому она будет идти до конца. Каким бы он ни был.

Наконец, зверомуж поднял глаза.

— Я понял, чего вы хотите. Я обещаю, что, если к нам придут и будут склонять принять какую-либо сторону, вежливо откажу и дам вам знать.

Кассия вежливо улыбнулась и снова пригубила вина.

— Спасибо. Надеюсь на сотрудничество, ведь мне поручено обсудить с вами совместные дела, но прежде чем приступить к обсуждению, спрошу, вы знаете, что на одного вашего халумари в поселении Яблочная Речка было совершено нападение? Отряд с боем прорвался, но больше о них никто ничего не знает. Что он там делал? Там не должно быть ваших посланников.

Генерал нахмурился и прорывал: «План территорий, живо!». Тотчас из расположенного неподалёку дома выбежал ещё один зверомуж с большой бумагой. Это оказалась карта, которую тут же расстелили на обеденном столе, сдвинув посуду. Кассия вытянула шею, вглядываясь в непривычные, но при этом невероятно аккуратно прорисованные обозначения. При этом в целом всё угадывалось.

А генерал пробежался пальцем по карте.

— Яблочная речка, — произнёс он. — У нас только один маршрут в ту сторону. Посол доброй воли в Таркос, вышедший из Галлипоса. Но они не должны были идти через Яблочную Речку. Что-то пошло не по задуманному.

Волшебница замолчала, поджав губы, а потом поставила бокал на стол и встала.

— Найдите их, — выдавила она из себя. — Любыми силами найдите и верните.

— Госпожа Кассия, у нас непредвиденное положение. Но смею заверить, что ушедший посланник не замешан в политике. Не стоит делать из этого скандал.

— Мне плевать на политику. С вашим халумари ушла моя

племянница...

Глава 26

От заката до рассвета

Опять под конец дня мы приходим в очередную локацию. Несмотря на название, ковыля в окрестностях обнесённого невысокой каменной стеной не было. Наоборот, в изобилии имелись рябина, берёза, сосна, акация и прочие виды. Несколько раз мелькнули кипарисы и дубы. Телега с мелким подёргиванием на грунтовой дороге, изобилующей множеством мелких камушков, остановилась у самых высоких ворот с внутренней части городишка. Никакого рва и откидного моста не было, зато можно различить несколько сторожевых вышек. На ближайшей даже удалось разглядеть стражницу с луком упёршуюся лбом в деревянный брус. Весь вид её изображал тоску зелёную, и даже когда шерифыня погрозила кулаком, та лишь немного приосанилась, мол, я не сплю.

Пришлось спешиться. Сразу же навалились усталость и апатия. Даже желудок лишь вяло сжался, намекая на то, что пуст.

— Все по домам! На рассвете у ратуши! — закричала шерифыня своим помощницам, махнув над головой рукой, отчего те радостно загалдели и почти вмиг испарились, а сама упёрла руки в боки и поглядела на нас. — Идёмте, я покажу где хорошая таверна.

Сама же, не дожидаясь ответа, направилась вглубь этого тесного, но столь уютного городка. Хотелось даже приложиться щекой к прохладной каменной стене и стоять так, отдыхая не столько физически, сколько внутренне. Но перспективы нормальной еды и кровати, заставляли идти вслед Терезе. Идти, переставляя непослушные ноги, не обращая внимания на давящие невероятной тяжестью на плечи сумки, на лопнувшие до крови губы. Наверняка в этот момент я казался не утончённым эльфом, а жалким оборванцем, даже близко непохожим на интеллигенцию.

— Твоя? — усмехнулась Урсула. Она несла меч уже без чехла, ибо тот потерялся где-то в промежутке между нашими приключениями. Несмотря на усталость, наёмница шла и широко улыбалась.

— Конечно, моя, — отозвалась шерифыня.

Впереди были узкие мощёные улочки, спрятанные между жмущихся друг к другу двухэтажных домов. Грубая каменная кладка поднималась только до верха первых этажей, вторые же представляли собой каркасы из бруса, между которых была

мазанка — решётка из толстых прутьев, замазанная толстым слоем смеси из глины и соломы. Но в отличие от мастерских ремесленной слободы, стены были покрашены разноцветной глиной или побелены, отчего казались более воздушные. На небольших подоконниках стояли кадки с цветами, придавая живости. Почти весь верхний ярус занимали переброшенные поперёк дороги жерди, на которых сушилось бельё, в основном пелёнки и нижние рубахи, иногда расшитые цветными нитями.

Сами же улочки были таковы, что можно развести руки в стороны, и они коснутся стен. Но главное — это люди. Мужчины с корзинами, мальчики с куклами, высокие по земным меркам девочки с палками за поясами вместо мечей, женщины с обычными деревянными тачками с одним скрипучим колесом. Все бросали на нас любопытные беззлые взгляды, пропуская при встрече.

Мы шли не так долго, как изначально ожидалось, и вскоре оказались у небольшой рыночной площади всего сорок на сорок метров. Трактир выходил окнами на неё, но не думаю, что это приносило постояльцам какое-либо неудобство. Обилия торговцев не наблюдалось, да и вели они себя тихо. Зато тут же через площадь стояла ратуша, на высокой башне которой имелись самые настоящие часы. И хотя стрелка в целях экономии только одна, она давала понятие о времени суток. Я ещё издали заприметил звон, но думал, это какой-то местный храм, но нет — часы.

Я глупо улыбкой перевёл взгляд с циферблата на вывеску над дверями в таверну, а потом оглядел своих спутниц. Все они старались держаться молодцевато.

— Мне приличия соблюдать, или все свои? — тихо спросил я у Катрины.

Девушка кисло улыбнулась и кивнула. Она толкнула дверь в таверну и придержала рукой, пропуская меня внутрь. Я не стал мучиться угрызениями совести, что сам должен проявлять галантность, правила не те.

— Так да, или нет?

— Не заставляй стыдиться твоей близости, — прошептала она в ответ. — Яси?

— Понял, — улыбнулся я, сделав шаг в помещение. Порога как такового в двери не было, так как они висели на вбитых в землю опорных брусках. Пол и улица различались лишь качеством укладки камней — в таверне они были мельче и лучше подогнаны друг к другу. Но это и не удивительно, помещение топить в этом тёплом климате почти не надо, а потому не нужны ни подпол, ни плотная подгонка дверного створа для

теплоизоляции, и можно прямо на земле спать.

Внутри было не слишком просторно. Первый этаж занимал трактир на четыре столика, стойка и камин. Здесь же была и лестница наверх. Ставни на окнах ещё не закрыты, и потому помещение втекал уличный воздух, несущий хоть и не сильный, но очень специфичный для средневековья аромат помеченных углов, навоза и человеческих фекалий. Но запахи провинциального городка, сдобренные аутентичными для трактира нотками пропахшей каши, жареного мяса, гари очага и чего-то фруктового перебивались стоящей на небольшом столике курильнице для благовоний. От неё поднималась тонкая струйка дыма, дрогнувшая и изогнувшаяся при нашем появлении как испуганная змейка.

В углу что-то тренькал на дешёвой лютне пёстро одетый менестрель лет шестнадцати. Увидев нас в сопровождении шерифыни, он приосанился и несколько раз потрогал колышки, на которых натянуты привычные человеку конца двадцать первого века стальные струны. Всего их пять.

— А-а-а, — протянула Урсула, поглядев на барда с каким-то озорным прищуром, — Помнишь, как в старые добрые времена? Всё чё в пожраточной, то общее. А раз так, мальчонку за собой оставляю. Сёдняэтай мой трофей будет. И знашь, чё ещё не хватает?

Тереза опустила руку на лавку и провела рукой по столу.

— Падаль ленивая, всё жирное, — недовольно буркнула она, потерев между собой пальцы, которые сложила щепоткой, а потом подняла глаза на Урсулу, — Чего?

— Вышибалы. Ща бы рожу ей набила, — мечтательно протянула мечница.

— Ага, и разнесла бы всё здесь. Нет. Теперь это моё. Так что обойдётся.

Тереза поглядела на менестреля, костюм которого казался целиком сшитым из разноцветных лоскутов и заплаток по принципу «лишь бы поярче».

— А эту бездарность можешь совсем забрать. Зря только лютениру на лютню серебром потратилась.

Паренёк надул губы и начал натренькивать что-то незатейливое. Действительно, не фонтан, зачастую подростки с гитарой во дворе лучше играют.

Пока шла эта перепалка, мы опустились на скамьи. Молодая полненькая женщина в фартуке, ковырявшаяся до этого у подвешенного на цепочке котла, часто и испуганно поглядывала исподлобья на Катарину. Вскоре она встала и ловко схватила глубокие глиняные тарелки с полки начала наливать в них

горячий отвар, наверняка это какое-то дежурное блюдо.

И вот они на столе, вместе с деревянными ложками и доской с нарезанным хлебом.

— Сыр, вино, копчёности, — распорядилась Тереза.

Я же сглотнул и принялся к еде, пахло варёной свининой, луком и какими-то травками. По местному обычаю нужно покрошить хлеб в бульон, что я бы незамедлительно бы сделал, но раз обещал Катарине блюсти приличия, то надо неспешно, с чувством собственного достоинства. Вот как волшебница.

— А изэа о-о-о, — сильно размахивая руками, протянула повариха. Она изображала в воздухе пальцами какие-то знаки, но мне они были непонятны.

— Сыр кончился? — нахмурившись, переспросила шерифыня, а повариха покачала головой и снова начала мычать, кивнув напоследок на Катарину.

Я ожидал всего, но в разговор вмешалась Лукреция.

— Подойди, бедняжка.

Женщина изобразила лёгкий присед и приблизилась, я с любопытством глядел на происходящее, размакивая по местным обычаям куски хлеба в похлёбке. Волшебница, притом что качалась от бессилия, держала себя, как знатная особа, и даже тон был вежливо-снисходительный. Она поддела пальцами ткань на плече женщины и сдвинула, обнажая кожу и выжженное на ней клеймо. Не такое, как у Катарины, а небольшое и словно наспех поставленное.

— Не бойся, — произнесла волшебница, — она не причинит тебе вреда. Вот смотри.

Лукреция сглотнула и протянула руку, положив её поверх руки храмовницы. Все быстро поглядели на Катарину, а я задал вопрос, следуя этикету.

— Госпожа будет очень добра, если пояснит произошедшее.

— Эта, юн спадин, не к лицу тебе белоручность и белословие, — скривилась сидящая напротив Урсула. — Тереза, знаешь, что господин халумари учудил? Значит, пришли мы к Красному Озеру, и выходит инфант. Все помощи просят в начинаниях, а он как скажет, давай, мол, божок полудурочный, рыбу, жрать хочу. Да побольше, нам всё, что в тарелку не влезет — мелочь. Вот.

— Инфанту? — переспросила Тереза, замерев с куском хлеба. — Опять брешьешь. Он бы на куски вас порвал.

— Небесная пара мне в свидетели! — закричала Урсула, вскакивая со стола и с грохотом отодвигая свой край лавки. — Вот стоит инфант, как вот этот малец от меня. Пыжится. А господин халумари ему ужин заказывает, как в трактире.

— Должно мне приличия блюсти, и потому наговор всё это, — опустив подобающим образом взгляд, ответил я, в то время как сам едва держался, чтоб не заулыбаться. А Урсула поджала губы, явно не ожидая такой подставы. Она уже привыкла, что я веду себя весьма фривольно по местным меркам.

В помещении повисла тишина, и я снова поднял глаза на волшебницу. По этикету глаза должны быть слегка наивные, как у ребёнка, дабы не выдавать в себе суть животную. Не представляю, как местные мужичонки держатся при длительном отсутствии секса, крышу ведь сносит несмотря на сниженный по сравнению с землянами уровень тестостерона. Но наши социологи говорили, что вся эта чертовщина выливается в феноменальную работоспособность в связанных с мелкой моторикой ремёслах и невероятную эмпатию, призванную угадать желания женщины в надежде на благосклонность. А накладывающееся поверх этого воспитание, особенно у высших и средних слоёв общества, приводит к дикому сочетанию внешней покорности и пассивных способов обратить на себя внимание. Это и до безумия яркая одежда, и весьма заметные гольфики, и познания в музыке, и словесные обороты, и умение представить своё лицо максимально привлекательным. Конечно, к простолюдинам это относится в меньшей степени, чем к знати, да и соблюдается многое только на людях, но, в любом случае, я смотрюсь здесь, как Лара Крофт среди институток и затюканных крестьянок.

Поймав мой взгляд, Лукреция встала.

— Бедняжке вырвали язык и поставили клеймо неповиновения. Ей навсегда запрещено колдовать.

Волшебница наклонилась к своей сумке и вытащила оттуда горсточку зачарунок.

— Возьми.

Повариха подставила ладонь, а когда заколдованные булавки и заколки оказались у неё в руке, прижала к груди и часто-часто закивала. Вторую руку сложила в знак небесной пары, на Земле бы это означало перекрестить свою благодетельницу.

— Если быя не пошла с вами, та же участь ждала бы и меня, — тихо произнесла Лукреция, она опустилась на скамью и опустила лицо в ладони упёртых локтями в столешницу рук. — Можно мне вина покрепче? — прошептала она с тяжёлым вздохом.

— Чего стоишь? — взмахнула ладонью Тереза, — потом полюбуешься на блестячки. Неси на стол. Гости жрать хотят.

Немая несколько раз быстро кивнула и быстро бросилась к боковой двери, где была кладовка. Оттуда она вынесла корзину с вязанкой копчёных колбасок, большой головой сыра,

стеклянными бутылками и овощами. Такой ужин в Средние века на столе среднего класса действительно был праздничным.

Нож замелькал в руках поварахи, нарезая продукты. Вскоре большая чаша посередине наполнилась едой, к этому времени хлеб в тарелках с бульоном у всех уже намок и можно приступать к трапезе. Но мои спутницы не спешили. Мы в первый раз в приличном месте и более-менее приличном обществе, нужно соблюсти приличия.

Все дружно поглядели на хозяйку стола, и та встала.

— Да не оскудеет земля, дающая хлеб. Да не оскудеет небо, дающее воду. Да не отвернётся от нас Небесная Пара, дающая жизнь. Да яси всё, — произнесла она короткую молитву, сложив правую ладонь в знак верховных божеств местного пантеона. Теперь можно есть.

Молчавший в углу менестрель снова начал натренькивать незатейливую мелодию. Я приступил к трапезе, едва сдерживаясь, чтоб не начать торопиться, а вот мои спутницы налегали на ужин так, что за ушами трещало, особенно старалась Урсула. В эту здоровячку вообще всё уходило как в бездонную бочку.

Единственная заминка возникла, когда повараха начала разливать вино. Стоило желтоватой струйке с яблочным ароматом наполнить кружку Катарины, как Лукреция быстро подхватила её и пододвину к себе.

— Ей — воды, иначе действительно можно бояться, — быстро пояснила волшебница, стукнув между собой кружки. — А это сама выпью.

— Во! — крикнула потянувшаяся напротив неё мечница. — Ещё полгодика и тётя Урсула сделает из госпожи волшебницы настоящую подорожную девку.

Я усмехнулся. На земле подорожная девка — это шлюха. Здесь же выражение «подорожная девка» было полным аналогом фразы «солдата удачи», но или «солдатки удачи». Хотя некоторые так и разбойниц звали, но разница зачастую действительно не очень велика.

— Полгода?! — возмутилась Лукреция. — Я с ума сойду за полгода с вами.

— Молока! — поглядев сперва на украденную из-под носа кружку со спиртным, а потом на повараху, произнесла Катарина. Немая быстро убежала в чулан и вернулась с большим кувшином, из которого пахло парным коровьим молоком. У меня от запаха ком к горлу подошёл. Кто не знает, парное пахнет очень специфично. Особенно если его доят вручную, а не механизированно. Но у местных просто феноменальная усвояемость молочных продуктов, что связано с гендерным

перекосом. Женщины на заработках, мужинки поят детей коровьим или козьим, а кто не мог пить, давно умер. Естественный отбор в действии.

— Таурисса, — тихо произнесла Катарина и приложила к краю кувшина. Из уголков рта по подбородку побежали белые капли, капая в распахнутый вырез поддоспешника и падая на грудь, чтоб вот-вот убежать под камизу. Это лишь с натяжкой можно назвать эротикой, и ведь стирать придётся. Я без всякой задней мысли достал из сумки запасное белое полотенце и сунул ей в вырез на манер салфетки. Храмовница закашлялась и начала булькать в кувшин, при этом покраснев, как помидор. Она так и застыла с сосудом в руках, часто моргая. А у меня возникло ощущение, что я что-то не так сделал. Обвинений не последовало, но сидящие за столом женщины давили улыбки.

Система молчала.

— Больше так не делай, — выдавила из себя Катарина несколько минут спустя, а затем поглядела на шерифыню. — Прошу простить. С позволения хозяйки я в комнату.

— Прямо по лестнице, — махнула рукой Тереза, и все проводили взглядом храмовницу, поднявшую с пола сумку и направившуюся по узкой деревянной лестнице наверх. Я поднял лицо, слушая, как по доскам потолка глухим эхом отдались шаги наёмницы. А ведь до этого никто не ходил там, иначе бы услышал. Небось несезон, и постояльцев нет.

— Прошу прощения за чуждость этим местам. Не соблаговолите ли дать пояснение, какое оскорбление нанесено девушке?

Тереза прикрывала ладонью.

— Ай, юн спадин, не белолицайся, — ответила Урсула с усмешкой. — Эта... молоко на грудь — жертва Златорогой, чтоб сиськи выросли, а ты вытер.

Я скривился. Получается то же самое, что выкинуть у земной девушки огурцы, которые она на маску для лица приготовила. Буду знать. Но настроение, поднятое благополучным спасением, немного подпортилось. Стоило мне встать, чтоб откланяться, как дверь в таверну открылась, и в неё заглянула одна из стражниц.

— Тереза, забыла добычу закинуть. Пару тесаков взяли. Остальное здесь.

— В угол кинь, сейчас скажу что куда.

Я повернулся к лестнице, и в это же время меня окликнула Урсула.

— Юн спадин, гляди! Вот эта штука тебе впору будет.

Повернувшись, увидел, как наёмница крутит в руках нечто среднее между японской нагинатой и копьём. На древке длиною с

лыжную палку сидел наконечник в форме однолезвенного прямого меча размером почти пятьдесят сантиметров. Такой штукой можно колоть защищённого стёганкой или лёгкой кольчугой противника. А можно и рубить, как алебардой. Хотя латный или бригантный доспех вряд ли возьмёт. Не знаю, как этот чудесный инструмент для ковыряния человечины называть, ибо в Средние века стандартов и гостов не было, делали как душе угодно, а уж потом обзывали нежными именами. Например, булава монгерштер — утренняя звезда. А это больше походило на одноклинковую европейскую глефу или древнерусскую совню, чем на японщину — там клинок более изогнут, совсем как у катаны. А ещё у этой глефы верхняя треть древка обита тонким железом. Но принцип тот же — ковырялка на древке.

Урсула кинула вещь мне. Пришлось поймать, а потом покутить. Не знаю, что там с правильными терминами о балансе и эргономике, но простенька вещь довольно уверенно легла в руки.

— Мужчина с оружием? — усмехнулась Тереза. — Не порезал бы нежные пальчики.

— Да ты что?! — ту упёрла рук в боки Урсула. — Щас покажу. Юн спадин, защищайся.

— Бездна, — буркнул я на местном, а потом отдал приказ системе на юстировку.

Мечница схватила свой двуручник и принялась неспешно тыкать в меня.

«Проводится анализ и аппроксимация тактики боя», — прошептала моя незримая помощница, когда я водил отводил глефой вялые выпады наёмницы.

— Да брось, чему его можно научить?

— Да ты подожди! Он же не человек!

Урсула ещё несколько раз кольнула, а потом нанесла рубящий удар со всей дури.

— Бля! — вырвалось у меня, а тело отреагировало само. Руки подняли оружие, отчего оно прикрыло голову так, что остриё направилось вниз под углом сорок градусов. Окованная часть глефы приняла тяжёлый меч, и слило удар вдоль сглаженного наконечника вправо от меня. Причём клинок скакнул на выемке между древком наконечником и сильно ушёл в сторону. По рукам прошла боль, слово я монтировкой со всей силы по рельсу ударил, аж пальцы занемели, но они меж тем остались на месте.

Мечница не остановила атаку, а выгнула руки и нанесла восходящий рубящий обратной стороной лезвия. Моё тело присело и снова поставило глефу под углом. Но уже нижней частью. Был бы у меня в руках обычный меч, удар вывернул

запястье и по голове прилетело собственным оружием, однако широкая постановка рук сделала эффект рычага. Хотя снова по ладоням садануло, словно ломом. Удар снова слит, но если сделает ещё приёмчик, располовинит к чертям собачьим.

И Урсула сделала. Укол. Но моё кун-фу, смещённое с русским «бля», не подвело и сейчас. Я отшатнулся вправо, делая финт и отводя остриё вниз, хотя то норовило проткнуть лёгкое.

— Пальцы! — испуганно закричала Тереза, когда клинок соскользнул дальше по лишённому защиты древку.

— Мать ва! — начал я выражение, убирая руки от глефы, как от раскалённой железяки. Сталь с шелестом проскребала дерево и вошла в пол. А мои руки сами собой выхватили полушпагу. Тело сделало рывок, нанося режущий по левому рукаву её стёганки чуть выше запястья. Была бы у меня шашка или катана, мечница лишилась бы руки, но клинок не тот, и потому на ткани остался лишь разрез пары верхних слоёв с оттопырившимися краями.

— Бездна, — протянула Тереза, а все остальные тарасились на меня с открытыми ртами. — Мне бы моих дур так научить.

— Всё. Хватит! — закричал я, тяжело дыша. Руки ныли не только от ударов, но и от нагрузки. — Ты совсем сдурела?! Ты же убить меня могла!

— Да я только в треть силы, — пожала плечами Урсула. — Я вела клинок, как должно.

— Дура! — выругался я. — Это уже слишком! Вычту из гонорара за мой риск!

— Это как? — переменилась в лице Урсула, немного растерявшись. — Я же, эта... для блага. Я же видела, как ты учишься быстро. А это жизнь тебе может спасти.

— Если сама не угробишь, — пробурчал я, подхватил сумку и направился к лестнице.

— Юн спадин! — выкрикнула Урсула и быстро встала у меня на пути. Она поправила у меня ворот и сдула пылинку с плеча. — Эта... может, не будешь вычитать? Я ж не для себя.

Я посмотрел снизу вверх на высокую ландскнехтшу, а она глядела на меня. Карие глаза с морщинками в уголках были приправлены какой-то горчинкой и небольшой обидой во взгляде, мол, я же не со зла. Тёмные с небольшой сединой косы с разноцветными лентами падали ей на большую грудь, распирающую поддоспешник, как лифчик пятого размера, даже одна из пуговок норовила отлететь в сторону, да и сама женщина, казалось, ещё чуть-чуть и стиснет меня в медвежьих объятиях.

— Больше так не делай, — смилостивился я и тут же почувствовал, как меня обхватили и прижали к упругому бюсту, который как раз был напротив моего лица.

— Яси к тебе Небесная пара, — скороговоркой выпалила женщина, выпуская из объятий. — Вот.

Она уже протягивала мне глефу и тарелку с колбаской.

— Он такая прелесть, когда сердится, — улыбнулась мечница, выдёргивая меч из пола и поставив его у стены. Она даже не заметила, что рукав порезан.

Я вздохнул. Подхватил всё это и пошёл по ступеням. Как там говорили? С лестницы прямо.

— Тоже пойду, — раздался голос Лукреции, а потом она, видимо, обратилась к поварихе или горничной. — Пусть мне горячую воду умытья принесут.

— Вторая справа комната, — ответили ей вкрадчивым голосом. Явно не повариха.

— Спокойной ночи, — пробормотал я в сторону волшебницы и зашёл в номер. Катарина сидела на мешке, прислонившись головой к кровати, как полагается телохранительнице. Она надулась, словно я ей дискотеку испортил, и глядела на противоположную стену.

Я опустил вещи на пол и сел на край кровати, отодвинув балдахин. Кровать уже заправлена стираным бельём, а в изголовье лежала большая подушка. Местные всегда спали полусидя, боясь, что демоны примут их за мёртвых и украдут душу, а я не мог приноровиться к этому. Словно в офисном кресле спишь.

В темном, но уютном номере, помимо кровати с балдахином, имелся сундук, столик, пара табуретов, небольшая умывальная бадья из дерева на подставке, ведро с крышкой вместо ночной вазы и странное корыто в котором я с трудом узнал примитивное биде. На столе зажжённая масляная лампа с тусклым дрожащим огоньком. На улице уже стемнело и сей предмет был весьма кстати. Вопреки ожиданиям, между щелей в половых досках первый этаж видно не было, зато слышимость просто изумительная.

В соседней комнате послышались бормотание Лукреции и тихие всплески. Потом датчик коротко пискнул и что-то ударилось в стену, слово волшебница запустила в стену подушку с помощью колдовства. Под конец она упала на кровать. Послышалось тихое всхлипывание и шмыганье носом. Наверное, у неё нервный срыв.

— Так и будешь дуться? — спросил я у Катарины.

Та подняла на меня глаза.

— Я же просто охранница. Просто безделушка для богатого халумари. Лишь бы посмеяться. Зачем спрашиваешь?

Я вздохнул и сел рядом.

— Дура ты.

— Ещё и издеваешься.

— Я тоже дурак. Не знал, что обидел.

Мы надолго замолчали. Прислушиваясь к тихому плачу волшебницы и громкому рассказу Урсулы, голос которой казался приглушённым. Там, внизу, разлили вино по большим литровым кружкам уже третий раз. Треньканье и глупое хихиканье менестреля, которого наёмница таки усадила себе на колени, создавали атмосферу не иного мира, а виртуальной ролевой игры. Казалось, это фентезийная таверна, где колоритная парочка солдафонов шутят в ожидании игрока, которому надо дать квест типа убить пару кабанов к празднику. Казалось, сейчас раздастся характерный звук повышения опыта или уровня прохожего героя. А брэнчание лютни — хорошо стилизованный саундтрек. Но всё это по-настоящему.

— Пойдём на кровать, — прошептал я и толкнул девушку в бок. — С краешка ляжешь, раз ты охранница.

Она поглядела на меня.

— Только сегодня не будем. Не хочу, чтоб все слышали.

— Хорошо. Не сегодня, — улыбнулся я, встал пола, и начал снимать с себя куртку. Вскоре остался в одном исподнем. А это брэ и камиза, то есть льняные семейники и нательная рубаша свободного покроя с длинными рукавами. Катарина тоже осталась в рубаше. Но если у меня она по длине как футболка, то у неё до середины бедра.

Девушка вслед за мной легла на кровать и укрылась одеялом. Я же чувствовал, что могу не сдержать обещание, лечь просто так. Я же не местный низким гормональным фоном. Но раз просит, придётся стиснуть зубы и терпеть.

Тем временем Лукреция перестала плакать и затихла, а беседа пьяной дембельской бабовщины какой-то там прославленной терции перешла от воспоминаний прошлого к событиям недавним.

— Значит, эта... он её запинывает под телегу, — горлопанила подвыпившая Урсула, — а рыжая скулит как побитая шавка. В боку дырок пять штук.

— Слышь, сеструха, — отозвалась Тереза, с грохотом поставив кружку на столешницу. — Он, конечно, хорош, но рыжую... не верю. Да и ты вполсилы била.

— Не веришь?! Ща докажу!

Раздался грохот столов и стульев, а вслед за ними топот по лестнице. Раздался стук в дверь.

— Юн спадин. Юн спадин, — громким шёпотом позвала Урсула. Я улыбнулся, но смолчал. А наёмница прислушалась и

снова постучала.

— Катарина, дай кинжал. Тот что к шпаге парный. Ну Катарина, ты же не спишь, по ночам, как кошка, я же знаю.

Мы с храмовницей переглянулись. А потом она скользнула из-под одеяла, схватив клинок. Ведь не отвяжется эта неугомонная. Дверь скрипнула и в неё сунулась физиономия. Урсула оглядела с головы до ног одетую только в рубаху храмовницу, подхватила полушпагу и исчезла, загрохотав обувью по ступеням.

— Я так и думала! Либо убили друг друга, либо трахаются! — раздался голос на всю гостиницу.

— И чё?

— Ну эта... кровь с потолка не капает, — отозвалась наёмница, добавив громкое. — Вот! Из сломанных пальцев вытащили.

— Точно, это вещица Джинджер, — протянула Тереза.

Они ещё что-то бормотали, пока шерифыня не уснула на столе. Она храпела, а Урсула всё кричала, что хватит спать, и что она ещё не всё рассказала. А потом каким-то лукавым голосом она добавила.

— Красавчик, пойдём, покажешь кладовку с мёдом.

Бряцнула лютня. Раздалось пьяное бормотание.

А я лежал рядом с Катариной. Всё-таки к чёрту секс. Нужно выпасться. Хотя бы раз за эту неделю.

Руки скользнули девушке под камизу, остановившись на плоском животике. Только мизинец касался жёстких завитушек волос женского лона. Глаза щипало, и рассудок проваливался в сон.

«Внимание! Опасность! Обнаружено постороннее присутствие!» — заверещала система, не дав окончательно заснуть. Я приподнял голову, увидев, что Катарина вглядывалась в потолок поблескивающими зелёным светом глазами.

А по крыше кто-то едва слышно пробежал...

Глава 27

Жаркий прием

Звуки шагов на крыше повторились, и я потянулся за спрятанным под подушкой пистолетом. Патрона осталось четыре, но жизнь как-то дороже этой математики. И если это подосланные убийцы, то применю оружие без колебаний. К тому же с моими приключениями немудрено заполучить манию преследования и шизофрению.

Одновременно со мной почти беззвучно скользнула с кровати Катарина. Девушка быстро вынула откуда-то фитиль, подожгла его и затушила масляную лампу, бросив тлеющий шнур на столешницу. Я поджал губы, но манёвр был понятен. Она видела в темноте в несколько раз лучше обычного человека, и тусклый огонёк фитиля для неё всё равно, что яркая свеча.

Катарина подхватила стилет и на цыпочках подошла к ставням. Там она прислушалась, но тот, кто двигался по крыше тоже замер, видимо, почуяв подвох. Храмовница коротко глянула в мою сторону, и от этого, помимо едва различимого силуэта девушки, одетой в светлую ночнушку, сверкнули ещё и кошачьи глаза.

Я затаил дыхание, вслушиваясь в темноту, вглядываясь в невидимый потолок. Он тонкий, сделанный из решётки из прутьев, промазанной смесью из соломы и глины. За ним только сложенная из черепицы крыша. А из темноты раздавался тихий храп, постукивание и шкрябанье по металлу, словно кто-то пытался очистить сковородку от нагара. Потом сковорода бултыхнулась в таз с водой, и загремели ложки. В углу шуршала мышь. За стеной скрипела зубами и бормотала во сне Лукреция. К этому всему примешивалось хихиканье менестреля, и приглушённый пьяный голос Урсулы, которая изливала мужичку историю о том, как ей пришлось отстреливаться от врага золотыми монетами вместо пуль, и целый фунт улетел с пороховым дымом. Но мне было не до историй.

Тот, кто на крыше, сделал несколько осторожных шагов. А так как крыша черепичная и без какой бы то ни было звукоизоляции, напрашивался вывод, что обувь у человека на мягкой подошве. А ещё он очень лёгкий — либо девушка-подросток, либо мужчина. Вскоре прошелестела шнуровка и на брусчатку под окнами что-то со звоном упало, словно бубенчик. И сразу после этого неведомый человек бросился прочь.

Катарина быстро распахнула ставни, клацнула зубами по

железу, наверное, перехватила стилет в зубы, вцепилась руками в верх косяка и одним рывком выскочила на крышу, как профессиональная легкоатлетка на турнике, сделавшая подъём переворотом. Почему-то вспомнилось, как она была неуклюжа на бревне, когда мы переправлялись через речку. Если то был эффект печати, то весьма впечатляет.

Звуков с крыши не повторилось. А вскоре в окне сова появилась Катарина. Она скользнула с подоконника на пол и подошла к столу. Следом зажгла лампу с помощью фитиля.

— Ушёл, — прошептала девушка.

— Это был мужчина?

— Я думаю, да, — вздохнула Катарина и села на край кровати. — Я не стала догонять, это могла быть ловушка. В бездну, — тихо выругалась она, воткнула стилет в столешницу и откинулась. Её голова оказалась на моих коленях.

А в следующую секунду мы оба подскочили и уставились на стену, за которой закричала во сне Лукреция.

— Нет! Нет! Не надо!

В ушах очень громко засвистела модуляция датчика, но вопреки ожиданию, этот свист не оборвался исполненным заклинанием, а медленно затих, словно воздух выпустили шины через выкрученный ниппель. Волшебница снова заскрипела зубами.

— Может, это просто воришка? — тихо спросил я, опуская голову на подушку.

— Не знаю, — прошептала Катарина. — У тебя есть ещё то зелье от боли? Опять плохо стало. Отвыкла силу чувствовать. Словно первые дни после преобразования.

Я кивнул и потянулся к сумке, откуда достал бумажную упаковку с таблетками.

— А какие они были, эти дни?

— Мне было плохо. Кровь горела, тело болело, в голове туман. Любое движение приносило боль и синяки. Потом нас учили сдерживаться в миру, но тогда было тяжело.

Катарина, проглотила таблетку, опустила голову мне на колени и закрыла глаза. Я запустил руку в густые каштановые волосы и начал медленно гладить, как кошку.

— Я слышала, как вы с Урсулой учебный поединок устроили. Как ты так быстро учишься? Демонесса помогает?

— Да, — ответил я и задумался. А, в самом деле, как система, оторванная от сервера, так быстро меня научила всему. Ладно, загрузка в мозжечок требует не так много времени, но проработка тактики и самих умений — весьма ресурсоёмкий процесс.

«Система, — позвал я внутреннюю помощницу, шевеля

лишь губами. Она и так считает нервные импульсы, идущие к голосовым связкам, языку и губам. — Пошаговый анализ юстировки».

«Шаг первый — сопоставление имеющегося оружия с каталогом». «Стоп. У тебя есть каталог?» — уточнил я нахмурившись. В это же время мой взгляд встретился со взглядом Катарины, которая повернула голову и теперь с любопытством рассматривала моё лицо.

«Имеется каталог и ключевые позиции по основным семплам применения по нейротегам».

«Сколько образцов оружия вбито в базу?» — тут же задал я вопрос.

«Из неповреждённых файлов удалось извлечь базу по древковому колющему, древковому рубящему, одноручноеприменение мечей, использование щитов. Имеются читаемые фрагменты архивов стрельбы из лука и верховой езды. Возможно дополнение базы из сторонних источников. Но тактика применения будет помечена тегом недостоверности». «Одноручное? А если двуручное, типа катаны?»

«Архив семплов восточного оружия повреждён. Сторонние источники крайне недостоверны. На разработку семплов с использованием виртуальных моделей потребуется восемнадцати дней».

«Запустить анализ», — приказал я.

«В запуске отказано. Вы в фазе| быстрого сна с признаками сомнамбулизма».

— Сука, — выругался я вслух, а затем продолжил расспрос.

«Следующий шаг юстировки».

«Второй шаг, — отозвалась система, — калибровка семплов под массогабаритные параметры оружия и текущее физическое состояние оператора».

Я сам себе кивнул. Это как раз таки понятно, она проводит самую обычную пристрелку.

«Дальше».

«Третий шаг, — продолжила внутренняя помощница, — загрузка модели нейронных связей в мозжечок и проверка на конфликты».

«А рукопашный бой можешь смоделировать?»

«Архив семплов рукопашного боя повреждён. Имеющиеся в кэше сторонние фрагменты крайне недостоверны».

«Озвучь основные их теги».

«Принято. Данные имеют теги аниме, мортал комбат, китайский боевик».

«Не загружать», — выдал я резолюцию. И так всё ясно.

Я вздохнул и поглядел на Катарину. Та текучим движением легла рядом и положила руку мне живот.

— А какая она? — тихо спросила девушка.

— Кто?

— Демонесса Система.

Я пожал плечами, не зная, что ответить. Даже простейшие цитаты из учебника будут недоступны для её понимания. Но Катарина поняла всё по-своему, и следующий вопрос меня ввёл в состояние полного ступора.

— Она красивая?

— Кто? — глупо переспросил я, уставившись на храмовницу, которая пристально глядела в мои глаза.

— Система. В каком облике она тебе является?

Я озадаченно провёл ладонью по лицу. Вот только ревности к процессору мне и не хватало. Воительница запросто решится на какой-нибудь ритуал изгнания нечисти, заодно и меня уколошит ради благих целей.

— Я слышу только голос.

— А он красивый?

— Он может быть любой, как у говорящей вороны.

— Так это демон-птица? — улыбнувшись и блеснув зелёными зрачками, переспросила Катарина.

— Наверное, — неуверенно ответил я. Хрен его знает, как к птичьим призракам относится храмовница.

— У меня был в детстве галчонок в клетке, — прищурившись, продолжила девушка. — Дивертидо. Забавный. Чёрный, как уголёк.

Выдохнул и кивнул. А вот храмовница шмыгнула носом.

— После обращения я съела его живьём. А потом плакала три дня. Меня рвало перьями и желчью, и я плакала навзрыд. Настоятельница долго успокаивала и поила целебными травами.

Я состроил озадаченную физиономию и уставился в потолок. Эта женщина-кошка в приступе озверения обои драть не будет? А гадить мимо лотка?

Мы замолчали и провалялись, слушая скрежет мыши, очень долго. Почему-то не хотелось, чтоб эта животинка убегала. Казалось, без неё потеряется реальность происходящего. Как потеряется она без скрипнувшей дверью в кладовку бывшей волшебницы с вырванным языком, без полночного треньканья менестреля, который уже был пьян и начал робко приставать к Урсуле.

«У-ах», — бубнила немая повариха. И можно, даже не гадая, сказать, что она обзывала юнца дураком.

«Может, мне ещё до рождения была предначертана встреча

стаккой женщиной», — отшучивался юнец, у которого голову заклинило от вина и сисек пятого размера. К тому же Урсула в свои сорок с лишним была ягодка опять, и отнюдь не обрызгшая.

«Ай, красавчик, — усмехалась в ответ наёмница, — ты мне в сыновья годишься».

«А тебе не нравятся молоденькие?» — совсем заплетающимся языком отвечал менестрель. Воистину дурень. Допрыгается, его в подсобке наша мечница изнасилует, а проспится, жалеть будет.

С такими мыслями я заснул. Да и храмовница мерно заспела. Наверное, обезболивающее подействовало.

Снилась какая-то ерунда. Почему-то на краешке кровати сидела обнажённая девушка с чёрным вороньим пером в волосах. Мерцающие, как индикатор работы процессора, глаза с насмешливым прищуром смотрели на нас с Катариной. Катарина тоже была обнажена, и можно было увидеть длинный хвост с чёрной кисточкой на конце, а из-под причёски, на макушке, выглядывали круглые лавинные уши. Мышь в углу развернула настоящий токарный станок, вытачивая на нём зубочистки, только стружка летела в разные стороны.

А вскоре раздались всплески, и пол залило водой. Оказалось, чтомышь подготовленная и уже сидела на маленьком плоту. А вот Система, которой и была обнажённая незнакомка, провела над водой рукой, и та окрасилась красным, словно кровью.

«Вставай, лишённый клейма Изахеллы. Твои путь ещё незавершён», — раздался рядом другой голос, а повернув голову, увидел стоящего по колено в крови инфанта Лага Роха. Он поднял со стола лампу и оторвал от фитиля огонёк. Юнец со взглядом тысячелетнего старца разжал пальцы, и огонёк упал в алую воду. Но он не погас, а, наоборот, начал разгораться. Вскоре по алой ряби побежали языки бледного огня.

Потом я проснулся.

В щель между ставнями пробивался серый рассвет. А за стеной суетилась Лукреция. Волшебница несколько раз прокляла ночной горшок, который звякнул под ногами и чуть не пролился. Потом послышалось плескание воды и шорох одежды, словно волшебница наспех умывалась и одевалась.

«Система, сколько времени?»

«Половина пятого».

Я шевельнулся, и от этого сразу проснулась Катарина.

— Куда это она? — тихо спросила она, поднимая голову с подушки.

— Не знаю, — ответил я и сел в кровати.

Вскоре Лукреция хлопнула дверью и затопала вниз по скрипучей лестнице. А ещё она что-то бормотала по пути.

Параллельно с этим с улицы слышался какой-то тревожный звон, но непривычный к местным реалиям, я отмахнулся от него. Сейчас имелась проблема поважнее.

— Вот блин, — выругался я по-русски, когда начал одеваться. Как по закону подлости рука не хотела пролезать в рукав рубахи, берет завалился за кровать, а на жилете отлетела пуговица. И это ещё не шло ни в какое сравнение с разбитой обувью, которой место только на свалке. Доберусь до башмачника, сразу куплю новые, поудобнее.

— Да твою мать, — вырвалось у меня, когда полушпага, которую хотел заткнуть за пояс, пропорола штанину. Вообще, полный комплект nepотpeбствa. Расходов на полторы сотни серебром, не меньше.

Катарина вскочила с места схватила поддоспешник, то тут же с лёгким вскриком выронила, сжав запястье левой руки.

Я обеспокоенно поглядел на неё, и храмовница сквозь зубы пояснила.

— Потянула жилы с непривычки.

— Ложись в кровать, — сунув в кобуру пистолет, произнёс я.

— Я с тобой, — покачала головой девушка, и повторила попытку. Худо-бедно у неё получилось, но пришлось со вздохом и ворчанием, аки столетний старец, помочь. А ведь это не только стёганая куртка, а ещё и кольчуга, и чулки. Последние я просто протягивал и ждал, когда Катарина, морщась от боли, наденет. Вот как она меня защищать будет, саму бы кто защитил.

Пока собирались, снизу раздался голос Лукреции.

«Отведи меня к соколятне».

«Э-э-у», — замычала повариха, а следом загрохотал стул.

«Небесной парой молю, отведи».

Немая повариха опять замычала. Не знаю, что там происходило, но волшебница явно настроена очень решительно.

«Отведи!» — повысила она голос, и теперь по дереву зазвенели монеты.

Зачем ей соколятня? Блин, что затеяла эта особа?

Я выругался, дотянулся до ворота Катарины, поправил его и схватил стоящую у стены глефу, которая была не тяжелее обычной лопаты.

— Побежали.

Тем временем дверь в таверну хлопнула, и с улицы послышались удаляющиеся шаги двухженщин. Воображение уже рисовало донос на меня, как на какое-то чудовище, одержимое демоном, зачто по голове не погладит ни магистрат, ни мои же начальники. Да мало ли что ей в приступе истерики придёт в голову. И хотелось бы верить, что бумажка с доносом будет

писаться в соколятне, а не написана в номере заранее, тогда у меня будет больше шансов остановить Лукрецию. Но блин, как остановить волшебницу? У меня нет средств противодействия ей. Ведьма придушит меня раньше, чем я до неё доберусь. Только пули. И как не хотелось всё сводить к убийству.

Вниз сбежали, перепрыгивая ступени. Шерифыня всё так же спала сидя за столом и подложив руки под голову, зато нашлась Урсула, которая в одном исподнем пила жадными глотками воду из большого ковшика. Струйки лились на светло-бежевую ткань, под которой покачивалась и топорщилась сосками большая грудь.

В двери в кладовку упирался лбом в косяк менестрель, пребывая в похмельи и одних лишь кружевных панталонах. Мелькнула мысль, что наёмница его таки попользовала.

— Вы что шумите? — пробормотала Урсула, снова зачерпнув воду из деревянной бадьи. — Пожар, что ли?

Я открыл рот, чтоб съязвить какую-нибудь гадость, но заметил, что Катарина нюхает воздух.

— Пожар, — вода глазами по потолку, произнесла храмовница и добавила. — Точно пожар. И палёным мясом пахнет.

Я принялся, но ничего не учуял, зато сознание выудило из фоновых звуков колокольный звон. А ведь точно пожар.

— Бежим!

— Чё, без меня? — переспросила Урсула, поправив подол рубахи, и завязала шнурок на горловине.

Я зло процедил совсем уж неприличное слово, упоминая извращённое сношение. Благо по-русски процедил, иначе бы уже схлопотал бы по шее. Напоследок показал в сторону столика.

— Шериффу разбуди. Это сейчас важнее. А мы сами.

Не дожидаясь ответа, выбежал на улицу. Вслед за мной и Катарина.

— И где её искать? — окинув взглядом пока ещё пустую площадь и рукотворные ущелья расходящихся в разные стороны узких улочек, произнёс я риторический вопрос. Что вправо, что влево — одинаково.

Стоящая рядом храмовница к чему-то прислушалась, а потом подбежал к соседнему дому и несколько раз ударила кулаком по ставням.

— Где соколятня?! — заорала она, а замолчав на секунду снова заорала. — Дверь вышибу! Где соколятня?!

В щёлочке мелькнул испуганный глаз, и раздалось невнятное бормотание. На что храмовница поджала губы и поглядела на одну из улочек.

— Туда. Там же и пожар, — показала она рукой, и мы

побежали, огибая трактир. Под ногами был не асфальт, сложенная из булыжников мостовая, отчего двигаться было непривычно. Зато я увидел столб чёрного дыма, поднимающегося над крышами. Из-под какой-то телеги выскочила маленькая, но шибко уж звонкая шавка, норовящая укусить за голень. Лишь когда Катарина самым натуральным образом зарычала и оскалила зубы, та с визгом бросилась наутёк.

Попадающееся на пути бельё на верёвках хотелось просто отшвырнуть в сторону, так как оно мешалось очень сильно, а один раз глефа, которую я нёс на плече, даже зацепилась за верёвку, но времени не было и приходилось проскакивать под ним. Странно, что оно не охранялось.

Городок был небольшой, и потому к месту пожара мы выскочили буквально через пять минут. Горел втиснутая между домиками высокая башня. Языки пламени, разбавляя вырывающийся из верхних окон дым, лизал раму и стену над ней.

Вокруг уже суетилось множество народа, выносящего из соседних домов имущество. Кто-то носил ведра с водой, но заливали не башню, а крыши соседних домов. Несколько здоровенных женщин откатывали большие пустые бочки в сторону.

Одна махала рукой и орала на выскочивших на улицу детей, чтоб те хватали самое ценное и шли подальше.

На брусчатке, залит кровью камни, лежала женщина с разрубленной головой. Неживой взгляд был направлен на грязную стену.

А спиной к нам стояли Лукреция и немая повариха.

— Бездна! Бездна! — громко орала и била кулаком что-то несуществующее волшебница. Потом она стиснула кулаки, согнула в локтях руки и издала новый вопль. — Ну почему все демоны бездны против меня?! В Задницу всё это!

Волшебница развернулась на месте и застыла, увидев нас.

— Почему всё так? — повторила она вопрос, с обидой поджав губы, а потом показала на пожарище. — Я всего лишь хотела подать жалобу в магистрат, что на нас охотятся разбойники. Сюда бы прибыл отряд вразумительниц. Всё стало бы хорошо.

Я вздохнул, не зная, что ответить. Ведь видно же, что это специально кто-то поджёт, чтоб не было этой жалобы. Я сам бы с удовольствием отправил записку своему начальству.

— Попались! — раздался за моей спиной радостный возглас знакомого голоса. Я потянулся за пистолетом и повернулся. Посередине улочки стояла рыжая разбойница. Она самодовольно глядела на меня, положив правую руку на пояс, в то время как левая была в свисающей с шеи повязке. За рыжей стоял десяток

головорезок с арбалетами и пиками. Стоит предводительнице отойти за их спины, как добраться до неё уже не получится — улочки узкие, и кидаться на частокол из копий — чистой воды самоубийство. А если дёрнусь или захочу сбежать, арбалетчицы изрешетят меня, как ёжика.

В ушах вместе с криками погорельцев и звоном колокола стоял непонятный гул, как от играющей на одной и той же ноте электрогитары. Неужели так пламя гудит в соколятне?

— Узнали?! — со смехом спросила рыжая и кивнула на соколятню.

— Хорошо пылает.

— Что тебе надо? — задал я вопрос, прикидывая, успею ли вскинуть пистолет и выстрелить или нет.

— Ты что делаешь, дура?! — раздался новый голос. Медленно обернувшись, я увидел новое лицо. Здоровенная, даже больше Урсулы, бабища в кирасе, шлеме как у конкистадоров, наплечниках и наручах. Из-под кирасы свисала кольчуга. На поясе — ножны с фальшионом, в петлях на перевязи три пистолета. Женщина закалялась и зло сплюнула под ноги.

— Как что? Должок хочу забрать! — резко подалась вперёд рыжая.

— Дура! Уходим! Мы сделали что нужно. Сейчас здесь стража будет! — хрипло заорала здоровячка.

— Плевать! Я хочу поквитаться!

— У тебя две минуты, — процедила, словно плюнула здоровячка. — Не успеешь, без тебя уйду.

— Мне хватит! — радостно закричала рыжая. Я быстро глянул на разбойницу и нажал спусковой крючок.

Но вместо выстрела раздался щелчок осечки.

— Что, не работает?! — ещё радостнее завопила рыжая, а потом ехидно скривила лицо. — Как там про меня рассказывали? Визжала, как побитая шавка? Под телегу меня запинывали? Пальцы ломали? Я сейчас сама тебе все пальцы переломаю. Язык с членом вырежу!

— Джинджер, время, — подала голос одна из разбойниц за спиной этой психопатки.

— Заткни пасть! — не оборачиваясь, заорала рыжая, а потом облизала губы. — Иди ко мне халумари. Я тебя немного попротыкаю.

Я быстро передёрнул затвор и снова нажал спусковой крючок. Опять осечка. И тут до меня дошло. Гул в ушах — это какое-то колдовство, считываемое датчиком. Именно оно мешало выстрелу.

— Ай-ай-ай, — покачала головой рыжая и достала из-за

пазухи что-то похожее на кастет. — Хороший мне подарок дали?

— Ты что делаешь, дура?! — заорала хрипая. — Спрячь быстрее!

Убей их пока непоздно! Я волшебницу прикончу!

Рыжая бросилась к нам. Я не успел отреагировать, как мимо меня скользнула Катарина, вставая на пути убийцы. Но рыжая даже не остановилась. Она выгнулась дугой, уворачиваясь от удара фальшионом, а потом нырнула под руку храмовницы. Не знаю, когда она успела переложить кастет в больную руку и вытащить шпагу, но клинок вошёл в бедро Катарины, выйдя с другой стороны. Девушка попыталась удержать свободной рукой противницу, но эфес шпаги выскользнул из её пальцев.

— Нас учили одному и тому же, сучка! — засмеялась рыжая, отскочив назад. — Я же вижу, что ты вся переломанная, как в сопливая обращёнка! Даже сорванная печать тебе не поможет!

Катарина зарычала и кинулась снова. На этот раз она действовала осторожнее, и между двумя несостоявшимися храмовницами завязался ожесточённый танец клинков. Одна с раненой рукой. Вторая хромает и преодолагает боль во всём теле, но ни та ни другая даже не думали отступать.

Я не мог здесь ничем помочь, буду только мешаться. Одно радует, что арбалетчицы не решались выстрелить, боясь задеть предводительницу, ведущую танец смерти в узкой улочке. Звон клинков, ругань и безумный смех смешивались с гудящим колдовством и ревушим пламенем. Сейчас жар пожарища ощущался всей спиной.

А вот кому мог помочь, так это Лукреции. Я развернулся и быстро побежал к волшебнице, к которой осторожно приближалась здоровячка, за спиной которой тоже были копейщицы. Ещё мгновение, и я встал между ними, поудобнее перехватывая глефу. Пистолет уже был в кобуре.

— Что вам надо? — закричал я, приняв стойку. Правая нога впереди. Правая рука посередине древка, левая у самой пяты. Я готовился наносить уколы в незащищённые места, как копьём.

Здоровячка не ответила. Она лишь разок стрельнула взглядом мне за спину, где продолжали динамичный бой две девушки, а потом качнулась немного вправо. Я понимал, что время на моей стороне, и потому не лез на рожон.

На рожон. Я хмыкнул. Рожон — это длинная пика или заострённый кол. Это здоровячке не стоит кидаться на мой рожон.

Видимо, решив, что рисковать не стоит, она сделала несколько лёгких обманных движений клинком и начала ходить по кругу —

от одной стены до другой, и обратно. Ожидал, что она кинется, но вместо этого начала отходить назад, к копейщицам.

— Убейте его, — прокашляла она, не сводя с меня взгляда.

Сразу три разбойницы осторожно двинулись в мою сторону, благо с этой стороны арбалетчиц или лучниц не было.

— Быстрее! закричала здоровячка. Вы что, мальчишку испугались? Он Джинджер случайно ранил! Вперёд, дырки тухлые, не то сама вас покрошу!

Я часто дышал и глядел на них.

«Система, анализ тактики боя с тремя противниками! Живо!»

«Держать дистанцию. Принять выжидательную позицию».

«Какого хрена?»

«Запрос не понят», — переспорила незримая помощница.

«Мне нужно их победить».

«Тяните время. Код достоверности тактики ролевой игры Подземелья драконов поднят до допустимо достоверного. Ожидайте действий мага».

Я быстро оглянулся на Лукрецию, и только сейчас заметил тихое неравномерное попискивание, теряющееся в гуле чужого волшебства. Но почему она не атаковала, когда у костра? Задушила бы их всех и дело с концами.

Копейщицы подошли ближе и постарались атаковать. Длина их оружия была больше, да и руки у меня короче, но когда ближайшая попыталась уколоть меня в бедро, я смог парировать и контратаковать. Всё же у меня не копьё, а глефа. Я быстро поднял оружие и опустил на древко, то не перерубилось, но изрядную зазубрину смог оставить.

Потом вторая бросилась вперёд. Пришлось изрядно постараться, чтоб отбить укол.

— Система, — закричал я вслух. — Другую тактику! Я не смогу продержатся против них!

«Анализ», — ответила та, а я снова парировал укол, направленный в голову.

— Живей, падаль! — закричала здоровячка оглядываясь. Онаждала стражу. Но и уходить теперь была не намерена. Что поменялось?

Две копейщицы кинулись разом. Но тем самым подставились. Я выставил глефу перед собой, так чтоб она была вертикально, а остриё глядело в брусчатку. Дождавшись уколов, через силу отбил их и нырнул вдоль стены поближе. Будь мы на открытом пространстве, разбойницы бы ушли, но в замкнутом пространстве моё более короткое оружие сыграло на руку. Им и не развернуться, и не отскочить в сторону — стены мешают. А я подскочил самой левой и с криком Брюса Ли нанёс восходящий

режущий по бедру. Разбойница завопила, выпустила оружие и начала падать набок. Я же на одном адреналине и без подсказок системы подскочил ко второй.

Всё же она не успевала уйти. А я сейчас вошёл в клинч — самое описанное для воина с древковым оружием. Я в зоне недосягаемости, зато сам могу атаковать. Вместо того чтоб ударить глефой, придержал рукой и выхватил обратным хватом из-за пояса полушпагу, с тем чтоб всадить снизу вверх в горло. Она пыталась защититься, но сработал эффект рычага — копьё зацепилось за мой локоть, и его не получалось поднять. Ну атеперь, хрипя и булькая кровью, она упала на мостовую.

А теперь было самое время отступить, так как третья вышла на позицию и приготовилась уколоть. Я выпустил из руки полушпагу и поудобнее перехватил глефу. Разбойница нервничала и не решалась нападать несмотря на более выгодную позицию. Ей бы сделать глубокий выпад и насадить меня на остриё, но она упустила момент. Я уже отошёл и был готов к обороне.

— Тварь косорукая! — закричала хриплая здоровячка, подумав точно так же.

К копейщице присоединилась ещё одна. К тому же здоровячка подхватила с земли пику, упёрла один конец в землю и ударила ногой по древку, ломая посередине. Обломок подбросила, перехватила поудобнее и приготовилась метнуть, как дротик. Она уже замахнулась, когда я услышал звук, похожий на скрип пенопласта по стеклу, за которым последовал короткий звон, как от лопнувшей струны.

— Дави! — зарычала Лукреция. В тот же момент здоровячку отбросило к стене, а ещё одну разбойницу отшвырнуло прямо в пламя горящей соколятни. Осталась только одна, но она испуганно обернулась на простуженную и попятилась от меня.

В ушах снова встал меняющий тональность писк. А волшебница повернулась к рыжей. У неё по-прежнему была ничья с Катариной, хотя обе были уже изрядно поранены. Катарина из последних сил стоял на ногах, прижимая рукой рану на бедре. Надеюсь, артерий или больших вен не задето.

У рыжей было просто вконец озверелое лицо, на котором красовалось два свежих пореза. Да и из раненой руки текла кровь. Там тоже был свежий порез.

— Это всё из-за вас! — без каких бы то и ни было предисловий перешла на крик Лукреция. В Из-за вас, твари! Я бы уже дома была!

Лукреция сделал шаг к разбойницам, которые попятились, а потом как по команде вскинули арбалеты. Но выстрелов не

случилось. Тетива у всех разом разорвалась, отчего взведённое оружие лишь громко и бесполезно лязгнуло.

— Думаете, я бесполезная торговка?! — снова закричала Лукреция. — Я ненавижу свою тётку, но она меня научила боевой магии! Я её ненавижу, но она рассказала, как сломать чужой артефакт! — завершила гневно-истеричный крик волшебница.

А я услышал новый звон, как у порванной струны, и гул чужого волшебства прекратился. Мне дважды говорить ничего не надо. Сразу выхватил пистолет. И пусть там теперь всего два патрона, но уж точно не промахнусь.

Я прицелился, и начал плавно нажимать на спусковой крючок.

— Юрий! — закричала вдруг Катарина. Я быстро повернулся и в этот момент меня попал обломок пики. Дыхание выбило, но боли почему-то не было. От сильного броска я начал заваливаться на спину, видя, как рыжая проскальзывает прямо под клинком Катарины и бежит к вставшей на ноги здоровячке. Упав на брусчатку, я всё же выстелил. И кажется, даже разок попал, хотя это маловероятно. Но рыжая захромала и охрипшей разбойнице пришлось подхватить Волчью Дозорную, чтоб та не упала.

— Отходим! — хрипло заорала здоровячка и побежала прочь мимотушащих пожар горожанок.

А я с кряхтением поглядел на пробитый блок датчика. Думал, только в кино бывает, что всякие амулеты от пули или стрелы спасают. А оно вон как — сам на своей шкуре испытал. Бывает.

— Всё же классная вещь — титановый корпус, — выдохнул я, обессиленно слушая топот чьих-то ног. Кто-то куда-то бежал, но соображалка уже не работала.

Потом надо мной появилась пьяна рожа Урсулы.

— Живой. Хвала небесной паре, живой, — протараторила она.

А я улыбнулся. Очередной безумный день кончился.

Кончился в нашу пользу.

Глава 28

Конец пути

— Когда вы отправитесь в путь до Таркоса? — спросила шериффа, стоя возле большого воза. А женщина, к которой она обращалась, теребила пальцами шнурок кошелька, висящего на поясе. За её спиной несколько мокрых от пота работников закидывали мешки поверх уже имеющихся. Закат окрашивал крыши домов в красное, из кирпичных труб текли жиденькие струйки дыма, смешанные с ароматами разогреваемого ужина. Ставни на окнах почти везде закрыты.

— Ну не зна-а-аю, — было в ответ. — Послезавтра. Мне ещё поросят купить надо и мёд.

Купчиха оторвала руки от кошелька и повернулась.

— Осторожнее! Мешки порвёте! Я кому говорю? Не слышишь, что ли?

Работницы разом переглянулись, а потом молча направились к широким дверям склада, где виднелись бочки, коробки и мешки разных размеров. Впрочем, их было не так много, как в портовых городах или столице. Провинция, таки.

— Всего четверо, но нужно одно место для лежачей, — продолжила шериффа, тоже положив руку на кошель, что не укрылось от цепкого взгляда купчихи.

— Лежачей? — переспросила торговка, а потом поджала губы. — Что с ней?

— Ранена.

— Сильно?

— Жить будет, — улыбнулась шериффа, и ещё отчётливее провела пальцем по кошельку. — Травница ещё не вернулась с ярмарки в Ганивилле, вот и нужно доставить в Таркос, там хорошая лечебница при храме вечно молодого и всегда доброго Эрбалорио — покровителя целителей.

— А это не одна из раненных в утренней бойне? — неуверенно оглядев улочки, уходящей вглубь города от небольшой площади при восточных воротах.

— Это так важно?

— Бабы говорят, кое-кто сильно Джинджер нагадил под носом, а мне с ней неохота тёмный разговор вести. Бешеная может и стальную травинку в бок всадить.

— Бешеную унесли подранную, как крольчиху, попавшую в зубы гончей.

Купчиха опустила глаза и несколько раз щёлкнула суставами

на пальцах. Ей не хотелось ввязываться в авантюры. Но просила не просто первая встречная, а очень уважаемая женщина, и это перевешивало желание отказать.

— А вдруг? — всё же спросила она, балансируя между согласием и отказом. — Вдруг кто из её подельниц по указке нападёт?

— С ними халумари. Он кусается сильнее, чем Джинджер. И волшебница из магистрата, — громко произнесла шериффа, поглядев по сторонам. На площади было достаточно людей, несмотря на опускающийся вечер. Это и домохозяйины, запоздало покупающие овощи, яйца и прочую снедь. И молчаливые, супротив обычного, торговли. А неподалёку тщательно прилизанный мужчина в испачканной чернилами куртке приценивался к новой рубашке, но так и не покупал её, отчего портниха уже недовольно постукивала пальцами по прилавку.

— Уважаемая, — наконец-то пришла к уmozаклучению купчиха, — не раньше послезавтра. Выходим с рассветом. Ждать не будем.

Шериффа улыбнулась и отвязала от пояса кошель, протянув его женщине.

— Благодарю. Большого и не надо.

Купчиха привычно взвесила кошель на ладони, прислушиваясь к звуку серебра, а потом нахмурилась и пощупала содержимое пальцами. Там наверняка были не монеты, а полуфунтовки — слитки по полфунта каждый. Но для торговли это тоже неплохо, ибо полуфунтовки принимали везде с охотой, только весы нужно иметь. Вскоре она улыбнулась. И женщины ударили по рукам, завершая сделку. Теперь сребролика хозяйка руд будет знать об их договоре.

А когда шериффа ушла, купчиха снова начала орать на работниц, мол, те криво мешки кладут. Она даже не заметила, как выбравший рубашку мужчина вежливо отказался от покупки по быстро пошёл по улицам, сперва свернув на одну. Потом нырнув через переулок на другую. Он часто оборачивался. Тогда его цепкие глаза выискивали малейшие признаки погони. Лишь когда надолго притаился в тени узкой подворотни и убедился, что погони нет, ещё прибавил шаг. В конце пути он зашёл в старый дом, где коротала остаток жизни слепая старуха, непонятно как ещё подохшая с голоду. Впрочем, её нарочно подкармливали для таких вот случаев. Ведь в доме сейчас она была не одна.

— Барбара, — тихо произнёс мужчина, оглядев тесное помещение с покрытым паутиной копчёным потолком и едва-едва горящим очагом. Это даже не камин. А просто обложенный из

каменной костёр на полу у кирпичной стены. Дым поднимался и уходил в узкую дымовую щель. На полу сидел пяток женщин, окружив лежащую на подстилках Джинджер. И над ней хлопотала совсем ещё молодая девчонка. Она омывала раны чистой тряпкой, смоченной смесью воды и уксуса. Такая же тряпка лежала на лбу скрипящей зубами рыжей.

А та, кого он звал, сейчас сидела на единственной в помещении скамье.

— Что? — оторвавшись от размышлений, спросила разбойница.

— Барбара, они на послезавтра договорились уехать в Таркос.

— Джек, ты хоть осторожно расспрашивал купцов? Они же двусловными оказаться могут. Слово тебе, слово шериффе.

— Я слышал сам разговор. Купчихе денег дали много. Они по рукам ударили.

Барбара кивнула, а слово взяла седовласая нанимательница.

— Атаковать надо, как стемнеет, пока эти выкидыши гиены зализывают дерьмо со своих ран. Мы им показали мельничные жернова, осталось только добить — морщась и шипя заговорила Джинджер, а глянув на помощницу, проронила. — Повязку ту же. Не жалей меня. Жилы не задеты, мясо нарастёт.

В помещении повисла тишина, и лишь кашляющая Барбара начала цедить едкие слова.

— И как ты это себе представляешь? Нас совсем мало. Ты даже стоять не можешь, и по твоей же глупости упустили шанс взять их в норе, столкнувшись прямо на улице. Не получится уже и в дороге взять.

Джинджер оттолкнула юную целительницу и попыталась встать, но не получилось. Рана на ноге заставила разбойницу прикусить губу и остановиться. Ей удалось только сесть, прислонившись к стене.

— У нас есть клубок со слёзной травой. Кинем в камин через трубу. Таверна наполнится дымом. А когда попрут наружу, перебьём как перепёлок.

Рыжая потянулась за ножом, и вытянула его перед собой здоровой рукой, стискивая рукоять в побелевших пальцах. Из горла рвалось клочкотание, как у собаки, которая над костью рычит.

— Я вырву им кишки. А потом на них же повешаю, — выдавила из себя она.

— Много болтаешь, — ответила Барбара и закашлялась в кулак. Когда приступ закончился, продолжила, не обращая внимания на разъярённый взгляд Джинджер.

— Ты потратила все силы огненного ключа. Больше запереть

искры в камне и железе не получится. А раз так, халумари даже не даст тебе приблизиться. Ты сама будешь, как стреляная перепёлка.

— Дурацкий ключ. Откуда он у тебя, вообще, взялся? Магистрат никогда не даст оружие колдовской стражи в руки простым смертным. Украла?

— Нанимательница дала, — после недолго раздумья ответила Барбара. — И все богини в свидетельницы, мне всё равно, откуда он у неё.

— А вот мне нет, — рыжая поглядела на юную целительницу и сорвалась на неё. — Что сидишь, вылупив глаза? Грей воду.

— Не ор... — Барбара закашлялась, и только отдышавшись, продолжила. — Не ори. Стража сбежит.

— Плевать на стражу. Надо нанять ещё баб, пусть нападут на этого выродка и его ручных гиен, — резко ответила Джинджер и со всей силы воткнула нож в лежащее неподалёку полено. Остальные разбойницы начали старательно отводить взгляды от бешеной волчицы. Даже целительница опустила голову так, чтоб под упавшей со лба чёлкой не было видно глаз.

— Никто с тобой больше не пойдёт, — встав с единственной в помещении лавки, произнесла Барбара. Она сделала несколько шагов, а потом присела на корточки перед рыжей. — Отложи месть на потом. Денег нам больше не дадут. Нанимательница больше не захочет с нами иметь дело. И даже если наскребёшь серебра в карманах, этот городишка — не столица, в нём нет больше ночного сестринства. Кончилось.

— Не отговаривай! — прокричала Джинджер, снова попытавшись приподняться, а Барбара неспешно взяла из рук целительницы мокрую, пахнущую уксусом тряпку и положила на раненую ногу волчицы.

— Если нападёшь сейчас, снова потерпишь неудачу. Тогда, вообще, никто не будет с тобой заключать сделки. Решат, что двулика от тебя отвернулась. Но ты не переживай, он же не человек. С человеком бы ты совладала.

Рыжая с обидой поджала губы и несколько раз со всей силы стукнулась затылком о стену. На карих волчьих глазах проступили слёзы. Наверное, это единственный раз в жизни, когда кто-то видел, как она плачет. Но эти слёзы значили, что изгнанная за буйный нрав из волчьего дозора девушка сдалась, и стоило подумать о бегстве из города. А это уже проще, чем нападать на принадлежащий шерифине трактир с халумари и волшебницей внутри.

Барбара окунула тряпку в подставленную целительницей чашку, отжала, положила на лоб Джинджер и улыбнулась. А

остальные разбойницы с облегчением выдохнули. Ибо сегодня никто больше не умрёт.

* * *

— Вот жопа жадная! — громко прокричала Урсула, идя рядом с телегой и в который раз вспоминая наше убытие из Седых Холмов. — Я ей эта... дай фургон! А она упёрлась, мол, нет самой надо. Я ей, мы же за тебя всю работу сделали! Псоглавых порубили, разбойниц покروшили, словечко перед баронессой и главным халумари замолвить обещали! Но нет же, как была скрагой, та и осталась!

Я опустил глаза на новенькие обутки. Похожие на туфли-чешки из плотной ткани и с толстой кожаной подошвой. Пусть не модные туфли-пулены, зато по удобству во сто крат лучше. Нет этих уродских длинных носов, нужных только для понта. Да и свежий дублет из чёрной шерсти с подкладкой из тонкого льна всё лучше порванной и забрызганной кровью старой куртки.

— Может, она не жадная, а деньги считать умеет? — усмехнулся я, поймав взгляд Катарины, лежащей на мешках с соломой, брошенных поверх тюков с сыромятной кожей. После стычки промыли раны девушки кипячёной водой, а потом по указке системы зашил их. Всё время шутил, что у кошек по земному поверью девять жизней, и ничего страшного не случилось. Катарина тогда ухмыльнулась, что штучки три точно уже потрачено.

— Я тоже считать умею! — громко ответила Урсула на мои слова. Даже погонщица, вёдшая тяглогового бычка за продетую в медное кольцо в носу, с любопытством обернулась. Всего телег было десять. По местным меркам это богатый караван. Из этих повозок, крытых только три, словно купчиха не переживала за товар. Хотя дождя не предвиделось.

— До сколько? — подала голос Лукреция. Она тоже шла вслед за неспешным возом, закинув всю свою поклажу под голову храмовнице, мол, сохранней будет.

— Умею! — огрызнулась наёмница, а потом перевела тему разговора. — Э вы эта... молодец, госпожа волшебница. Как вы их, раз, раз, и в разные стороны. Одна в лепёшку о стену, вторая аж за две дюжины шагов улетела. Да прямо в огонь! Она же заживо до уголька спеклась! Вопли аж до сих пор слышно в ушах!

Урсула изобразила на физиономии выражение, достойное постеров супергеройских фильмов, и провела рукой перед собой и пафосно промолвила: — Магия — это силице.

Лукреция улыбнулась и отмахнулась.

— Это не я. Я просто сняла печать запрета с Марты. А раскидала всех уже она.

Я обернулся и поглядел на пухленькую повариху с вырванным языком. После драки она уволилась у Шерифыни. Долго допытывались, пока через мычание и кивки не узнали, что она боится расправы со стороны разбойниц. Она даже на колени падала и тыкала себе руками в грудь, упрашивая взять с собой. Хватала Лукрецию за руки и норовила поцеловать, а та долго отбивалась от столь яростного напора, пока наконец не сдалась. Теперь эта деревенская ведьма-самоучка идёт с нами в качестве служанки. Большого ей всё равно не светит. Во-первых, она почти неграмотная. Во-вторых, немая. В-третьих, с клеймом отступницы получить разрешение на практику почти невозможно. А так будет помощницей у Лукреции.

— У неё такая силища? — спросил я.

— Сила, она как вода, — улыбнулась волшебница. — Бежит струйкой, копится в ведре. У бедняжки ведро большое, струйка очень тонкая, но за несколько лет накопилось много. Когда я сорвала печать, силы хватило, чтобы разметать врагов по углам.

Я ухмыльнулся. Теперь придётся учитывать тактику боя как в ролевых играх. Пока магесса наколдует, пока восстановится, а ведь ещё и артефакты есть. Кстати, об артефактах.

— Лукреция, а что это за вещь была у рыжей? Я выстрелить не мог.

Волшебница поджала губы и стала серьёзной.

— Не знаю. Похоже на «пожиратель пламени», но чары другие. К тому же это сделано не магистратом. Чары исполнены совсем в другой школе. И очень похоже на «Белый круг».

Лукреция потёрла переносицу.

— Я могу придумать лишнего, но получается такая картина. Королева при смерти. За трон начинают грызнуть две герцогини. Одну поддерживает магистрат, другую — круг. Таркос — важный источник продовольствия для армий. Зерно, масло, молоко, мясо. Но баронесса да Таркос поддерживает вольный Галлипос и магистрат. У неё там налаженные продажи и проверенные покупательницы. И тут кто-то решает напугать баронессу, а если за этим стоит круг, то пугать будут магией.

Я улыбнулся.

— А при чём тут мы?

— А при том, что если магистрат знает, что вы тоже чуете магию, то и круг тоже может об этом узнать. А если ты или я почуем чужие чары, то станем свидетелями, и магистрат легко обвинит своих соперниц во вмешательстве в свои интересы. В

открытую колдовские гильдии драться не будут, невыгодно. А вот стоять за спинами амбициозных сук с герцогскими коронами на головах и кричать обвинения в королевском совете — другое дело.

— Логично, — пожал я плечами и вздохнул, а потом перепрыгнул большую коровью лепёшку. Не хватало ещё новенькими обутками в дерьмо вляпаться. А дорога ими заминирована весьма обильно. — А когда ты догадалась?

— Когда рыжая начала зачарованной вещью размахивать. Я испугалась сильно. Круг ведь не слабее магистрата.

Я улыбнулся. Две фирмы по изготовлению магии решили потягаться за рынок сбыта на фоне политической возни. Как это всё знакомо. Аж на душе теплее стало. Ведь нет ничего хуже неизвестности.

— Орден, — тихо произнесла Катарина, и подняла над головой зелёную печатную плату, глядя на неё, как на дорогую заморскую безделицу. Я разобрал прибор, надеясь, что можно починить. Но увы, копьё пробило и чип, и саму плату. Собрать уже не было смысла.

— Орден не будет вмешиваться в возню гильдий, пока они не захотят единолично захватить власть.

— Антимонопольная служба, — с улыбкой произнёс я по-русски.

— Чего? — переспросила у меня Урсула, которая делала вид, что всё это не касается. Но стоило заговорить непонятно, сразу оживилась.

— Лукреция, а тебя не будут ругать? Ты же мне про чары рассказывала много.

— А ты что-нибудь понял?

Я покачал головой.

— Вот и я не поняла. Крутила твою зелёную плашку, но так и не поняла. Даже когда ты сказал, что это магия волшебных камней и цифровые чары. Так что, думаю, не за что ругать. Ты же не маг, значит, не поймёшь никогда. Я тебя будут ругать?

— Нет, наверное. Но давай пока промолчим. Оба.

Лукреция поглядела на меня, а потом криво улыбнулась и кивнула.

Мы замолчали. Утоптанная дорога петляла между пологих холмов, склоны которых была засеяны колышущейся на лёгком ветру золотой пшеницей. Посреди полей торчали многочисленные пугала, а между пахот ютились берёзовые колки. На голубом небе клонились к очередному закату, раздвигая пушистые облака, яркая белая Шана и маленький оранжевый Сол — небесная пара. Влюблённые боги дарили тепло, а игривый

южный ветер, шевелил перо на моём берегу и колыхал полы моего испачканного плаща. Он как шаловливый юнец бегал по полю, беззаботно играя с людьми, травами и листвой.

Тянущие обоз бычки часто мычали, и это мычание смешивалось с голосами погонщиков и купеческих помощников, создавая ощущение обыденности и спокойствия. Позади остались неурядицы, нечисть и разбойники. Остались вместе с прежним мной. Гипнорежим постепенно сошёл на нет, обнажив меня настоящего, впрочем, не сильно отличающегося от того олуха, роль которого я должен играть.

Почему-то всплыл в памяти инфант Лага Роха. «Нашёл ли ты себя?»

Я поглядел на Катарину, Лукрецию, Урсулу и прибившуюся к нам немую Марту. Раньше я был никем. А сейчас я эльф в сказочной стране, преодолеваю настоящие трудности вместе с рыцаршами и волшебницами. Нет, это не гарем, как в аниме. И не феминизм в толерантных кино. Просто мир такой. А они — боевые подружки. Спутницы в странствии. Которым можно доверить спину. С которыми готов поделиться последней краюхой хлеба, и не только.

Мечтал о сильной, независимой и интересной женщине — вот они. Каждая со своими тараканами в голове, но все они мои. Моё собственное небольшое бабье царство.

Я поднял глаза, увидев крыши большого посёлка, посередине которого возвышался небольшой замок, и ветер трепал тонкие стяги на шпилях сторожевых башен. В голове обоза раздался громкий возглас одной из погонщиков: «Таркос!»

— Да, инфант, я нашёл себя, — произнёс я и улыбнулся.

Эпилог

Настоящим докладываю, что миссия прошла во внештатном режиме. В ходе столкновения с организованной преступной группировкой потеряны и транспорт. Потерь среди личного става группы нет. К назначенному пункту вышли с опозданием на семь суток. Баронесса да Таркос приняла нас без агрессии. Заключено соглашение о повторной доставке утерянных образцов сельскохозяйственных культур земного происхождения. В ходе визита баронесса изъявила желание расширить свою деятельность и осуществлять поставки зерновых культур и мясомолочной продукции на нашу базу. В обмен просила основать представительство на постоянной основе, мотивируя это торговым обменом. Более детально согласилась обсудить только с лицом, имеющим титул не менее баронского.

Письменное предварительное соглашение с подписями сторон в приложении.

Задачи по анализу местного энергетического фона выполнены частично. Полученных данных недостаточно для получения окончательных выводов о природе магии. Рекомендую обратить внимание на проклятые места. Описания в приложении на десяти листах.

Доклад окончил.

Постскриптум

Андрей сидел и водил пальцем по пожелтевшему листку книги. Книга была не земная, а из местных, рукописная. Светлосизые строки затейливого письма, где только стараниями писца слова отделялись друг от друга точками, складывались в сказ о небесной паре и сотворении этого мира.

— Блин, Андрюха! — произнёс стоящий рядом начальник блокпоста и точки ретрансляции. — Харэ зубрить, нет здесь принцесс, не напасёшься их на всех.

Лейтенант поднял глаза на начальника и поправил очки. Что ему ещё делать? он ведь не начкар, он всего-то оператор систем коммуникаций.

— А тебе разве не интересно узнать про этот мир? мы сидим на этом месте уже месяц. Вокруг чужая планета. Сказочное средневековье.

— Да брось. На этой тропе хрен кого дождёшься. Только наши на телегах подвозят консервы.

Андрей вздохнул и пожал плечами, а потом снова уткнулся в книгу.

Начальник сел рядом, откинулся на стуле и поглядел в потолок.

— В одном месте я видел это средневековье. Хоть бы пускали куда, а лес я дома могу посмотреть. У тёщи такой же за огородом.

Все замолчали, и лишь гудение трансформатора разбавляло тишину.

Едва слышно прошипела в соседнем помещении рация, доложив голосом солдата, что на подступах без происшествий.

Шла минута. Шла другая. Миновал час.

— Тащ майор! — раздался вдруг крик. — Там человек. Местная.

Все повскакивали с мест и бросились к бронированному стеклу. И вправду, среди утреннего тумана, погрузившего лес и дорогу в серую кашу, шла девушка. Она шаталась и, казалось, вот-вот упадёт.

— Караул! — раздалось рядом, — по боевому расчёту занять позиции!

Андрей поглядел на начальника, а тот накиннул броник, вжикнул застёжками, взял автомат и повернулся к лейтенанту.

— Андрей, пойдём. Хоть твои факультативы пригодятся. Переводчик с диареей слёг.

Тот встал и тоже потянулся за защитой. А девушка всё приближалась.

Вскоре они выскочили на улицу.

Девушке было всего лет шестнадцать. Но сказать точно было сложно. Лицо забрызгано кровью, куртка сюрко, накинута поверх доспеха — порвана, и различить что-либо не получалось. При этом она сжимала руку на рукояти меча. Шлем потерян.

— Алто! Стой! — закричал часовой вызубренную фразу на местном вперемежку с русским. — Но подемоссегураделантэ! Дальше нельзя!

— Socorro. Эстобускандальмари Юрис. Сокуро, — донеслось со стороны девушки, и Андрей поморщился, вспоминая слова. — Помогите. Я ишу халумари Юрия.

Начальник с лейтенантом переглянулись.

— Кто вы? Квэн эс уста? — закричал он, проклиная грубый акцент. Не получалось у него чисто говорить.

— Ми номбреза Клэр хаф да Кашон. Моё имя Клэр...